

Научно-практический
журнал

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 4 (111), Том 20
Зима 2014

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-60198 от 17.12.2014 г. 16+. Для лиц старше 16 лет.

Учредитель

Общество с ограниченной ответственностью
«ПИР-ПРЕСС»

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

№ 4 (111), Том 20
Зима 2014

Дата выхода номера: 25.12.2014 г.

Редакция

Орлов В.А., главный редактор
[orlov@pircenter.org]
Старчак М.В., помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Труханова Е.А., технический редактор
Макеева Е.И., корректор

Адрес редакции и издателя

123242, г. Москва, ул. Дружинниковская,
д. 30, стр. 1

Интернет-представительство:

<http://si.pircenter.org>

Подписка:

- По России и СНГ: Роспечать, индекс 80666 (см. с. 26)
- По России и СНГ: Пресса России, 10337, <http://www.ppressa-rf.ru/cat>
- По всему миру: ООО *Триалог*, Тел.: +7 (985) 764-98-96
- По всему миру: *East View Informational Services*, <http://eastview.com>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов

Тираж (русское и глобальное издания) 2000 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 115280, Москва, ул. Автозаводская, д. 25

© ПИР-Пресс, 2014

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Для тех кто любит погорячее (монолог наблюдателя о календах и греках)** — Владимир Орлов
Тех, кто любит погорячее, наступающий год вряд ли разочарует. И если по части вкуса еще возможны варианты, зато по части *послевкусыя* можно не сомневаться. Горячее и острое идет на выразительном контрасте с ледяным. Что нам оставил в наследство 2014-й? Старый подмороженный мир или новую холодную войну?
- Ключевые слова:** новая холодная война, Центральная Азия, кибербезопасность, ядерная энергетика, ДНЯО.

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О системе**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Караван российской ядерной энергетики идет вперед** — Михаил Лысенко
Россия — один из лидеров мировой атомной энергетике. Но, чтобы сохранять ведущие позиции на мировом конкурентном атомном рынке, необходимо постоянно развивать новые технологии, содействовать развитию ядерной инфраструктуры, совершенствовать технологии обращения с ОЯТ и РАО, предлагать весь спектр услуг, успешно взаимодействовать с иностранными партнерами и выполнять все взятые на себя обязательства. На вопросы журнала *Индекс Безопасности* ответил директор департамента международного сотрудничества Госкорпорации Росатом Михаил Лысенко.
- Ключевые слова:** атомная энергетика, ядерная безопасность, АЭС.
- 15 **Страны-новички, которые только начинают свои ядерные программы, хорошо осознают свою ответственность** — Александр Бычков
Страны-новички в области строительства атомных электростанций нуждаются в поддержке развития ядерной инфраструктуры для обеспечения безопасности и устойчивой работы АЭС. И главная роль в этом отводится МАГАТЭ. На наши вопросы о важности развития ядерной инфраструктуры в мире, ядерной безопасности, об ответственности стран-импортеров и поставщиков, роли МАГАТЭ и программе ИНПРО ответил заместитель генерального директора МАГАТЭ, руководитель Департамента ядерной энергии Александр Бычков.
- Ключевые слова:** МАГАТЭ, ИНПРО, ядерная безопасность.
- 19 **Правительство Вьетнама привержено развитию ядерной безопасности, безаварийной работы и внедрению системы гарантий** — Хоанг Ан Туан
Вьетнам начал работать над запуском ядерных программ еще с конца 1990-х гг. Сейчас Вьетнам вырабатывает 20 ГВт электроэнергии, причем треть из них с помощью гидроэлектростанций. Планировалось, что уже в 2015 г. 15% потребности Вьетнама в энергии будет компенсировано за счет АЭС. О развитии вьетнамской атомной энергетики и планах на будущее нам рассказал генеральный директор Вьетнамского агентства по атомной энергии доктор Хоанг Ан Туан.
- Ключевые слова:** Вьетнам, ядерная безопасность, АЭС.

23 **Ядерному оружию нет места в оборонной доктрине Ирана — Мехди Санаи**

В течение многих лет иранская ядерная программа остается одним из основных очагов напряженности в международной политике и одним из наиболее чувствительных вопросов в регионе Ближнего и Среднего Востока. Как Иран видит развитие своей атомной отрасли и на что он может надеяться в плане международного сотрудничества в этой области? Рассматривает ли Россию как перспективного партнера для текущих и будущих проектов в сфере ядерной энергетики? Журнал *Индекс Безопасности* задал эти и другие вопросы Чрезвычайному и Полномочному Послу Исламской Республики Иран в Российской Федерации Мехди Санаи.

Ключевые слова: Иранская ядерная программа, МАГАТЭ, российско-иранское сотрудничество, АЭС.

А Н А Л И З

27 **Есть ли будущее у ДНЯО: заметки в преддверии Обзорной конференции 2015 г. — Владимир Орлов**

27 апреля 2015 г. начнет свою работу очередная Обзорная конференция по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), девятая по счету с момента вступления ДНЯО в действие в 1970 г. и четвертая после его бессрочного продления в 1995 г. Директор ПИР-Центра в своей статье рассказывает о перипетиях Обзорных конференций ДНЯО прошлого, оценивает возможности конференции 2015 г. и прогнозирует будущее ДНЯО.

Ключевые слова: ДНЯО, Обзорные конференции, ядерное нераспространение, ядерные программы.

49 **Основные тенденции в области современного терроризма: регионализация вооруженных радикально-исламистских движений на примере ИГИЛ — Екатерина Степанова**

Подъем *Исламского государства Ирака и Леванта* в ирако-сирийском контексте произошел на фоне общего доминирования ряда организаций радикально-исламистского типа на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее смертоносных вооруженных террористических группировок в мире, а также спорадических всплесков джихадистского терроризма на Западе.

Ключевые слова: ИГИЛ, Сирия, Ирак, международный терроризм, джихадизм.

59 **Опыт и практика России в оказании содействия странам-партнерам в создании ядерной инфраструктуры — Юрий Бусурин**

Ядерно-энергетическая программа, где строительство АЭС является одним из важных проектов, — серьезное мероприятие, требующее тщательного планирования, старательной подготовки и больших капиталовложений и человеческих ресурсов. В статье рассказывается о внедрении ядерно-энергетических программ, поддержке устойчивой национальной инфраструктуре, об ответственности в развитии АЭС и ядерного топливного цикла.

Ключевые слова: ядерная инфраструктура, МАГАТЭ, ядерный топливный цикл.

71 **О мифах и реальностях влияния информационного общества на международную безопасность — Дмитрий Евстафьев**

Развитие информационного общества не оказывает на сферу международной безопасности того доминирующего влияния, которое оно оказывает на социальные процессы в развитых индустриальных и постиндустриальных странах. Развитие информационного общества применительно к сфере международной безопасности сильно зависит от целого ряда политических и социально-экономических факторов.

Ключевые слова: информационное общество, интегрированные коммуникации, международная безопасность.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

77 **Общая повестка дня России и АСЕАН в киберпространстве: противодействие глобальным угрозам, укрепление кибербезопасности и развитие сотрудничества — Борис Васильев, Александр Калинин, Алексей Лукацкий, Михаил Медриш, Владимир Орлов, Виктор Тарусин, Михаил Якушев, Андрей Ярных**

По инициативе ПИР-Центра представители государства, бизнеса, научного и технического сообщества в рамках круглого стола попытались ответить на вопрос о том, какие совместные интересы объединяют Россию и АСЕАН в укреплении глобальной безопасности в киберпространстве, а также оценить потенциал Юго-Восточной Азии как рынка сбыта российских средств защиты информации, производственной площадки программно-аппаратной продукции российских компаний.

Ключевые слова: кибербезопасность, киберпреступность, хакерство, АСЕАН.

К О М М Е Н Т А Р И И

93 **Сланцевая революция и новые правила игры: есть ли угроза российским энергетическим позициям в Европе? — Андрей Шадурский**

Статья критически оценивает масштаб *сланцевой революции* и шансы на ее повторение за пределами Северной Америки. Косвенные эффекты *сланцевой революции* — глобализация рынков сжиженного природного газа и изменение международного режима торговли природным газом — несут угрозу привычному *modus operandi* российской энергетической политики на традиционном европейском направлении, а также ухудшают переговорные позиции на новых для России азиатских рынках.

Ключевые слова: природный газ, сжиженный газ, СПГ, сланцевая революция, энергетическая политика, Россия, Европейский союз.

103 **Исламистская угроза для Центральной Азии: Афганистан и глобальный контекст** — Иван Сафранчук

Открыть в Центральной Азии новый фронт глобального джихада и глобальной войны с терроризмом не получится. Но сделать такой посыл убедительным и эффективным можно только, во-первых, реально осознавая всю опасность нависшей над регионом угрозы (а не посмеиваясь над якобы страшилками), а во-вторых, только общими усилиями.

Ключевые слова: Центральная Азия, терроризм, джихадизм.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

107 **Индекс iSi за июнь-ноябрь 2014 г. У края** — Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури

Летом-осенью 2014 г. Индекс международной безопасности демонстрировал разнонаправленную динамику. Летом показатель Индекса iSi снижился. На 1 июня iSi составил 2776 пунктов, а на 1 июля снизился на 9 единиц, составив 2767. На 1 августа индекс достиг наименьшей отметки в 2014 г., составил 2758 пунктов. Стремительное снижение Индекса iSi летом связано с резким обострением военно-политической ситуации на юго-востоке Украины, где в июне-августе шли ожесточенные бои между армией и ополченцами, отстаивающими независимость Донбасса. Другим фактором, приведшим к негативной динамике Индекса iSi, стала усилившаяся угроза радикального исламизма на Ближнем Востоке, в частности продвижение и захват ряда городов в Ираке, Сирии, Ливии боевиками группировки ИГИЛ, а также новым витком палестино-израильского конфликта.

112 **Глазами либерала: Эпоха тревоги** — Юрий Федоров

Перерастание противостояния в Украине и вокруг нее в военно-политическую конфронтацию России и западного мира, появление Исламского государства, самого inferнального ныне порождения исламского экстремизма, эпидемия лихорадки Эбола, грозящая вырваться за пределы африканского континента, укрепляют представления о том, что с лета 2014 г. мировая политика, да и общественная жизнь в целом все более складываются под влиянием бесконтрольных темных иррациональных сил и патологических импульсов.

Ключевые слова: ИГИЛ, украинский кризис, США.

127 **Глазами консерватора: хаос и развитие vs порядок и послушание** — Дмитрий Евстафьев

К ноябрю 2014 г. этот мир стал существенно более реальным и операционно пригодным, нежели был в марте-апреле 2014 г., когда российский триколор поднялся над Крымом. Этот мир отвоёвал себе вполне приличное пространство для развития, причем как в политическом плане, так и в экономическом. Собственно, в этом главная суть геополитических и силовых процессов, которые мы наблюдали начиная с весны 2014 г.

Ключевые слова: украинский кризис, ядерное оружие, Каспий, ИГИЛ.

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

143 **Сокращение стратегических наступательных вооружений: история и уроки первого договора** — Федор Ладыгин

Договор о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1) — это следствие принципиально важного решения правительств СССР и США, принятого на советско-американской встрече в Рейкьявике, продолжить и развить курс, начатый в 1969 г., на ограничение и сокращение СНВ двух ядерных сверхдержав того времени. Договор СНВ-1, срок действия которого истек в декабре 2009 г., несмотря на все имеющиеся в нем недостатки, существенно снизил стратегические ядерные потенциалы двух сверхдержав и послужил основой для последующих сокращений ядерных вооружений.

Ключевые слова: СНВ-1, ядерное разоружение, КРБД, ПРО, ракетные комплексы.

Б И Б Л И О Т Е К А

153 **Шаги к ядерному разоружению и роль статьи VI** — Тарик Рауф

«Подготовленная ПИР-Центром Белая книга отражает взгляды многих авторитетных экспертов в данной области. В ней содержится критическая оценка выполнения обязательств в области ядерного разоружения, принятых в 2000 и 2010 гг.».

Ключевые слова: контроль над вооружениями, нераспространение, ДНЯО.

157 **Ненновый взгляд на неизвестное** — Александр Федоров

О безопасности в информационном обществе говорят уже более полувека, причем начали задолго до того, как даже наиболее развитые страны в полной мере вступили в эту стадию развития. Однако до сих пор редкостью являются монографические издания, прямо относящиеся к этому вопросу.

Ключевые слова: информационная безопасность, управление интернетом, киберугрозы.

РЕДАКТОРУ

163 **В год 20-летия ПИР-Центра: продолжаем принимать поздравления от наших друзей**

177 SUMMARY

181 ОБ АВТОРАХ

187 ПИР-ЦЕНТР

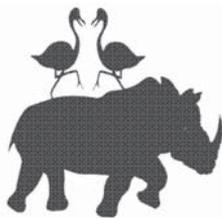
188 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

189 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ В 2014 г.

195 РЕЦЕНЗЕНТЫ ЖУРНАЛА ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ В 2014 г.

КОНЕЦ. ЦИТАТЫ

Обл. III **Об истине**

ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ ПОГОРЯЧЕЕ
(МОНОЛОГ НАБЛЮДАТЕЛЯ О КАЛЕНДАХ И ГРЕКАХ)

*Наблюдатель? Свидетель событий? Войны в Крыму?
Масса жертв — все в дыму — перемирие полотенца...
Нет! Самому совершить поджог! (...)
Бродский. Из Парменида.*

*Мой Телемак,
Троянская война
окончена. Кто победил — не помню.
Должно быть, греки (...)
Бродский. Одиссей Телемаку*

Последняя обложка этого номера — она же первая обложка *Календаря ПИР-Центра* на 2015 г. Что логично: этот номер завершает годичный журнальный цикл 2014 г., передавая эстафету следующему циклу — 2015-го. И справедливо: хотя *Календарь ПИР-Центра* — пока еще не *календарь Пирелли* (да-да, сотрудники коммерческого отдела то и дело подкидывают подобные идеи), он тоже стал явлением, заметным в определенных, пусть и узких, кругах.

В один из годов, помнится, на обложке *пировского календаря* красовался самоанский ананас. Вероятно, дело было в *тучные нулевые*. В 2014 г. на обложке календаря *соображали на троих* южноафриканские носороги — звери, к которым мы в редакции *Индекса Безопасности*, как известно, всегда были равнодушны, не столько по причине рога, сколько из-за рифмы их мощной брони с уязвимостью, доведшей их до грани истребления. Носороги — настоящие security-символы. (На последней странице того же календаря те же секс-символы дружно повернулись к нам задом... а еще говорят, что *нет пророков...*)

На обложку календаря–2015 вынесена деревенская корзина, полная красных перчиков чили; перчики выставлены на просушку на крыше хижины в одной из горных деревень Золотого Треугольника.

Как и носороги, красные перчики по своей природе дуалистичны: кому-то — безумно жжет, перехватывает дыхание, слезы в три ручья, а кому-то — тонус, удовольствие, яркий вкус и особенно послевкусие.

Вот меня хлебом не корми, но дай чили пожевать. Даже если слезы из глаз. Сколько моих коллег по ПИРу проливали слезы вместе со мной в тайских харчевнях за острым специалитетом, с ними вместе лил слезы и я, хотя не готов биться

об заклад, что все собеседники разделяли мои восторги по поводу *яркого послевкусия*.

Some like it hot. Но риск *переборщить* — да, такой риск в прямом смысле слова *налицо*. (А вот в *переборщить* прошу никакого иного смысла, никакого, так сказать, восточнославянского *перца* не искать. Хороший борщ и без чили хорош.)

Тех, кто *любит погорячее*, наступающий год вряд ли разочарует. И если по части вкуса еще *возможны варианты*, зато по части *послевкусия* можно не сомневаться. *Горячее и острое* идет на выразительном контрасте с *ледяным*. Что нам оставил в наследство 2014-й? Старый *подмороженный мир* или *новую холодную войну*?

Читатели *Индекса Безопасности* уже знают мое мнение на этот счет, и с тех пор как я сформулировал свою позицию в июне 2014-го, она не изменилась. Я считаю, что речь идет о новой холодной войне. Новой — и в смысле *второй* (когда-нибудь учебники истории так и будут писать: *вторая холодная война*... или новым стилем: «Cold War 2.0»... вы, кстати, никогда не задумывались, почему *холодную войну* по-русски пишут со строчной буквы, а по-английски — с прописной? Это к вопросу о победителях или из области подсознания?). И в смысле ее качественных характеристик тоже новой. К ядерному сдерживанию прибавляются игры без правил в космическом и киберпространствах. Война в трех измерениях.

То есть эта *новая холодная* — **война 3D**. И если захочется остановиться, то просто снять стереочки не поможет — разве вы знаете, где здесь кнопка *стоп*?

«К зиме 2014 г. этот мир стал существенно более реальным и операционно пригодным, нежели был весной, когда российский триколор поднялся над Крымом», убежден обозреватель *Индекса Безопасности* Дмитрий **Евстафьев**. Нет, спорит с ним другой наш обозреватель Юрий **Федоров**: «С лета 2014 г. мировая политика, да и общественная жизнь в целом все более складываются под влиянием бесконтрольных темных иррациональных сил и патологических импульсов».

Взгляды полемистов непримиримы и могут быть протестированы только годом наступающим: операционная пригодность vs инфернальный иррационализм. Или же возможно и то и другое одновременно? Вот уж тогда будет дуализм так дуализм, чили так чили. Правда, наш индекс международной безопасности *iSi* не показывает однонаправленной тенденции. Упав почти на дно в июле-августе — оказавшись у края, как оценила его наш консультант Галия **Ибрагимова**, он не спикировал дальше. Он мечется. Математическая модель, на которой зиждется *iSi*, верно *зацепила* эмоции уходящего 2014-го — *года метаний*.

Темные силы, пользуясь этим смятением, обустроиваются — и на Ближнем Востоке, и в зонах, прилегающих к Центральной Азии. Напряжение вблизи грани России и (немногочисленных) ее союзников нарастает не только с западного и юго-западного *фронтов* (где мы сами вызвали огонь на себя и где *пружина* не могла более терпеть гнета), но и с южного — а там *джинна из бутылки* мы не выпускали, хотя и разумно поджидали. Теперь *золотому петушку* придется нелегко, подавая сигналы тревоги и чуя угрозы по такому широкому периметру. Об этих угрозах пишут Иван **Сафранчук** (Центральная Азия и Афганистан) и Екатерина **Степанова** (ИГИЛ).

В глобальной киберанархии, которую принято именовать, на грани оксюморона, *глобальным управлением интернетом*, едва-едва проступают контуры возможных международно-правовых решений. Но контуры зыбки, недоверие зашкаливает (помножьте то, о чем говорил Сноуден, на то, о чем он еще не сказал и о чем даже он не подозревал), и риск кибервойн, вовлекающих государство *первого ряда*, а не только и не столько негосударственных игроков — этот риск перерастает в глобальную угрозу. Об этом размышляет, листая книгу «Кибербезопасность и управление интернетом», Александр **Федоров**. Прошло 15 лет с тех пор, как он принес в ПИР-Центр свои наработки по вопросам международной информационной безопасности и международно-правовых ее аспектов. Но и сегодня

он признается, что бросает, пусть и «неновый» взгляд, но взгляд по-прежнему в «неизвестное».

Среди *метаний* 2014 г. нам в России особо бросаются в глаза метания в области энергетики. Падение цен на углеводороды ставит вопросы и экономическое, и внешнеполитического плана. Здесь необходимость уметь заглянуть в завтра особенно высока. О так называемой *сланцевой революции*, новых правилах игры и о том, представляют ли они угрозу российским энергетическим позициям в Европе, пишет Андрей **Шадурский**.

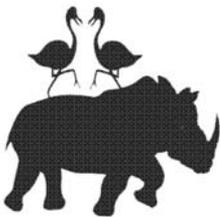
Российская атомная энергетика на фоне *углеводородной иглы* и в условиях девальвации национальной валюты выглядит чуть ли не как единственный осязаемый, масштабный и тщательно продуманный ответ экономическим потрясениям — та *домашняя заготовка* высокотехнологичного экспорта, которая не экспонат в единственном экземпляре, а реально работающая отрасль. «Караван российской ядерной энергетике идет вперед», говорит Михаил **Лысенко**. Его вывод подтверждают на конкретных страновых примерах Хоанг Ан **Туан**, Юрий **Бусурин** и Александр **Бычков**, а посол Ирана в Москве Мехди **Санаи** рисует целую палитру ожиданий Ирана от новой волны сотрудничества в области мирной атомной энергетике — и *первые ласточки* в этом направлении уже появились. Правда, не разгляжу пока, *ласточки* это, *синички* или *журавли*. России с Ираном правильнее было бы строить сотрудничество масштабно, стратегически, без оглядок на *критиков*. В атомной энергетике, как и по другим направлениям сотрудничества, и России, и Ирану, по-моему, в равной степени сейчас нужны *журавли в руках*, а не *синички в небе*.

В этом номере публикуется моя статья «Есть ли будущее у ДНЯО: заметки в преддверии Обзорной конференции 2015 г.». Но о ней я здесь рассказывать не буду. Вместо этого вспомню напоследок вот какой недавний эпизод. Встречался с американскими студентами магистратуры, которые в течение семестра *моделируют* работу Обзорной конференции ДНЯО 2015 г.: учатся, прогнозируют. Поговорил с ребятами из *российской делегации*: они вели дело на этой *конференции-модели* вполне в наступательном духе — в том духе, что России не пристало и не в чем оправдываться, будь то Будапештский меморандум или статья VI. Но в какой-то момент почувствовали, что одни в поле они не воины — даже если это такое комфортное для России *поле*, как ДНЯО. Обратились было в сторону БРИКС: но Индии по объективным причинам на конференции быть не могло, а Бразилия и Южная Африка как-то *ушли в отказ*. Обратились к ОДКБ. Там пошло веселее, вот только голос и влияние членов ОДКБ пока еще слишком скромные. Стали *креативить*, выстраивать новые неформальные коалиции. И получилось, с сочным названием RICE: Russia–Iran–P. R. China–Egypt. *Повестки дня* делегаций всех этих стран на конференции–2015, по мнению студентов, в определенных сегментах совпали, и это позволило не просто сформировать такую коалицию, которая оказалась для *российской делегации* куда более полезной, нежели традиционная *ядерная пятерка*, но и в принципиальных для России вопросах успешно идти на таран...

Правда, я расстался со студентами до того, как их *конференция* подошла к концу, и не в курсе результата — что проросло из этого их интересного *рисового* зернышка. А пока что ни посеешь, прорастают перцы чили.

Владимир Орлов
25 декабря 2014 г.,
Москва

Михаил Лысенко:

«КАРАВАН РОССИЙСКОЙ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
ИДЕТ ВПЕРЕД»

Россия — один из лидеров мировой атомной энергетики. Но, чтобы сохранять ведущие позиции на мировом конкурентном атомном рынке, необходимо постоянно развивать новые технологии, содействовать развитию ядерной инфраструктуры, совершенствовать технологии обращения с отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) и радиоактивными отходами (РАО), предлагать весь спектр услуг, успешно взаимодействовать с иностранными партнерами и выполнять все взятые на себя обязательства. Как развивается мировая атомная энергетика и какова роль России в этом процессе? Каковы успехи и сложности России на мировом атомном рынке? Как развивается атомная отрасль России и каковы ее конкурентные преимущества?

На эти и другие вопросы в интервью журналу Индекс Безопасности ответил директор департамента международного сотрудничества Госкорпорации Росатом Михаил Лысенко¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете современное развитие мировой атомной энергетики? Каковы перспективы ее развития?

ЛЫСЕНКО: Сегодня в мире эксплуатируются 435 блоков АЭС в 30 странах суммарной мощностью 370 ГВт. Строится 72 новых блока АЭС. За 60 лет мировой ядерный рынок видел взлеты и падения. Крупнейшие ядерные аварии на АЭС Три-Майл-Айленд в США в 1979 г., на Чернобыльской АЭС в 1986-м и, наконец, на Фукусиме-1 в Японии в 2011 г. приводили к спадам на глобальном ядерном рынке. Тем не менее можно уверенно сказать, что мировое сообщество оправилось от психологического шока, вызванного аварией на АЭС Фукусима-1. Из нее были извлечены уроки, сделаны выводы, реализованы дополнительные мероприятия по безопасности. В 2013 г. в Санкт-Петербурге состоялась Международная конференция по атомной энергии в XXI в., организованная МАГАТЭ, с участием министров, высокопоставленных чиновников и экспертов из 87 государств и 7 международных организаций. Она признала, что «ядерная энергетика будет играть все более важную роль в достижении энергетической безопасности и целей устойчивого развития в XXI в.».

В 2014 году МАГАТЭ дало прогнозы дальнейшего развития глобальной атомной энергетики — низкие и высокие. Показательно, что оба прогноза указывают на тенденцию к росту к 2030 г. Причина ясна: страны хотят жить в режиме предсказуемости и долгосрочного планирования своего энергетического будущего, в том числе исходя из необходимости преодолевать растущий энергодефицит, сохра-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

нять экологию и экономить углеводороды. К настоящему времени более 60 стран включили атомную энергетику в свои национальные энергетические стратегии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Российская атомная энергетика развивается в русле мировых тенденций?

ЛЫСЕНКО: Россия в этом смысле не исключение. Сейчас у нас в стране действуют 33 ядерных энергетических блока, которые в прошлом году произвели 172,2 млрд кВт·ч энергии, что составляет 16,8% от общей выработки электроэнергии в стране. В России продолжается строительство 9 новых блоков, включая первую в мире плавучую АЭС. В этом году мы выходим на сдачу трех энергоблоков в России. Это 3-й блок Ростовской АЭС, 1-й блок Нововоронежской АЭС-2 и 4-й блок Белоярской АЭС с новым реактором на быстрых нейтронах БН-800. Далее до 2030 г. намерены приступить к сооружению еще трех энергоблоков с реакторами БН-1200.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль играет Россия на мировом атомном рынке? Какие страны проявляют интерес к сотрудничеству с Россией в постройке АЭС?

ЛЫСЕНКО: *Росатом* уверенно держит высокую планку на мировом рынке. Мы — единственная в мире компания, которая строит АЭС за рубежом, — масштабно и референтно.

Реальное сооружение АЭС: Китай — 2 блока сданы, 2 блока строятся, Индия — завершается строительство двух блоков, на 2 новых есть контракт, Иран — 1 блок сдан, Белоруссия — 2 блока строятся, Турция — выбрана площадка под 4 блока, Бангладеш — выбрана площадка под 2 блока, Вьетнам — выбрана площадка под 2 блока.

Что в заделе: с Венгрией подписано соглашения о сооружении двух новых блоков АЭС *Лакш*, с Финляндией подписан контракт на сооружение АЭС *Ханхикиви-1*, российская технология победила в тендере на сооружение первой АЭС в Иордании, за последние недели подписаны рамочные МПС с Алжиром, ЮАР, Аргентиной, парафировано МПС с Казахстаном.

Как сказал Президент России В. В. Путин в ходе Петербургского международного экономического форума 23 мая 2014 г.: «Мы не только поставляем и продаем атомное энергетическое оборудование, мы создаем целую отрасль — это и наука, и подготовка кадров. Мы намерены строить самые современные атомные электростанции и самые защищенные с точки зрения обеспечения безопасности».

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Почему наши АЭС и услуги пользуются успехом на международном рынке?

ЛЫСЕНКО: Потому что наша политика основана на ряде проверенных жизнью принципов. Их можно назвать принципами четырех С.

Во-первых, это *содействие* новичкам в создании у них всей необходимой инфраструктуры для реализации национальных ядерно-энергетических программ — нормативно-правовой базы, системы обращения с ОЯТ и РАО, подготовки квалифицированных специалистов.

Во-вторых, это *совершенные* ядерные технологии с точки зрения их безопасности и надежности. Как известно, мы предлагаем партнерам самые современные технологии поколения 3+.

В-третьих, это *сотрудничество* по широкому спектру вопросов — локализации по привлечению местных подрядчиков, промышленной кооперации и пр.

В-четвертых, это стабильность и надежность при выполнении взятых на себя обязательств. В качестве примера хотел бы напомнить, что, как и прежде, украинские АЭС своевременно обеспечиваются поставками российского ядерного топлива. Все обязательства выполняются неукоснительно и в полном объеме.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вместе с тем для выживания в конкурентной борьбе необходимы постоянные инновации и собственное развитие. Над чем *Росатом* работает сейчас?

ЛЫСЕНКО: Над продлением жизненного цикла АЭС. Одно из важнейших событий 2014 г. — завершена разработка нового типа особо чистых радиационно-стойких сталей для корпусов новых реакторов модели ВВЭР. Их применение позволяет гарантировать более 100 лет эксплуатации энергоблоков. Может ли кто-либо предсказать развитие политической ситуации в мире на 100 лет вперед? Скажем, наши отношения с США, Европой, с соседними странами? Ответ очевиден — нет. А развитие атомной энергетики через век: какие станции будут работать, какие будут выведены, — мы вполне можем предсказать! Отсюда вывод: атомная энергетика — фактор стабильности и предсказуемости на мировой арене.

Далее, вопрос перехода на замкнутый топливный цикл. В отработке у нас сразу две технологии быстрых реакторов — с натриевым и тяжелометаллическим теплоносителем. Мы назвали этот проект, ориентированный на достижение нового качества ядерной энергетики, *Прорыв*. Его цель — создание опытного ядерно-энергетического комплекса, на одной площадке которого размещаются как АЭС с реактором на быстрых нейтронах, так и производство по регенерации и рефракции ядерного топлива и установки по переработке всех видов РАО.

Совершенствование технологий обращения с ОЯТ и РАО. На площадке Горнохимического комбината, в развитие уже существующих мощностей по хранению облученного топлива и обращению со средне- и высокоактивными отходами, создается промышленная инфраструктура для решения проблем ОЯТ и РАО через замыкание ядерного топливного цикла. Модернизировано *мокрое* и построено новое *сухое* хранилище ОЯТ, завершается строительство еще двух *сухих* хранилищ ОЯТ. Ведется сооружение опытно-демонстрационного центра по отработке инновационных технологий переработки ОЯТ с производительностью до 250 тонн в год и завода по производству МОКС-топлива для быстрых реакторов.

Расширение сотрудничества с международными структурами. С 1 января 2013 г. Россия стала участником Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития (АЯЭ ОЭСР). Это элитный клуб 34 стран с развитой атомно-энергетической отраслью. Вступление России в АЯЭ обеспечивает дополнительные условия для полноправного участия в формировании решений относительно продвижения ядерно-энергетических технологий на мировые рынки и будущих параметров развития атомной энергетики. Участие в Банке данных АЯЭ позволяет Госкорпорации *Росатом* в полном объеме пользоваться его обширной и полезной информацией, в том числе по свойствам реакторных материалов, а также расчетными кодами, а также предоставлять свою техническую информацию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Успехи впечатляют. Но наверняка возникают и сложности. С какими вызовами сталкивается Россия на пути развития ядерной энергетики?

ЛЫСЕНКО: Во-первых, агрессивная недобросовестная конкуренция, попытки выдавить Россию с рынков ряда стран; во-вторых, политическая нестабильность, причем в самых острых формах, в различных регионах, в том числе вблизи границ России. Есть ли гарантии того, что агрессивный экстремизм не встанет на путь подрыва режима ядерного нераспространения? А как расценить недавние публичные заявления представителей украинского руководства о том, чтобы *вер-*

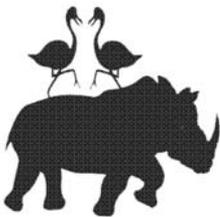
нуться к созданию ядерного оружия и выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия?

Тем не менее *караван российской ядерной энергетики идет вперед*. У нас сейчас рекордное число заказов за рубежом. У нас высокие, проверенные, надежные технологии. Наши партнеры заинтересованы в нас не менее, чем мы в них. Возраст эксплуатации атомных энергетических объектов удлиняется, скоро он достигнет 100 и более лет, т. е. гораздо дольше любой политической конъюнктуры.

Практически по всем критическим ядерным технологиям мы самодостаточны. Главное же в том, что Россия готова к открытому сбалансированному сотрудничеству на основе взаимной выгоды и учета интересов сторон. 🐘

Примечание

¹ Интервью основано на выступлении Директора департамента международного сотрудничества Госкорпорации *Росатом* М. Н. Лысенко на расширенном заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и Международного клуба *Триалог* в Москве 4 октября 2014 г.

Александр Бычков:

«СТРАНЫ-НОВИЧКИ, КОТОРЫЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТ СВОИ ЯДЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ, ХОРОШО ОСОЗНАЮТ СВОЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Катастрофа на АЭС Фукусима-1 не ознаменовала конец атомной энергетики. В 2014 г. в мире были впервые подключены к сети четыре новых блока — три в Китае и один в Аргентине. Также в 2014 г. стартовало строительство трех новых блоков — по одному в ОАЭ, Белоруссии и Аргентине. Однако страны-новички в области строительства атомных электростанций нуждаются в поддержке развития ядерной инфраструктуры для обеспечения безопасности и устойчивой работы АЭС. И главная роль в этом отводится Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ). МАГАТЭ должно непосредственно контролировать согласованность между производственными задачами и надежностью применяемого оборудования и получать твердые гарантии того, что управление АЭС будет осуществляться квалифицированно и ответственно. На вопросы о важности развития ядерной инфраструктуры в мире, ядерной безопасности, об ответственности стран-импортеров и поставщиков, роли МАГАТЭ и программе ИНПРО корреспонденту журнала Индекс Безопасности, директору Программы «Россия и ядерное нераспространение» Андрею Баклицкому ответил заместитель генерального директора МАГАТЭ, руководитель Департамента ядерной энергии Александр Бычков.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В каких основных форматах ведется работа МАГАТЭ в области развития атомной инфраструктуры?

БЫЧКОВ: МАГАТЭ для стран-участниц имеет несколько форматов работы. Прежде всего это сбор и распространение информации, которая доступна для мирного использования атомной энергии. Второе, это разного рода миссии. Третье — это разнообразные проекты, выпуск рекомендаций, руководящих документов и т. д.

Так, в области инфраструктуры мы работаем по двум направлениям. Во-первых, это разработка документов, в которых приводится ряд рекомендаций для подготовки инфраструктуры перед началом строительства и пуском первой АЭС в какой-либо стране. Это достаточно известный *Mailstones Approach*, подход *верстовых столбов*, если дословно перевести на русский.

А вторая часть, это подготовка и осуществление специальных миссий, во время которых эксперты, работающие в секретариате, и приглашенные эксперты из других стран анализируют существующую инфраструктуру в стране, готовящейся развивать атомную энергетику.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Назовите, пожалуйста, страны, которые могут стать образцом для подражания в развитии атомной инфраструктуры, есть ли негативные примеры?

БЫЧКОВ: Начну с конца. Негативных примеров нет, так как сама методология исключает понятие *негативные примеры*, поскольку мы рекомендуем странам, что нужно делать, а страны вольны реализовать наши рекомендации. Как правило, страны-новички выполняют все наши рекомендации. Может быть, это делается не сразу, с задержкой, но делается. В качестве примеров можно привести страны, в которых недавно стартовали атомные программы, началось строительство АЭС, — это ОАЭ и Белоруссия. В обеих странах выстроена очень понятная вертикаль управления проектами, они очень хорошо взаимодействуют со странами, поставщиками АЭС, и выполняют наши рекомендации.

Более того, опыт работы ОАЭ достаточно важен, поскольку он трансформируется в наши обновленные документы. Белоруссия интересна в другом ключе — она использовала все три наших подхода, которые мы рекомендуем выполнять на различных этапах подготовки национальной программы. Коллеги из Республики Беларусь проверили оценки экономического баланса, экономическое планирование, оценили стратегию развития атомной энергетики, включая не только вопросы энергопоставок, но и вопросы топливного цикла, обращения с отходами и т. д. по методологии INRPO — Nuclear Energy System Assessment, т. е. оценили ядерную энергетическую систему на долгосрочном тренде развития. Так что у нас есть хорошие примеры, и другие страны-новички следуют в этом же направлении.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Развитие атомной энергетики — право, гарантированное 4-й статьей ДНЯО. При этом вместе с правами у стран есть и обязанности. На Ваш взгляд, страны-новички хорошо осознают свою ответственность в области обеспечения технической и физической ядерной безопасности?

БЫЧКОВ: Те страны-новички, которые начинают национальные программы развития ядерной энергетики (Белоруссия, Польша, Казахстан, Турция, Бангладеш, Нигерия, Вьетнам) очень хорошо осознают свою ответственность. В вопросах инфраструктуры мы рассматриваем и рекомендуем те или иные подходы для подготовки национальной системы регулирования ядерной деятельности и системы физической защиты ядерных материалов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какова, на Ваш взгляд, роль стран-поставщиков в развитии атомной инфраструктуры? Должны ли экспортеры проявлять инициативу или им достаточно реагировать на запросы от стран-импортеров и МАГАТЭ?

БЫЧКОВ: Очень интересный вопрос. Развитие инфраструктуры, часть которой непосредственно связана с производством атомной электроэнергии — это в какой-то мере обязанность стран-поставщиков. Подготовка технических средств для обеспечения безопасности и эксплуатация объектов мирного использования атомной энергии — это тоже в большей мере обязанность стран-поставщиков, т. е. поставляемая *продукция* — АЭС — должна быть безопасной. Но в то же время принимающие страны должны обеспечить юридическую базу, нормальное регулирование деятельности и всю соответствующую национальную инфраструктуру, включающую подготовку кадров.

А о проявлении инициативы я спрошу: а должны ли? Это не очень корректно, так как реально экспортеры проявляют инициативу и помогают странам-импортерам в решении ряда инфраструктурных проблем, прежде всего в сфере образования. Как правило, этот вопрос волнует всех. Образование, подготовка юридической базы и нормативной документации — именно страны-импортеры, а не только компании-поставщики работают в этом направлении. Япония, Россия, Франция, Южная Корея и США в этом направлении работают очень хорошо, особенно там, где они планируют строить. Существует несколько хороших примеров поддержки и помощи в образовании и подготовки национальных кадров, иногда кажется даже, что просто с гуманитарной целью. Я надеюсь, что и в будущем страны-импортеры и поставщики ядерного оборудования будут внимательно относиться к этому вопросу.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В одном из своих первых интервью на посту заместителя генерального директора МАГАТЭ вы сказали: «Считаю, что одна из ключевых программ, которую нужно развивать и переводить на новый уровень — это программа ИНПРО — международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам». Удалось ли воплотить на практике то, что задумывалось?

БЫЧКОВ: Да, удалось. Прежде всего это касается административной позиции этого проекта. 4 года назад в МАГАТЭ была лишь группа внутри секции с достаточно низким административным уровнем, хотя она работала как проект неплохо и уже имела достаточно большой международный авторитет. Сегодня это уже отдельная секция, т. е. в начале мы выделили ее в отдельную группу, а в этом году генеральный директор принял решение выделить ее в отдельную секцию — теперь это не только проектная деятельность, это деятельность, полностью встроенная в структуру МАГАТЭ как таковую. Кстати, это касается и работ по инфраструктуре.

Если говорить о сути самого проекта, проект действительно достиг достаточно важных результатов в нескольких направлениях. Прежде всего на базе этого проекта создана устойчивая понятная методология, достаточно сложная, но дающая хороший результат. Nuclear Energy System Assessment (NESA) — это оценка ядерной энергетической системы. С помощью этой методологии оценивают устойчивость развития атомной энергетики в той или иной стране с учетом будущих и сегодняшних технологий. Этим инструментом уже пользуется несколько стран. У нас выполнены неплохие исследования для Аргентины, Армении, Индонезии, Украины — можно достаточно долго перечислять страны, — и эта методология совершенствуется.

Другое направление — инновации. Что ожидать от инноваций? У нас есть несколько конкретных проектов, которые рассматриваются с помощью методологии ИНПРО, и достаточно часто мы находим *подводные камни* на пути реализации этих инноваций. Так, в прошлом, 2013-м, году, после долгой подготовки мы выпустили очень интересный документ, связанный с транспортабельными ядерными установками, в котором было достаточно четко показано, что в современном мире много сложностей по лицензированию и технической реализации подобных проектов. Эти сложности связаны прежде всего с отсутствием юридического лицензированного поля для таких установок.

Следующее важное направление — глобальное сценарирование будущей энергетики с включением атомной энергетики. И здесь мы перешли на новый уровень: ведутся два больших проекта, первый называется Synergies, второй — Roadmaps. Они рассматривают многофакторное движение атомной энергетики в будущем как устойчивую часть производства энергии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Работа по консультированию государств — членов МАГАТЭ в рамках ИНПРО высоко ценится участниками, при этом проект финансируется из внебюджетного фонда агентства. С чем связан подобный характер финансирования?

БЫЧКОВ: Это не совсем так. Проект финансируется и из регулярного бюджета тоже. Да, это один из тех проектов, где доля внебюджетного финансирования выше, чем доля бюджетного, но проект занимает устойчивую строчку в бюджете агентства, имеет постоянный персонал, который занимается организацией всех мероприятий в рамках ИНПРО.

Да, мы, получаем дополнительное финансирование в этом направлении как бы двумя потоками. Первое — это вклады стран — участниц ИНПРО, хотя есть страны, которые, будучи членами этого клуба, не вносят финансовых вкладов, или вносят небольшие суммы. Сегодня два наших основных донора — Российская Федерация и США. И второе направление — это эксперты, которые оплачиваются страной и направляются сюда как *cost free experts*, работая переменным составом. Как правило, достаточно часто так работают коллеги из США, России, а также коллеги из Индонезии, Пакистана, Кореи и других стран, готовят мероприятия и доку-

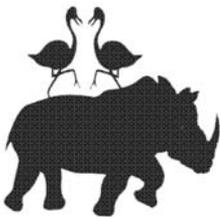
менты. Так что финансирование разнообразно, но внебюджетность его большей доли связана с тем, что именно в этом проекте пока заинтересованы не все страны-участницы МАГАТЭ. Как вы знаете, в этом проекте участвует 40 стран, а членов МАГАТЭ больше 170. Так что работа в рамках ИНПРО ведется для стран, которые либо используют атомную энергетику, либо планируют использовать ее в обозримом будущем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В ИНПРО входят три государства, не являющихся членами ДНЯО. Как строится работа с ними, какие есть ограничения? Как Вы видите развитие ядерной инфраструктуры в странах вне ДНЯО?

БЫЧКОВ: Вы говорите про Индию, Пакистан и Израиль, которые весьма активно, особенно первые две страны, участвуют в работе ИНПРО. Чем интересен мой департамент — Департамент атомной энергии? Тем, что мы стараемся распространять информацию, которая передается нам странами-участницами открыто, и, как правило, вопросы, которые имеют определенный риск с точки зрения ДНЯО, у нас не появляется. Хочу подчеркнуть, что в работе по топливному циклу у нас отсутствует деятельность, связанная с обогащением урана или с современной переработкой облученного топлива. Да, мы занимаемся будущими технологиями. Да, мы занимаемся вопросами устойчивости к распространению будущих технологий топливного цикла. Но то, что сегодня связано с возможностью выделения чистых оружейных материалов, не входит в наши программы.

С точки зрения ИНПРО, к странам, которые не являются членами ДНЯО, каких-либо ограничений нет. Еще раз хочу подчеркнуть, что сегодня ИНПРО — это не проект, который развивает и передает технологии, это проект, которые ищет ответы на вопросы, как эти технологии применяются, какие технологии можно использовать, по какому направлению нужно идти каждому региону, стране, чтобы обеспечить устойчивое развитие человечества. Мы не даем технических советов, что именно нужно делать.

Немного об инфраструктуре в странах вне ДНЯО. Стран-новичков, которые планируют начать работу по строительству вне ДНЯО, у нас сейчас нет. Индия и Пакистан — страны с устойчивой развитой инфраструктурой, которые имеют достаточно хороший опыт по эксплуатации АЭС. Израиль пока не заявлял о намерениях по строительству АЭС в ближайшее время. Так что я не думаю, что ядерная инфраструктура для мирного использования атомной энергии и то, что мы делаем для этих стран, как-то будут отличаться в зависимости от членства или его отсутствия в ДНЯО.

Хоанг Ан Туан:

«ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЬЕТНАМА ПРИВЕРЖЕНО РАЗВИТИЮ
ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, БЕЗАВАРИЙНОЙ РАБОТЫ
И ВНЕДРЕНИЮ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ»

Вьетнам начал работать над запуском ядерных программ еще с конца 1990-х гг. Сейчас Вьетнам вырабатывает 20 ГВт электроэнергии, причем треть из них с помощью гидроэлектростанций. Планируется, что уже в 2050 г. 15–20% потребности Вьетнама в энергии будет компенсировано за счет АЭС. Вьетнам активно сотрудничает со странами, использующими ядерные реакторы: Россией, США, Францией, Великобританией, Китаем. К нашей стране у Вьетнама особое отношение. В октябре 2010 г. было подписано межправительственное соглашение между Россией и Вьетнамом о строительстве ядерного блока на территории Вьетнама, который будет состоять из двух энергоблоков с водо-водяными энергетическими реакторами (ВВЭР) каждый мощностью до 1,2 ГВт. Первый блок планируется ввести в 2020 г.

О развитии вьетнамской атомной энергетики и планах на будущее помощнику главного редактора журнала Индекс Безопасности ПИР-Центра Максиму Старчаку рассказал генеральный директор Вьетнамского агентства по атомной энергии доктор Хоанг Ан Туан.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Известно, что Вьетнам планирует создание первой атомной электростанции. Каковы планы Вьетнама по развитию атомной энергетики и какова будущая роль атомной энергетики в энергобалансе Вьетнама?

ТУАН: Атомной энергетике принадлежит важная роль в обеспечении энергетической безопасности, защите окружающей среды и индустриализации Вьетнама. Планируется, что до 2030 г. атомная энергия составит значительную часть национального энергетического баланса страны и ее доля продолжит возрастать до 2050 г. В ноябре 2009 г. Национальная ассамблея Вьетнама приняла Резолюцию № 41/2009/NQ-QH12 об инвестициях в энергетический атомный проект *Ниньтхуан*. В рамках проекта планируется строительство двух АЭС — *Ниньтхуан-1* и *Ниньтхуан-2*. Каждая из них будет состоять из двух энергоблоков мощностью по 1000 МВт.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как ведется подготовка к строительству АЭС *Ниньтхуан-1*? Какова роль России в данном проекте?

ТУАН: В октябре 2010 г. Вьетнам и Россия подписали межправительственное соглашение о строительстве АЭС на территории Вьетнама. С тех пор в рамках данного проекта ведется сотрудничество по целому ряду направлений. В ноябре 2011 г. было подписано соглашение о кредитной поддержке проекта со стороны Российской Федерации. Год спустя, в ноябре 2012 г., было подписано соглашение о строительстве Центра ядерных исследований и технологий (CNEST) во Вьетна-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

ме. Данный центр будет способствовать созданию пула квалифицированных вьетнамских ядерных специалистов.

В ноябре 2011 г. компания Viet Nam Electricity (EVN) подписала консалтинговый контракт на изучение предполагаемой площадки для строительства АЭС *Ниньтхуан-1* и провела оценку экономической целесообразности проекта. Данный контракт был подписан с консорциумом, в который входят компании E4 Group Jsc., KIER Jsc. и EPT Llc. На данный момент и исследование площадки, и оценка целесообразности проекта практически завершены.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Продолжая тему российско-вьетнамского сотрудничества, как развивается сотрудничество в сфере образования и информационно-просвещения?

ТУАН: Что касается развития человеческих ресурсов, начиная с 2010 г. Министерство образования и обучения Вьетнама отправило приблизительно 320 студентов и аспирантов на обучение в российский *Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ*. Данная программа будет продолжаться еще несколько лет.

В октябре 2011 г. Министерство образования и обучения Вьетнама подписало соглашение с *Росатомом* о создании Информационного центра атомной энергетики в Ханое. Вьетнам и Россия обменялись информацией о технологиях АЭС с целью обеспечения выбора безопасной, передовой и хорошо себя зарекомендовавшей технологии для проекта АЭС *Ниньтхуан-1*.

В общем и целом Вьетнам и Россия ведут всеобъемлющее сотрудничество по внедрению проекта АЭС *Ниньтхуан-1*, в том числе в области технологий, развития человеческого потенциала и информирования населения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как осуществляется проект строительства АЭС *Ниньтхуан-2*? На какой стадии в настоящее время находится данный проект?

ТУАН: В 2011 г. Вьетнам и Япония подписали межправительственное соглашение о строительстве АЭС *Ниньтхуан-2*. Деятельность в рамках проекта *Ниньтхуан-2* велась практически параллельно с проектом *Ниньтхуан-1*. Компания EVN подписала консалтинговый контракт на изучение площадки для будущей АЭС и оценку экономической целесообразности проекта *Ниньтхуан-2* с японской компанией Japan Atomic Power Company (JAPC) в сентябре 2011 г. На данный момент работы в рамках данного контракта практически завершены. При выборе площадки принимался во внимание риск цунами и землетрясений.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы уже рассказали о реализации атомных проектов в партнерстве с Россией и Японией. Как в целом развивается международное сотрудничество Вьетнама в ядерной сфере? Включен ли Вьетнам в международную систему договоров по ядерной безопасности?

ТУАН: Вьетнам подписал межправительственные соглашения о мирном использовании атомной энергии с 8 странами (Аргентина, Индия, Китай, Корея, Россия, США, Франция, Япония). Что касается ядерной безопасности, Вьетнам подписал Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ в августе 2007 г. и ратифицировал его в сентябре 2012 г. Вьетнам также присоединился к международной Конвенции о физической защите ядерного материала (КФЗЯМ) и ратифицировал Поправку к данной конвенции в октябре 2012 г. Вьетнам присоединился к Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработанным топливом и безопасности обращения с радиоактивными отходами в сентябре 2013 г. Он также принял активное участие в Саммитах по ядерной безопасности в 2010, 2012 и 2014 гг.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как обстоят дела с развитием ядерной безопасности вьетнамских ядерных объектов? Какое воздействие на ядерную безопасность Вьетнама оказала авария на АЭС *Фукусима-1*?

ТУАН: Вьетнам провел предварительное исследование целесообразности развития атомной энергетики в 1990-е гг. Особое внимание уделяется всестороннему развитию атомной инфраструктуры Вьетнама в целях обеспечения безопасной и безаварийной работы атомных объектов, а также внедрения системы гарантий. После аварии на японской АЭС в Фукусиме правительство Вьетнама продемонстрировало свою приверженность развитию программы атомной энергетики, уделяя особое внимание вопросам ядерной безопасности и безаварийной работы своих будущих АЭС. Будучи так называемой страной-новичком в области атомной энергетики, Вьетнам получает ценную поддержку в развитии энергетической атомной инфраструктуры со стороны МАГАТЭ и таких ведущих ядерных государств, как Россия, Япония, Южная Корея, Франция и США.

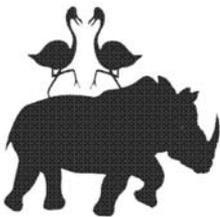
ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте подробнее остановимся на роли и значении МАГАТЭ в развитии атомной энергетики. Как происходит поддержка формирования ядерной инфраструктуры и культуры ядерной безопасности во Вьетнаме со стороны МАГАТЭ?

ТУАН: В процессе развития национальной инфраструктуры атомной энергетики Вьетнам получает значительную поддержку и помощь со стороны МАГАТЭ. Так, *Вьетнамское агентство по атомной энергии* ведет работу по выполнению 19 рекомендаций МАГАТЭ в области развития национальных программ атомной энергетики, относящихся к вопросам инфраструктуры. В частности в сотрудничестве с международными организациями ведутся работа по развитию национального потенциала и изучение международной практики в области системы ядерных поставок и участия национальной промышленности в проектах АЭС.

В январе 2014 г. генеральный секретарь МАГАТЭ Юкия Аmano в ходе своего второго визита во Вьетнам заявил, что страна добилась значительного прогресса в развитии атомной инфраструктуры с тех пор, как в 2009 г. было принято официальное решение о внедрении национальной программы атомной энергетики. Однако глава МАГАТЭ также отметил, что еще предстоит проделать большую работу. Он подтвердил готовность МАГАТЭ предоставлять поддержку Вьетнаму в развитии необходимой инфраструктуры для обеспечения безопасности и безаварийности атомного энергетического проекта *Ниньтуан*.

Следует отметить, что в течение последних десятилетий Вьетнам получал эффективную, продуктивную и своевременную техническую поддержку со стороны МАГАТЭ и передовых ядерных стран. Миссия МАГАТЭ по оценке национальной ядерной инфраструктуры (INIR Mission), проведенная в Ханое в декабре 2012 г., а также оценка национальной системы атомного регулирования (IRRS Mission), проведенная МАГАТЭ в октябре 2014 г., подчеркнули важный вклад, который внесли эксперты МАГАТЭ и международные эксперты в подготовку Вьетнама к внедрению атомной энергетики.

Мехди Санаи:

«ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ НЕТ МЕСТА
В ОБОРОННОЙ ДОКТРИНЕ ИРАНА»

В течение многих лет иранская ядерная программа остается одним из основных очагов напряженности в международной политике и одним из наиболее чувствительных вопросов в регионе Ближнего и Среднего Востока. Спустя полтора года после избрания Хасана Роухани новым президентом Ирана урегулирование иранской ядерной проблемы, кажется, ближе, чем когда-либо ранее.

Как Иран видит развитие своей атомной отрасли и на что он может надеяться в плане международного сотрудничества в этой области? Рассматривает ли Россию как перспективного партнера для текущих и будущих проектов в сфере ядерной энергетики? И каковы основные принципы иранского руководства в сфере нераспространения ядерного оружия? Журнал Индекс Безопасности задал эти и другие вопросы Чрезвычайному и Полномочному Послу Исламской Республики Иран в Российской Федерации Мехди Санаи¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: После постройки и ввода в эксплуатацию АЭС Бушер Иран стал полноправным членом мирового рынка атомной энергетики. Каково иранское видение глобальной ядерной промышленности будущего?

САНАИ: Как вы знаете, население мира в течение следующих 30 лет увеличится на 2 млрд человек, и, учитывая возрастающие потребности в энергии и противодействие климатическим изменениям, спрос на использование атомной энергии в мире будет только возрастать.

В настоящее время в мире работают 438 атомных электростанций, которые обеспечивают 17% электроэнергии, потребляемой в мире. По прогнозам, Китай за последующие 20–25 лет построит 30 новых атомных электростанций. Решено, что в Америке тоже будут построены 15–20 атомных электростанций, а в Англии — 6–10 атомных реакторов. Финляндия и Франция рассматривают возможность начала строительства новых атомных электростанций, а Германия принимает меры по пересмотру политики отказа использования от атомной энергии. Учитывая, что мировое экономическое развитие продолжается, можно предположить, что спрос на энергию до 2050 г. по сравнению с 2000 г. увеличится в 2 раза.

По словам генерального директора МАГАТЭ, с целью предотвращения экологической катастрофы от выброса парниковых газов и увеличения температуры Земли, что может привести к смерти миллиардов людей, количество атомных электростанций в мире должно возрасти в 20 раз. Повышение температуры планеты и увеличение стоимости ископаемых видов топлива привели к тому, что атомная энергия будет занимать все большее место в программах развития многих стран мира. Однако, без сомнения, самым важным беспокойством и вызовом в использовании

атомной энергии является вероятность ее использования в военных целях и угрозы, которые она таит для человечества.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Иран всегда позиционировал себя как противник распространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Но были также времена, когда Иран шел дальше и выступал против атомной энергетики в целом. Как бы Вы охарактеризовали взгляд на ядерное оружие и ядерную энергетику администрации президента Хасана Роухани?

САНАИ: Иран постоянно и решительно отказывался от обладания ядерным оружием. Такому оружию нет места в оборонной доктрине Ирана. Ядерная деятельность Ирана носит исключительно мирный характер, она соответствует правам и обязанностям, изложенным в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Ярким подтверждением этого факта является то, что духовный лидер Исламской Республики Иран аятолла Хаменеи издал фетву в отношении запрета ядерного оружия. Это религиозное постановление, помимо прочего, основывается на понимании гуманитарных последствий от использования ядерного оружия. Это постановление основывается на высоких ценностях наших убеждений, на понимании необходимости обеспечения всеобщей безопасности.

Иран неоднократно и на самых высоких уровнях заявлял, что его ядерная программа всегда носила исключительно мирный характер, и она останется на этом пути. Права и обязанности, указанные в ДНЯО, позволяют Ирану, как и другим участникам договора, использовать свои неотъемлемые права в целях мирного использования атомной энергии.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что Вы считаете главной проблемой нераспространения ядерного оружия? Какие шаги могут быть предприняты для ее решения?

САНАИ: Около 40 лет тому назад международное сообщество в целях установления мира и безопасности во всем мире приняло ДНЯО в качестве основы ядерного разоружения и режима нераспространения. Согласно этому договору, неядерные страны взяли на себя ответственность отказаться от выбора ядерного оружия, а ядерные государства также обязались уничтожить свои ядерные арсеналы. Вместе эти решения являются двумя столпами ДНЯО, неотъемлемое право всех стран — участников договора на исследование и использование атомной энергии в мирных целях и укрепление ядерного сотрудничества является третьим столпом, дополняющим два других.

Без сомнения, постоянное наличие тысяч ядерных боеголовок является большой опасностью для человечества. Существует срочная необходимость в конкретных временных рамках с итоговой датой, к которой нужно полностью выполнить положения VI статьи ДНЯО. Например, к 2025 г., как это было предложено Движением неприсоединения на Обзорной конференции ДНЯО в 2010 г. В этой связи необходимо, чтобы страны, обладающие ядерным оружием, разработали и реализовали необходимые меры по конкретному и окончательному исключению роли ядерного оружия в военных доктринах и вопросах обеспечения своей безопасности. Мировое сообщество не может ждать до бесконечности, когда произойдет полное уничтожение ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Один из возможных шагов, которые обсуждаются международным сообществом в контексте нераспространения ОМУ, — создание зоны, свободной от ядерного и иного оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке. Какова иранская позиция на эту инициативу и каковы, по Вашему мнению, ее шансы на осуществление?

САНАИ: Создание зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, инициированное Ираном в 1974 г. в качестве шага в направлении создания мира, свободного от ядерного оружия, на сегодняшний день не реализовано. К сожалению, конференция по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке, которая должна

была быть проведена в 2012 г., несмотря на единогласное решение обзорной конференции по ДНЯО в 2010 г., так и не была созвана.

Иран, сам являвшийся жертвой применения ОМУ, твердо убежден, что мировое сообщество должно найти скорейший путь для полного искоренения глобальной угрозы умышленного или случайного применения ядерного оружия. Сущность ядерного оружия и катастрофические последствия его применения должны обязать нас коллективно работать над сохранением человечества. Обзорная конференция 2015 г. по ДНЯО может создать движение с тем, чтобы привести к процессу, объявляющему нелегитимным все ядерное оружие и позволяющим его быстро уничтожить в полном объеме. Ядерное оружие должно быть поставлено вне закона!

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каково текущее состояние сотрудничества Ирана с МАГАТЭ?

САНАИ: Со времени избрания Хасана Роухани на пост президента Ирана внешняя политика Ирана основывается на конструктивном взаимодействии и взаимном уважении. Возникли новые возможности. За относительно короткий промежуток времени были реализованы важные достижения. Полное сотрудничество с МАГАТЭ, которое иногда превышало объем соглашения о гарантиях и сопровождалось реализацией добровольных шагов в рамках плана совместных действий и рамок сотрудничества, свидетельствует о доброй воле и реальных усилиях Ирана. Мы работаем над установлением транспарентности и устранением искусственно созданных неясных моментов о ядерной деятельности Ирана.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько реальна перспектива того, что Иран и шесть международных посредников достигнут всеобъемлющего соглашения в течение ближайших нескольких месяцев?

САНАИ: Сегодня все еще открыто окно для достижения всеобъемлющего соглашения, и у нас нет никаких сомнений и колебаний в своем настрое по достижению этой цели.

При этом хочу подчеркнуть важность более широкого сотрудничества между странами — участниками ДНЯО в различных сферах, особенно в сфере ядерной безопасности и технического сотрудничества в области развития ядерной энергетики, которое должно способствовать благополучию наших народов. 🐘

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
И

Примечание

¹ Данное интервью основано на выступлении посла Мехди Санаи на расширенном заседании Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и Международного клуба *Триалог* в Москве 4 октября 2014 г.

Владимир Орлов

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДНЯО: ЗАМЕТКИ В ПРЕДДВЕРИИ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 2015 г.

27 апреля 2015 г. начнет свою работу очередная Обзорная конференция (ОК) по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), 9-я по счету с момента вступления ДНЯО в действие в 1970 г. и 4-я после его бессрочного продления в 1995 г.

Мне довелось участвовать и в *эпохальной* конференции 1995 г., в ходе которой ДНЯО столь элегантно, без голосования и практически консенсусом был продлен *на веки вечные*, и во всех последующих — куда менее *эпохальных*, задача которых заведомо облегчалась тем фактом, что над делегатами не висел *дамклов меч судьбоносных решений*. В экспертном сообществе конференции 2000 и 2010 гг. принято считать в целом успешными, а конференцию 2005 г. — провальной. Если копнуть глубже в историю, можно заметить, что *успешные* и *провальные* конференции чередовались и раньше. Часто это отражало общие *температурные* колебания международного климата, но совершенно не обязательно провал одного из звеньев обзорного процесса сулил будущие драмы для всего режима ядерного нераспространения. В конце концов это всего лишь конференции, бюрократические мероприятия, *сверки часов*, а их делегатам не чужд излишние пафос и драматизм — хотя бы для того, чтобы скрасить телеграммы в свои столицы или оправдать четырехнедельное отсутствие.

Поэтому, даже если предстоящая обзорная конференция пройдет *кисло*, это совсем не обязательно будет означать крушения ДНЯО. Но даже при всем желании удержаться от излишнего драматизма и ненужного нагнетания страстей, не могу не заметить, что на сегодняшний момент есть слишком много признаков того, что *может рвануть*, да так, что мало не покажется. Это как с вулканической активностью. Вулканы спят подолгу, и не всегда некоторые признаки их оживления означают скорое начало извержения. Но если тревожных симптомов накапливается слишком много, следует задуматься об эвакуации населения, а не о том, много ли будет *драматизма* или *пафоса* в заявлениях для прессы.

КОНФЕРЕНЦИЯ 2000 ГОДА: ТРИНАДЦАТЬ НЕСБЫВШИХСЯ ШАГОВ

Шестая Обзорная конференция ДНЯО — и первая после его бессрочного продления в 1995 г. — проходила в Нью-Йорке с 24 апреля по 20 мая 2000 г. Атмосфера этой конференции разительно отличалась от той, что сложилась в 1995 г. при рассмотрении продления договора. Решив основную для себя задачу — продлив договор бессрочно, государства — обладатели ядерного оружия (ЯОГ) проявляли самоуспокоенность, не видели стимула для дальнейших глубоких шагов по реализации статьи VI ДНЯО, подтверждая наихудшие опасения тех, кто в 1995 г. высту-

А
Н
А
Л
И
З

пал против бессрочного продления, которое позволило бы ядерным державам расслабиться.

К тому же на этой конференции, в отличие от предыдущей, среди ЯОГ не было единства. Агрессия США и НАТО на Балканах (1999 г.) вызвала негативную реакцию у России и КНР. Намерения Соединенных Штатов выйти из Договора по ПРО 1972 г. также вызвали неприятие как в Москве, так и в Пекине. Наконец сгустились тучи на Ближнем Востоке, где Соединенные Штаты и Великобритания уже начинали готовить почву для Второй войны в Персидском заливе с целью свержения иракского президента Саддама Хусейна и оккупации Ирака под предлогом наличия у С. Хусейна *оружия массового уничтожения*, включая обвинение в возобновлении им военной ядерной программы. Последнее не подтверждалось независимыми экспертными оценками, да и, как выяснилось уже позже, оценками разведсообщества самих Соединенных Штатов. Однако знамя *борьбы с распространением* уже было заготовлено, чтобы прикрывать Вашингтону и Лондону путь на Багдад.

В Вашингтоне у власти все еще находилась демократическая администрация президента У. Клинтона, которая была не готова порвать с традициями многосторонней дипломатии, и положительная инерция, заложенная КРП ДНЯО 1995 г., еще полностью не выветрилась.

К тому же активную роль проповедников ядерного разоружения сыграла Коалиция за новую повестку дня (КНПД) — неформальное объединение семи государств, сформированное в июне 1998 г. В КНПД вошли Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция.

В результате после жестких дебатов по некоторым вопросам — прежде всего по вопросам статьи VI — конференция приняла консенсусом заключительный документ, который содержал как ретроспективный взгляд на выполнение договора, так и оценку перспектив на будущее, предлагая ряд дальнейших шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения и содействию ядерному разоружению. Впервые за 15 лет участникам удалось принять итоговый документ. На двух предшествующих форумах такого рода (в 1990 и 1995 гг.) стороны не смогли согласовать заключительные документы из-за принципиальных разногласий, прежде всего касавшихся вопроса соблюдения ЯОГ положений статьи VI.

Согласно принятой на конференции программе действий, которая получила известность как *тринадцать шагов по ядерному разоружению*, ЯОГ взяли на себя среди прочего следующие обязательства:

- предпринимать дальнейшие односторонние усилия по сокращению своих ядерных арсеналов;
- обеспечивать большой обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению;
- сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений;
- осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению состояния оперативной готовности ядерного оружия;
- уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности;
- как можно скорее включиться в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений и разоружению.

Программа дальнейших мер в области ядерного разоружения также предусматривала мораторий на проведение ядерных испытаний до вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В ней подчеркивался принцип *необратимости* контроля над ядерными вооружениями (что важно, учитывая тенденцию среди ряда ЯОГ к переработке плутония, высокообогащенного урана (ВОУ) и других компонентов демонтируемых ядерных вооружений с целью

их будущего использования в производстве новых или модернизированных ядерных боеголовок).

Главное, ЯОГ подтвердили свое *недвусмысленное обязательство* «осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов». Никогда еще в истории ЯОГ не шли так далеко в *расшифровке* положений статьи VI ДНЯО. По крайней мере, декларативно они взяли на себя весомый груз обязательств. В этом смысле 2000 г. стал *пиком* многосторонних разоруженческих обязательств в рамках международного режима ядерного нераспространения. Последующие конференции не смогут не только пойти дальше языка *тринадцати шагов 2000 г.*, но даже подтвердить их.

Пройдет всего несколько месяцев, и те противоречия, которые уже наметились между ядерными державами, вырвутся наружу, надолго перечеркнув возможность не только дальнейшего движения вперед, но и самой полноохватной реализации *тринадцати шагов*.

Но пока, маскируя нараставшие разногласия, ядерные державы пошли на принятие 1 мая 2000 г. на полях ОК ДНЯО согласованного заявления *ядерной пятерки*. В заявлении, среди прочего, говорилось о том, что «ни одна из наших ядерных ракет не нацелена ни на какое другое государство». Кроме того, было отмечено, что «ратификация Российской Федерацией СНВ-2 является важным шагом в усилиях по сокращению стратегических наступательных вооружений и мы приветствуем это. На первое место сейчас выходит завершение процесса ратификации СНВ-2 Соединенными Штатами Америки. Мы стремимся как можно скорее заключить СНВ-3 при одновременном сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями»¹.

Положения о «скорейшем вступлении в силу Договора СНВ-2» и о «сохранении и укреплении Договора по ПРО» как *краеугольного камня стратегической стабильности* вошли и в *тринадцать шагов ядерного разоружения*.

Но пройдет всего лишь 1,5 года, и Соединенные Штаты, воспользовавшись положением статьи XV Договора по ПРО, уведомят Россию (13 декабря 2001 г.) о выходе из договора. 13 июня 2002 г. договор, признанный международным сообществом в качестве *основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений*, прекратит свое существование. А СНВ-2 так никогда и не вступит в силу, потому что его не ратифицирует Сенат США.

СТАРТ НОВОГО ВЕКА: РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ВХОДИТ В ПОЛОСУ ИСПЫТАНИЙ НА ПРОЧНОСТЬ

Приход к власти в США республиканской администрации Дж. Буша-младшего (2001–2008) окатил ледяным душем всех сторонников эффективного международного режима ядерного нераспространения. Новая администрация США меньше всего была заинтересована в юридически обязательных многосторонних действиях и инициативах. Слова *разоружение* и даже *контроль над вооружениями* на восемь лет были вытравлены из лексикона официального Вашингтона. На смену *нераспространению* приходит *контрраспространение* — концепция пресечения потоков распространения ОМУ в тех случаях, когда это угрожает национальной безопасности США. Дж. Буш-мл. провозгласил крестовый поход против *оси зла*, в которую он включил КНДР, Ирак, Ливию и Иран. Выход из Договора по ПРО осуществляется под не соответствующие фактическому состоянию дел заявления, что ракеты КНДР, а в потенциале и Ирана угрожают территории Соединенных Штатов.

Однако удар по Соединенным Штатам наносит не кто-либо из государств, причисленных Дж. Бушем к *оси зла*, а террористическая группировка *Аль-Каида*, и не с использованием ракет и ядерных вооружений, а путем захвата террори-

стами-смертниками 11 сентября 2001 г. трех самолетов на территории США и поражения ими Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона под Вашингтоном. Это трагическое событие, получившее известность как *найн-элевен*, завершило уникальный период в новейшей истории, начавшийся 9 ноября 1989 г. с падения Берлинской стены, когда судьбы земного шара в значительной степени зависели от единственной сверхдержавы. Соединенные Штаты не смогли воспользоваться этим историческим отрезком, чтобы, проявив мудрость и дальновидность, конвертировать свое беспрецедентное влияние на ход мировых процессов в строительство новой системы международных отношений, уважающей интересы многих игроков. Вместо этого национальный эгоизм и возрастающие аппетиты привели к утере Соединенными Штатами своего лидерства и уникального места. На смену моноцентричному миру стал заступать полицентричный мир. Конечно, *найн-элевен* стал лишь катализатором этого процесса, который по определению не может быть одномоментным и продолжается поныне.

Внимание Соединенных Штатов — а под их влиянием и значительной части мирового сообщества — было на время переключено с угроз распространения со стороны государственных субъектов на угрозы и риски, исходящие от негосударственных субъектов — прежде всего международных террористических организаций. В том же 2001 г. Соединенные Штаты, получив поддержку многих государств, вступили в войну в Афганистане, потеснив оттуда движение *Талибан* и нанося удары по *Аль-Каиде*. Документы, захваченные на базах *Аль-Каиды*, позволяли достоверно утверждать об интересе у террористов к получению доступа к ядерному оружию и делящимся материалам, хотя даже доморощенной прикладной ядерной программы обнаружено не было. Тревогу по поводу использования террористами ОМУ подогрел и инцидент в октябре 2001 г., когда шок в США после трагедии 11 сентября еще не прошел, с использованием почтовой сети США для акта биологического терроризма. Споры сибирской язвы были запечатаны в конверты вместе с запиской: «Смерть Израилю! Аллах велик!» и отправлены в адрес нескольких американских сенаторов. Пять человек погибли, паника охватила население, расходы Министерства обороны США на защиту от биотерроризма были многократно повышены, страх перед террористами с оружием массового уничтожения распространился далеко за пределы Соединенных Штатов. (В дальнейшем, правда, выяснилось, что осуществил теракт не *исламистский террористический интернационал*, а одиночка — американец, работавший в военной лаборатории.)

Курс республиканской администрации США в конце 2002 г. привел к прекращению действия Рамочного соглашения 1994 г. между США и КНДР. Формальным поводом для этого послужили обвинения со стороны США в том, что КНДР осуществляет тайную программу по обогащению урана в нарушение ранее взятых на себя обязательств. Жестко негативно отреагировав на причисление себя к *оси зла*, КНДР 10 января 2003 г. заявила о возобновлении процедуры выхода из ДНЯО и выслала из страны инспекторов МАГАТЭ. Кроме того, она возобновила эксплуатацию газографитового реактора в Ненбене и проведение испытаний ракет — потенциальных средств доставки ядерного оружия.

Соединенные Штаты между тем сосредоточились на другом элементе *оси зла* — Ираке. Несмотря на то что после 1991 г. сколько-нибудь значимая деятельность в рамках создания военной ядерной программы и по созданию других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) Ираком не осуществлялась, США и Великобритания использовали якобы наличие таких программ в Ираке в качестве предлога для военного вторжения в страну 20 марта 2003 г., ее оккупации (последние американские солдаты покинули Ирак в 2011 г.) и последующей смены режима.

Во Второй войне в Персидском заливе Соединенным Штатам не удалось заручиться поддержкой международного сообщества и принять резолюции СБ ООН, которые благословили бы ведение военных действий. Более того, реакция союзников США Франции и Германии оказалась резко отрицательной. Столь же отрицательной была реакция со стороны России и КНР. Уже оккупировав Ирак, Соединенные Штаты и Великобритания вынуждены были признать, что не обнаружили

следов ОМУ в Ираке — ни химического с биологическим, ни, конечно же, ядерного, как и активных программ по их производству, вопреки *документам*, которые США ранее представляли в СБ ООН, и в подтверждение выводов Комиссии ООН по мониторингу и проверки в Ираке (ЮНМОВИК), которые перед войной высмеивались Соединенными Штатами как недобросовестные.

Война в Ираке не только привела к многочисленным человеческим жертвам и страданиям мирного населения. Она нанесла болезненную рану всему международному режиму ядерного нераспространения. Не санкционированная международным сообществом, немотивированная агрессия против государства — члена ДНЯО, которое сотрудничало с ЮНМОВИК и демонтировало под международным присмотром свои программы ОМУ и средств доставки, показала всему миру, что международное право подменяется политической целесообразностью и что борьба с ядерным распространением — удобный предлог для вооруженного вторжения, даже если на то нет санкции СБ ООН, а аргументация сомнительна, а часто и просто подтасована. Никакие международные режимы не уберегли Ирак. Но осуществили бы Соединенные Штаты вторжение в Ирак, если бы знали, что у него действительно есть ядерное оружие? Именно этот вопрос задавали себе в тех столицах государств, причисленных к *оси зла*, которые еще не постигла судьба Багдада.

В конце 2003 г. прорвалась на свет история о действовавшей с 1990-х гг. так называемой *сети Абдул Кадыр Хана*. С тех пор одного из разработчиков пакистанского оружия доктора А. К. Хана знают по имени даже те, кто не знаком ни с именем Курчатова, ни с именем Оппенгеймера, ни с именем Хоми Бабы. Пакистанский *ядерный Герострат* прославился тем, что смог организовать эффективную *сеть ядерного распространения* — в самом прямом смысле этого слова. При молчаливом благословении властей Пакистана, но формально самостоятельно он оказывал услуги по формированию или развитию ядерного топливного цикла (ЯТЦ) КНДР, Ирану и Ливии, а также сотрудничал с Саудовской Аравией. Это действительно была разветвленная и коммерчески успешная международная производственно-торговая сеть, имевшая свои отделения или представителей не только в Пакистане, но и в Шри-Ланке, Малайзии, Южной Африке, Германии, Швейцарии и др. «Они мать родную продадут, не то что ядерные технологии», — говорил А. К. Хан о западных компаниях, обходивших экспортно-контрольное регулирование.

Через эту сеть Ливия получила сначала 20 центрифуг для обогащения урана, а в 2000 г. попыталась закупить 10 тыс. центрифуг *P-2*, способных ежегодно производить ВОУ для производства 10 ядерных боезарядов. В конце 2001 — начале 2002 гг. через сеть А. К. Хана Ливия получила документы, имевшие отношения к конструкции и производству ядерного разряда, — правда, устаревшие.

19 декабря 2003 г. в результате секретных переговоров с Великобританией и США Ливия объявила об отказе от реализации программ ОМУ, в частности о решении уничтожить материалы, оборудование и программы, пригодные для создания ОМУ. Последовавшие за этим полномасштабные инспекции МАГАТЭ подтвердили отсутствие в стране возможности производства оружейных ядерных материалов. Ранее закупленное Ливией оборудование и материалы, в потенциале представляющие угрозу режиму нераспространения, были вывезены из страны.

США и Великобритания представили *разоблачение Ливии* с последующим *покаанием* как результат эффективности реализованной ранее в том же году в Ираке политики силового воздействия на пролиферантов — как реальных, так и мнимых. На фоне увязания в иракской войне и скандального провала с отсутствием в Ираке ОМУ Дж. Бушу требовался успех на фронте нераспространения. Ливийский лидер полковник Каддафи подыграл этой потребности, *разменяв* ее на согласие США и Великобритании удовлетворить собственную потребность в выходе из международной изоляции — как финансово-экономической (снятие санкций ООН), так и внешнеполитической. Такой *размен* и был реализован. Что же до ливийской военной ядерной программы, то, по свидетельствам экспертов МАГАТЭ, изъятые

Проект ПИР-Центра
«**Будущее ДНЯО
и интересы России**»

- Ядерное разоружение
- Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)
- Государства вне ДНЯО
- Ближний Восток
- Проблема выхода из ДНЯО
- Мирное использование атомной энергии

npt.pircenter.org

в Ливии материалы говорили о рудиментарном, если не об имитационном, ее характере. Никакого политического решения о создании собственного ядерного оружия или даже ЯТЦ в Ливии принято не было, и нельзя исключать, что закупленные через сеть А.К. Хана центрифуги с самого начала были частью сценария *большого размена*. Тем не менее такие маневры и *игры в поддавки* не помогли М. Каддафи, и в ходе операции НАТО он был сначала свергнут, а затем зверски убит политическими противниками, а в Ливии продолжается гражданская война, обрекая страну на фактический распад.

Летом 2003 г. провалилась попытка достичь комплексного решения по ядерной программе Ирана, развязать *иранский ядерный узел*. За несколько месяцев до этого (в августе 2002 г.)

стало известно о наличии не задекларированных перед МАГАТЭ заводов по обогащению урана в Натанзе и по производству тяжелой воды в Араке, расположенных в Центральном Иране и находящихся на различных стадиях строительства. Визит инспекторов на эти объекты в феврале 2003 г. подтвердил, что Иран продвинулся в развитии ЯТЦ значительно дальше, чем это считалось ранее. В ходе тайных переговоров в Швейцарии американские и иранские представители при участии европейцев смогли выйти на пакет договоренностей, который обеспечил бы транспарентность иранских действий через присоединение его к Дополнительному протоколу о гарантиях с МАГАТЭ и ограничил бы уровень обогащения урана. Иран в ответ получил бы доступ к международному ядерному рынку и содействие в мирном развитии атомной энергетики со стороны Запада. Однако сделка не состоялась: договоренности, выработанные на берегу Женевского озера, не были одобрены в Вашингтоне. Там пришли к выводу, что Тегеран — ненадежный партнер. После провала тайной дипломатии Тегеран стал без энтузиазма относиться к предложениям от западных стран, считая, что Вашингтон все равно заветирует любые договоренности, и продолжил курс на развитие собственного продвинутого и защищенного от внешнего воздействия ЯТЦ.

27 июня 2002 г. на саммите *Группы восьми* (США, Великобритания, Германия, Франция, Россия, Италия, Канада и Япония) в г. Кананаскисе (Канада) было учреждено *Глобальное партнерство против оружия и материалов массового уничтожения* (ГП) — международная программа, направленная на решение отдельных вопросов нераспространения (как ядерного, так и других видов ОМУ, прежде всего химического оружия), разоружения, борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности. На ГП было решено выделить до 20 млрд долларов (10 млрд — США, 2 млрд — Россия, 8 млрд — другие участники). В Кананаскисе лидеры *восьмерки* решили, что первоначально сотрудничество будет концентрироваться на проектах в России. В том же году Россия определила свои приоритеты: уничтожение химического оружия и утилизация атомных подводных лодок (АПЛ). Вопросам укрепления физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и боеприпасов также было уделено внимание. В дальнейшем к ГП присоединились государства вне *восьмерки*, в частности Австралия, Бельгия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Финляндия, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея. Достигнув пика — в политическом и финансовом смысле — в 2004–2006 гг., затем ГП стало терять свою значимость. Хотя 20 млрд долларов удалось, правда, с трудом, собрать для реализации целей, установленных в Кананаскисе, за годы реализации программы существенно изменилось положение

России: от государства с ослабленным финансированием ядерной безопасности, не имеющего достаточных собственных средств на утилизацию АПЛ, нуждающегося в современных технологиях обеспечения физической защиты складированных ядерных боеприпасов, до государства, восстановившего адекватное финансирование оборонных отраслей экономики и ядерного комплекса, которому уже негоже оставаться в *реципиентах* зарубежной помощи. Для России актуальным стал вопрос о переходе сотрудничества в рамках ГП с плоскости *донор–реципиент*, в плоскость *равные партнеры*. К тому же неизбежная бюрократизация механизмов управления ГП — программы, вовлекавшей миллиарды долларов — остро поставила вопрос о предотвращении коррупции при ее реализации.

Несмотря на очевидные изъяны, первые 4–5 лет реализации ГП следует рассматривать как позитивный опыт выработки механизмов сотрудничества между *государствами восьмерки* и подключившимися другими государствами в чувствительных областях, связанных в том числе с ядерным нераспространением.

31 мая 2003 г. в Кракове (Польша) Дж. Буш-мл. представил Инициативу по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) (Proliferation Security Initiative, PSI), направленную на противодействие распространению ОМУ, средств его доставки и соответствующих материалов, которые осуществляют как государства, так и негосударственные субъекты. На второй встрече ИБОР в Париже было сформировано ядро из 11 поддержавших инициативу государств и были сформулированы *принципы перехвата*, направленные на разрешение маршрутов перевозок и поставок технологий, компонентов и оборудования для производства ОМУ и средств его доставки. ИБОР стала еще одним воплощением концепции контрраспространения, которую продвигала республиканская администрация США: вместо международных организаций, малоэффективных и неповоротливых, где любой вопрос должен решаться голосованием, а часто и консенсусом и где среди голосующих могут находиться сами пролиферанты, под предводительством США должна действовать гибкая неформализованная система групп стран, разделяющих принципы Соединенных Штатов в борьбе с распространением. ИБОР подразумевает операции по досмотру и перехвату подозреваемых грузов в пространствах (на земле, в воздухе и на море), не находящихся под национальным контролем. Реализация ИБОР не всегда стыкуется с действующими документами международного права, что, конечно, сыграло сдерживающую роль в ее реализации, особенно на первых порах. К ИБОР не присоединились КНР и Индия. Россия после размышления присоединилась к ИБОР 31 мая 2004 г.

28 апреля 2004 г. на волне борьбы с угрозами распространения со стороны негосударственных субъектов, прежде всего террористических организаций, была единогласно принята Резолюция СБ ООН 1540. Объективная необходимость ее принятия заключалась в том, что ДНЯО (равно как и Конвенция о запрещении химического оружия и Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия) никак не регулирует деятельность негосударственных субъектов в отношении распространения. Особенностью данной резолюции является то, что она принята в соответствии с Главой VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»). Ее положения обязательны к выполнению всеми государствами — членами ООН, в том числе государствами, не являющимися участниками ДНЯО.

Двенадцать статей резолюции 1540 закладывают принципы и механизмы скоординированного противодействия *черному рынку* в области ОМУ и его компонентов и предотвращения их попадания в руки террористических организаций. В ст. 1 СБ ООН постановляет, что все государства должны воздерживаться от оказания помощи негосударственным субъектам, стремящимся «разрабатывать, применять, производить, распространять, обладать, перевозить или применять ядерное, химическое и биологическое оружие и средства их доставки», а ст. 2 обязывает государства — члены ООН принять и применять законодательство, направленное на пресечение таких попыток и действий со стороны негосударственных субъектов, или оказывать этому косвенную помощь. Исполнение данной резолюции

и отчетность государств контролируются специальным органом — Комитетом 1540 СБ ООН.

13 апреля 2005 г. Генеральная ассамблея ООН единогласно приняла и открыла для подписания Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма. Инициатива выработки данной Конвенции принадлежит Российской Федерации, а работа над ней началась еще в 1998 г. Конвенция вступила в силу 7 июля 2007 г., и на 26 марта 2013 г. ее подписали 141 и ратифицировали 85 государств. Этот международный договор направлен на предотвращение, пресечение и расследование террористических актов с использованием радиоактивных и ядерных материалов, а также устройств на их основе. Цель конвенции — создание инструмента международного сотрудничества в области расследования актов ядерного терроризма и наказания лиц, в них участвовавших.

Таким образом, хотя начало XXI в. оказалось неблагоприятным для международной безопасности в целом и для международного режима ядерного нераспространения в частности, в 2001–2005 гг. был тем не менее наработан разнообразный инструментарий, который формировал новые механизмы сотрудничества по предотвращению ядерного распространения, прежде всего в отношении негосударственных субъектов, например, международных террористических организаций, так как *борьба с терроризмом* оказалась стержневой темой первой пятилетки нового века.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДНЯО 2005 г.: СМЕСЬ ФАРСА И ТРАГЕДИИ

В мае 2005 г. в Нью-Йорке, как обычно раз в пятилетку, в течение четырех недель работала ОК ДНЯО. В своем страстном вступительном слове генеральный секретарь ООН К. Аннан попытался побудить делегатов к действию, апеллируя к тому, что их бездействие делает более вероятной ядерную катастрофу, будь то авария, террористическая атака или агрессия государства. Как, спрашивал он, лидеры всех стран, представленных на конференции, будут тогда отвечать на вопрос: «Как это могло случиться? Нахожусь ли я в здравом уме? Мог ли я сделать больше для уменьшения этой угрозы, укрепив режим, который призван ей противостоять?». Затем он потребовал от делегатов ответить на этот вызов и предпринять действия по ряду конкретных направлений, включая:

- усиление целостности ДНЯО перед лицом нарушений и возможных попыток выхода из него;
- повышение эффективности мер по обеспечению соблюдения ДНЯО, в частности универсализация Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ и его использование в качестве нового стандарта для проверки соблюдения обязательств;
- уменьшение риска распространения среди государств и негосударственных субъектов;
- решение проблемы двойственного характера ядерной энергии, дихотомии мирного и военного атома.

Однако расшатывание режима в предыдущие годы, появление двойных стандартов в нераспространении, отсутствие интереса к успеху на ОК ДНЯО у делегации США — все это ослабило волю делегаций к достижению результата. Вот как по горячим следам писал об этом один из ведущих международных экспертов в области ядерного нераспространения У. Поттер: «Этот год был не очень удачным для театральных постановок на Бродвее. Но, несомненно, самым дорогостоящим и самым провальным спектаклем, поставленным в Нью-Йорке за прошедший сезон, была Обзорная конференция ДНЯО — плохо продуманная смесь фарса и трагедии, сыгранная актерами без вдохновения, при слабой режиссуре и со слишком предсказуемым финалом»².

Предсказуемый финал — это провал конференции, неспособность участников принять Заключительный документ, чтобы ответить и на призыв генерального секретаря ООН, и на вызовы времени.

У краха этой конференции были три *могильщика*, которые в общем-то и не очень скрывали свою роль. *Во-первых*, это Египет, который громогласно разыграл *ближневосточную карту*, обвинив — в целом справедливо — коспонсоров резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку в неспособности обеспечить реализацию ее положений, прежде всего движение Израиля в сторону членства в ДНЯО. *Во-вторых*, это Иран, который активно использовал трибуну конференции для обвинений в адрес администрации Дж. Буша, включая ее политику по торпедированию разоружения. *В-третьих*, это были Соединенные Штаты: администрация Дж. Буша действительно не испытывала ни малейшего интереса или доверия к такому механизму, как ОК ДНЯО, и сознательно направила на нее дипломатов среднего ранга и небогатых знаний, которые не только не проявили обычно присущего США на ОК ДНЯО лидерства, но даже были неспособны ответить на обвинения со стороны Ирана, так что занавес конференции опустился на торжествующей иранской ноте. Провал конференции лишь подтверждал излюбленный для администрации Буша тезис о том, что все подобные форумы в лучшем случае бесполезны, в худшем — вредны.

Конференция проходила так беспомощно, что ее участники даже не смогли решить, считать ли КНДР и далее участником Договора или же она из него все-таки вышла. Единственное, на что оказались способны делегаты, так это принять решение о передаче таблички с надписью «КНДР» из зала заседаний в секретариат конференции для хранения там, поскольку *статус КНДР в ДНЯО не прояснен*. Не приходилось сомневаться, что КНДР, равно как и другие государства, не участвующие в ДНЯО, получила сигнал о вялости ключевого механизма контроля над соблюдением ДНЯО.

9 октября 2006 г. КНДР провела свое первое испытание ядерного взрывного устройства, продемонстрировав тем самым свой ядерный потенциал, а 25 мая 2009 г. вторым испытанием де-факто подтвердила свой статус ядерного государства. При всем скепсисе экспертов по поводу продвинутой и количества северокорейского ядерного арсенала, несомненным было то, что КНДР еще больше удалилась от ДНЯО, став первым — и пока единственным — государством, вышедшим из договора.

ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ДНЯО

Статья 10 п. 1 ДНЯО гласит: «Каждый из участников настоящего договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех участников договора и Совет Безопасности ООН».

При всем том, что ДНЯО демонстрирует свою жизнеспособность спустя более четырех десятилетий после вступления в силу, он не совершенен. Время выявило его слабые места. Одно из них — регламентация выхода из договора.

С одной стороны, каждое государство должно иметь право покинуть международные договоры, если под угрозу поставлены его высшие интересы. Договоры не должны восприниматься как ловушка.

С другой стороны, членство в ДНЯО связано, в частности, с возможностями доступа к благам мирной ядерной энергетики, в том числе и через международное сотрудничество в рамках МАГАТЭ. Покидая ДНЯО, государство должно каким-то образом вернуть эти плоды обратно, а не забирать с собой.

И, конечно, возникает вопрос о том, не нарушало ли государство положений договора, находясь в нем, и не является ли *бегство* из договора попыткой замести следы своих предыдущих нарушений.

КНДР этой лазейкой в договоре уже воспользовалась. Пока только она одна. А что если ее лазейку используют и другие? Конечно, именно Иран является предметом основного беспокойства дипломатов и экспертов на предмет возможного выхода из договора — по крайней мере до середины 2013 г. такие опасения высказывались неоднократно. Но нельзя исключать, что в случае разочарования в договоре, его эффективности, его способности защитить от расползания ядерного оружия, а также защитить от необоснованных претензий и угроз применения силы под лозунгами нераспространения вопрос о выходе из договора может встать и перед другими государствами (хотя на сегодняшний день такой поворот является сугубо гипотетическим).

На этой счет имеются заслуживающие внимания предложения Российской Федерации. В частности предлагается, что в случае выхода государства из ДНЯО МАГАТЭ должно провести проверку соблюдения этим государством своих обязательств по Соглашению о гарантиях. Преднамеренная деятельность и подготовка решения о выходе из договора в целях проведения военной ядерной программы должны расцениваться как нарушение договора. При выходе из договора все созданные в мирных целях ядерные материалы, оборудование, технологии и установки должны оставаться под режимом гарантий МАГАТЭ. Если импортированные в страну ядерные технологии не будут возвращены государству-поставщику, они остаются под пожизненными гарантиями агентства.

Комиссия по ядерному нераспространению под председательством Гарета Эванса и Йорико Кавагучи предложила более жесткий подход: «Совет Безопасности ООН должен неукоснительно предотвращать выход из ДНЯО, давая ясно понять, что этот шаг будет расценен, при отсутствии доказательств в пользу обратного, как угроза международному миру и безопасности, со всеми механизмами принуждения, которые могут последовать в связи с применением Главы VII Устава ООН»³.

Пока что Резолюция СБ ООН 1887, принятая в 2009 г., лишь намечает решение проблемы: «В соответствии с международным правом государство продолжает нести ответственность за нарушения положений ДНЯО, совершенные до выхода из договора»⁴.

ОБАМА И ЯДЕРНЫЙ НОЛЬ

В ноябре 2008 г. был избран президентом США и в январе 2009 г. приступил к исполнению своих обязанностей новый президент США Барак Хусейн Обама (переизбранный спустя четыре года на новый срок). Республиканцев в Белом доме сменили демократы. Как и Дж. Буш-мл. восемь лет назад, теперь Б. Обама решил радикально поменять внешнеполитическую повестку дня. Вопросы международного сотрудничества через международные организации, сокращения ядерных вооружений вновь стали актуальны. Вернулось в лексикон американской администрации и понятие *ядерного разоружения*.

1 апреля 2009 г. президенты России Д. А. Медведев и США Б. Обама, впервые встретившись в Лондоне, объявили, что Россия и США станут лидерами движения в сторону безъядерного мира. Спустя всего пять дней Обама развил *апрельские безъядерные тезисы*, выступая в Праге. Хотя он и признал, что *ядерный ноль* вряд ли наступит при его жизни, он решительно высказался за напряженную работу над сокращением ядерных арсеналов вплоть до их полного уничтожения.

Пражская речь Обамы стала знаменитой, и с тех пор *ядерный ноль* превратился в модную тему: были проведены многочисленные конференции, а международное Движение за ядерный ноль даже подготовило *дорожную карту*, чтобы проложить кратчайший путь к миру без ядерного оружия уже к 2025 г., т. е. выступило с более

оптимистичными взглядами о возможностях ликвидации ядерных вооружений в мире, чем американский президент. В поддержку *ядерного ноля*, хотя уже без указания конкретных дат, выступили четыре влиятельных американских отставных политика: Генри Киссинджер, Джордж Шульц, Уильям Перри и Сэм Нанн. В пользу *ядерного ноля* также высказались влиятельные политики — отставные и действующие — из Японии, Великобритании, ряда других стран.

Вообще-то, как мы знаем, цель *ядерного ноля* — не пожелание, но обязательство всех 189 участников ДНЯО, как неядерных, так и ядерных. Оно предельно четко изложено в статье VI, являющейся одной из трех главных *несущих конструкций* договора наряду собственно с ядерным нераспространением и правом на мирное использование атомной энергии. Еще более внятно оно изложено в Заключительном документе Обзорной конференции 2000 г., о чем говорилось выше.

Взяв на себя роль лидеров ядерного разоружения, президенты Б. Обама и Д. Медведев дали поручения своим делегациям в кратчайшие сроки выработать новый договор о стратегических наступательных вооружениях (СНВ).

Переговоры шли трудно, иногда мучительно. Основным препятствием стали, как это ни странно, не цифры с порогами сокращений боеголовок и носителей. Мешало отсутствие глубинного взаимного доверия.

8 апреля 2010 г., менее чем через год после начала работы, Новый договор о СНВ был подписан в столице Чехии⁵ — как знак уважения к речи Обамы годичной давности и знак того, что его призывы стали воплощаться в жизнь. Установленный новым договором уровень в 1550 развернутых боезарядов для каждой из сторон был примерно на треть ниже предельных уровней, установленных предыдущим договором (хотя тот скорее похож на протокол о намерениях) между Россией и Соединенными Штатами о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Установленный потолок в 700 развернутых носителей был более чем в 2 раза ниже уровней предыдущего договора. Этот подход был не слишком радикален — ведь без заметного ущерба для безопасности каждой из сторон можно было бы оставить по 1000 развернутых боеголовок, а может быть и меньше. Зато результат устроил обе стороны и послал важный и недвусмысленный сигнал всему миру: Москва и Вашингтон действительно идут по пути реального ядерного разоружения, а не просто говорят о нем. Такое *яичко* было особенно дорого к *Христову дню* — очередной Обзорной конференции ДНЯО.

Казалось, *пражская разоруженческая весна* расцветала надолго... Но идти дальше, готовя более глубокие сокращения, оказалось не в интересах двух ведущих ядерных государств, и после вступления в силу Нового договора о СНВ (2011) за стол новых переговоров они больше не вернулись.

ОБЗОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ДНЯО 2010 г.: ИЛЛЮЗИЯ НОВОЙ ДИНАМИКИ

«Единственная функция ядерного оружия — это разрушение всего живого. [...] Обладание ядерной бомбой отвратительно и позорно, как позорна угроза применения ядерного оружия... Те, кто осуществили атомные бомбардировки в Хиросиме и Нагасаки, находятся в числе наиболее ненавидимых врагов человечества... Ядерное оружие — не источник достоинства и власти. Время опоры на ядерное оружие в прошлом». Так говорил первый выступавший в прениях на ОК ДНЯО, которая проходила в Нью-Йорке с 3 по 28 мая 2010 г. Кто же был этот оратор? Не кто иной, как президент Ирана Махмуд Ахмадинежад. Он был единственным главой государства, посетившим этот международный форум, поэтому и выступал первым.

Парадоксально, что Иран, многословной риторикой завершивший предыдущую, провальную, конференцию, теперь открывал новый обзорный цикл.

Настроение делегаций было иным, нежели пять лет назад. Большинство делегаций прибыло в Нью-Йорк с настроением *на успех*, и это уже было полдела. Заключенный накануне конференции Новый ДСНВ, хотя и не был радикальным прорывом, все-таки стал заметным шагом вперед, особенно после десятилетия стагнации и разочарований.

Председатель конференции Либран Кабактулан (Филиппины) в течение четырех недель ее работы выстраивал, по меткому замечанию делегата от Южной Африки, *деликатный баланс* интересов всех ключевых игроков: и государств, обладающих ядерным оружием, и движения неприсоединения, и арабских государств во главе с Египтом, и Ирана.

Ключевых сквозных сюжетов в ходе ОК ДНЯО 2010 г. было два, и оба традиционные: первый — ядерное разоружение, второй — Ближний Восток.

В результате многочисленных взаимных компромиссов Конференции удалось принять консенсусом Заключительный документ, содержащий среди прочего 64 действия (они же рекомендации), которые должны быть выполнены участниками ДНЯО в 2011–2015 гг.⁶.

В *разоруженческом блоке* следует обратить внимание на следующие рекомендации:

- ЯОГ обязуются предпринимать дальнейшие усилия к сокращению и последующей ликвидации развернутых и неразвернутых ядерных вооружений всех типов.
- Россия и США обязуются добиваться скорейшего ввода в действие и полного осуществления нового ДСНВ; им рекомендуется продолжить обсуждение последующих мер в целях осуществления более глубоких сокращений их ядерных арсеналов (действие 4).
- Все ЯОГ должны быстро продолжить общее сокращение глобальных запасов ядерного оружия всех типов, еще более снизить роль и значение ядерного оружия во всех концепциях, доктринах и стратегиях военного строительства и обеспечения безопасности, рассмотреть законную заинтересованность государств, не обладающих ядерным оружием, в дальнейшем понижении оперативного статуса систем ядерных вооружений; еще более укрепить уровень транспарентности (действие 5).
- Все ЯОГ обязуются в кратчайшие сроки ратифицировать ДВЗЯИ (действие 10).
- Всем ЯОГ рекомендуется как можно скорее согласовать стандартизованную форму доклада об осуществлении плана действий и определить периодичность добровольного представления стандартизованных данных без ущерба для национальной безопасности, а генеральному секретарю ООН предлагается создать общедоступную базу данных, в которой должна быть представлена эта информация (действие 21).

На разоруженческом направлении не удалось продвинуться дальше решений ОК ДНЯО 2000 г., а в некоторых формулировках пришлось сделать шаг назад по сравнению с *тринадцатью шагами*. Сказалась неготовность некоторых государств, и не в последнюю очередь России, включать в план действий такие вопросы, как нестратегическое ядерное оружие (НСЯО), и конкретизировать шаги в области транспарентности.

Не получили развития звучавшие в ходе конференции важные предложения о запрещении количественного увеличения ядерных арсеналов ядерных государств и о запрете на размещение ядерного оружия вне пределов национальных территорий.

Не нашло должного отражения и вычерчивание пути в сторону Конвенции о запрещении ядерного оружия.

Ближневосточный блок Заключительного документа рождался, без преувеличения, в муках. Еще за два дня до завершения конференции Соединенные Штаты не были готовы к какому бы то ни было упоминанию Израиля в тексте. И лишь после того как вице-президент США Дж. Байден поужинал с арабскими послами в Вашингтоне, а потом поговорил по телефону с президентом Египта Х. Мубарак-ом, США на однократное упоминание Израиля в тексте Заключительного документа согласились: «Конференция напоминает о том, что на Конференции 2000 г. была подтверждена важность присоединения Израиля к Договору и постановки им всех своих ядерных объектов под полномасштабные гарантии МАГАТЭ».

Эта неуклюжая фраза тем не менее позволила разблокировать путь к выработке компромиссного решения о созыве в 2012 г. конференции с участием всех государств Ближнего Востока по вопросу о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов ОМУ (ЗСОМУ), «на основе договоренностей, добровольно заключенных государствами этого региона», причем «круг ведения этой конференции 2012 г. будет основываться на резолюции 1995 г.». Работа по подготовке конференции была возложена на генерального секретаря ООН, а также США, Великобританию и Россию — коспонсоров резолюции 1995 г. по Ближнему Востоку, а практически усилия по продвижению к конференции 2012 г. должен был обеспечить *спецкоординатор* (которым стал финский дипломат Якко Лааява). Одна из труднейших задач при подготовке конференции — обеспечить, как это установлено решением ОК ДНЯО, участие *всех государств* региона, т. е. включая Израиль.

Примечательно, что решение ОК ДНЯО о созыве конференции по ЗСОМУ стало результатом развития инициативы России, с которой она выступила на сессии Подготовительного комитета к ОК ДНЯО в 2009 г.

Таким образом, конференция завершилась скромным, но позитивным результатом. «Посеяны семена надежды», — так глава делегации Канады охарактеризовал итоги ОК ДНЯО 2010 г. Укрепление позитивного духа вокруг ДНЯО, подтверждение жизнеспособности ДНЯО в глазах всех его участников уже само по себе создало позитивный импульс, для того чтобы приступить к развязыванию накопившихся узлов. При этом опытные дипломаты и эксперты осознавали, что куда важнее, чем принятие Заключительного документа, было закрепить наметившуюся позитивную динамику набором конкретных шагов. Важно было не повторить ошибки 1995 г., когда после принятия решения о бессрочном продлении наступило *всеобщее расслабление*.

АТОМНЫЙ РЕНЕССАНС И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

11 марта 2011 г. авария на японской АЭС *Фукусима-1* в результате последствий землетрясения заставила даже наиболее активных сторонников развития атомной энергетики в мире отложить свои планы. Вопросы обеспечения безопасности атомной энергетики снова, как после чернобыльской катастрофы 1986 г., вышли на первый план повестки дня. Германия, Швейцария, Бельгия заявили об отказе от атомной энергетики; Япония вынуждена была временно заморозить строительство АЭС.

Атомный ренессанс — возвращение глобального интереса к ядерной энергетике, характерного для *дочернобыльского* периода и пресекавшегося в 1986 г. — откладывается. Но он неизбежен.

По оценке бывшего президента Франции Н. Саркози, к 2030 г. потребность в атомной энергии на нашей планете возрастет на 40%. Бум атомной энергетики прежде всего затронет такие государства, как КНР и Индия. Наиболее перспективные регионы для атомного ренессанса — Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

КАСЫМ-ЖОМАРТ ТОКАЕВ:

Мы уверены, что создание дополнительных резервов низкообогащенного урана под эгидой МАГАТЭ создаст условия для получения гарантированного доступа всех государств к ядерному топливу и ни в коей мере не затрагивает законного и неотъемлемого права каждого государства — члена ДНЯО на развитие мирной ядерной деятельности при условии всецелого соблюдения ими требований МАГАТЭ. К сожалению, большого прогресса в процессе разоружения и укреплении режима нераспространения в мире по-прежнему не наблюдается. Несмотря на наличие ДНЯО, современный мир так и не смог справиться с непрекращающимися попытками ряда государств войти в ядерный клуб, не остановил совершенствования оружия массового уничтожения обладателями этого смертоносного оружия.

Повестка дня Конференции по разоружению должна быть пересмотрена. *Индекс Безопасности.* №1 (100). Весна 2012. С. 39.

Азия, Латинская Америка. Вероятно, к этому перечню раньше или позже добавится Африка южнее Сахары.

Сейчас в мире действуют 194 АЭС с 437 энергоблоками в 30 государствах, а еще 68 энергоблоков находятся в процессе строительства. Как считает МАГАТЭ, к 2020 г. к списку государств, уже имеющих атомную энергетику, добавятся 11 новых стран. Помимо этого еще 23 страны в настоящее время серьезно рассматривают перспективу развития мирной атомной энергетики. Список новичков, как тех, кто уже имеет соответствующие контракты на строительство, так и заинтересованно-осторожничающих, разнообразен — от Вьетнама и Мьянмы до Иордании и ОАЭ в Азии, от Нигерии и Марокко до Кабо-Верде и ЮАР в Африке, от Венесуэлы и Эквадора до Кубы и Чили в Латинской Аме-

рике. Другое дело, что кто-то из этого списка уже приступил к строительству АЭС, а кто-то куда дальше разговоров не продвинется.

Как мирное использование атомной энергии в странах, не имеющих большого опыта, будет стыковаться с их обязательствами в области ядерного нераспространения? Главное правило, заложенное в статье IV ДНЯО, должно оставаться неизбылемым: не пойман — не вор; если государство не замечено в нарушениях обязательств по ДНЯО, оно имеет полное право без ограничений на развитие атомной энергетики в мирных целях.

Здесь открываются большие возможности для международного сотрудничества. В первую очередь их надо использовать для надежного и гарантированного обеспечения ядерным топливом стран, развивающих атомную энергетику.

Можно пойти по пути создания в каждой такой стране мощностей по обогащению урана, по производству топлива, последующей его переработке. Однако это весьма затратный процесс не только с точки зрения финансов, но и в плане интеллектуальных научных и материально-технических ресурсов. Оправдан ли такой путь в условиях, когда мировой рынок способен обеспечить не только сегодняшние, но и будущие потребности в этой области? Вряд ли. Тем более что такой выбор на долгие годы отодвигает реализацию национальных планов по развитию атомной энергетики, учитывая время, необходимое для создания упомянутых мощностей. Уместно напомнить мнение бывшего генерального директора МАГАТЭ М. Эльбаратеи, отмечавшего, что сегодня причин создавать новые установки по обогащению урана или переработке облученного ядерного топлива нет.

В ответ нередко высказывается аргумент, что та или иная страна не может полностью ставить себя в зависимость от ситуации на рынке или политической воли отдельных государств. Законные опасения. Но их можно устранить на основе многосторонних подходов к ЯТЦ, призванных предложить экономически обоснованную, практически осуществимую альтернативу созданию на национальном уровне всех его элементов.

В последние годы в этой области было выдвинуто немало инициатив. Так, Президент России В. В. Путин предложил работать вместе по развитию глобальной инфраструктуры атомной энергетики и созданию международных центров по оказанию услуг ядерного топливного цикла. В качестве первого шага на базе обогащательного предприятия в Ангарске был создан Международный центр по обогащению урана (МЦОУ). Его участниками стали Россия, Казахстан, Армения, Украина. Открыт МЦОУ и к приему новых участников. Участники центра получили гарантированный доступ к необходимым им услугам по обогащению, что позволит обеспечить их потребности в ядерном топливе без развития у себя собственного соответствующего производства.

Кроме того, Россия сформировала при МЦОУ резервный запас в количестве 120 тонн низкообогащенного урана (НОУ) под управлением МАГАТЭ. Соответствующее соглашение между Россией и МАГАТЭ было подписано 29 марта 2010 г. Материалы из этого запаса будут поставляться в третьи страны по решению агентства в случае прекращения поставок той или иной стране по политическим мотивам. Воспользоваться таким гарантированным запасом может любое государство, соблюдающее нераспространенческие обязательства.

Некоторые развивающиеся государства (в частности Египет) опасаются, что их таким образом пытаются заманить в технологическую *ловушку*, лишая законного права на развитие национальных программ. Безусловно, международные центры должны стать экономически привлекательными и политически приемлемыми для всех заинтересованных государств ДНЯО, а также, возможно, для Индии. Тем, кто пока реагирует настороженно, стоит прислушаться к словам бывшего высокого представителя генерального секретаря ООН по разоружению Сержио Дуарте (Бразилия): «Создание МЦОУ в Ангарске является конструктивным шагом, который может снять опасения в области ядерного нераспространения, так как это устраняет необходимость иметь национальные обогащательные возможности».

З
И
Л
А
Н
А

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ДНЯО И СЕГОДНЯШНИЕ РЕАЛИИ

Всеобщее присоединение к договору еще на Конференции ДНЯО 1995 г. было объявлено неотложной приоритетной задачей. Частично это решение было исполнено: с 1995 г. к ДНЯО присоединились Ангола, Андорра, Бразилия, Вануату, Джибути, Коморские Острова, Куба, Оман, ОАЭ, Чили. Число государств-участников составило 189⁷. Вне договора остались только четыре государства. Казалось бы, это значительный прогресс, делающий ДНЯО самым универсальным из всех когда-либо заключенных международных договоров.

Тем не менее никаких особых заслуг в присоединении вышеназванных государств к ДНЯО у ЯОГ нет. В то же время все остающиеся вне договора государства как раз и являются предметом первостепенной озабоченности. Не случайно в 1995 г. особый акцент был сделан на присоединении в кратчайшие сроки «государств, в которых имеются ядерные объекты, не поставленные под действие гарантий».

Скорое присоединение к ДНЯО Израиля, Индии и Пакистана нереально. Возможны компромиссные меры, в частности постановка всех объектов этих государств под гарантии МАГАТЭ или создание региональных агентств по примеру АБАКК. Однако и в этом направлении ничего не удалось сделать; наоборот, после проведения испытаний в Южной Азии вопрос об универсальности оказался отброшен назад.

Серьезные разногласия среди государств — участников ДНЯО, особенно в экспертной среде, вызвало решение Группы ядерных поставщиков (ГЯП) от 8 сентября 2008 г. открыть свои рынки для ядерной торговли с Индией — соответствующие изменения были внесены в Правила экспорта ГЭП по инициативе США (и при поддержке таких государств, как Франция и Россия). За год до этого

(1 августа 2007 г.) США заключили с Индией Соглашение о ядерном сотрудничестве, известное как *Соглашение 123* (ратифицировано Сенатом США 9 октября 2008 г.). Таким образом, был создан прецедент, согласно которому де-факто ядерное государство вне ДНЯО по сути приравнивалось к неядерным государствам — членам ДНЯО.

Помимо четырех де-факто ядерных государств вне ДНЯО на сегодняшний день существует одно пороговое государство — Иран, которое, хотя и является членом ДНЯО, вызывает беспокойство с точки зрения возможности незаявленной части ядерной программы (в настоящее время или в прошлом).

Подходы к каждому из этих государств, безусловно, должны быть не стандартизированы, а, напротив, индивидуализированы.

Индия создала собственное ядерное оружие в ответ на унижающее поражение в войне с Китаем, который к тому моменту им обладал, более того был признан таковым согласно ДНЯО. Действительно, Индия не успела *впрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием ДНЯО* в качестве легитимной ядерной державы и провела первое испытание только в 1974 г. Но разве Индия не доказала всем своим поведением в последние десятилетия, что является ответственным ядерным государством? Разве Дели распространял военные ядерные технологии и материалы в третьи страны? Наконец разве правомерно говорить о придании Индии неядерного статуса, не ставя параллельно вопрос о Китае?

Государства вне ДНЯО и пороговые государства — участники ДНЯО⁸

Государство	Членство в ДНЯО	Статус в ДВЗЯИ	Кол-во проведенных ядерных испытаний	Членство в МАГАТЭ	Передача ядерных технологий третьим странам	Уровень обеспечения физической защиты объектов ядерной инфраструктуры
Израиль	Нет	Подписал, не ратифицировал	Н/д*	Да	Н/д	Н/д
Индия	Нет	Не подписала	6	Да	Нет	Удовлетворительный
Пакистан	Нет	Не подписал	6	Да	Да	Неудовлетворительный
КНДР	Участник с 1985 г. **	Не подписала	3	Нет	Н/д	Н/д
Иран	Да	Подписал, не ратифицировал	Нет	Да	Нет	Удовлетворительный

*Ядерных испытаний, скорее всего, не проводилось, хотя причастность Израиля к таинственной *вспышке* 1979 г. в Южной Атлантике до сих пор не исключается.

**10 января 2003 г. КНДР заявила о возобновлении процедуры выхода из ДНЯО.

Снятие с Индии ограничений в области ядерной торговли со стороны ГЯП при всей противоречивости этого решения было все-таки шагом в правильном направлении.

нии. Индия должна и далее вовлекаться в вопросы ядерного нераспространения так, как если бы она являлась шестым участником ядерного клуба согласно ДНЯО, но без юридического участия в нем.

Со своей стороны Дели должен воспринимать такие шаги международного сообщества не как индульгенцию, а как элемент диалога. Он подразумевает взаимность, включая ответственную политику со стороны Индии в области ядерного нераспространения и разоружения.

Шаги в области ядерного разоружения, перечисленные выше применительно к ядерной пятерке, могут и должны распространяться на Индию. В случае принятия пятеркой заявлений по ненаращиванию и несоверженствованию ядерных арсеналов Дели следует сделать синхронное заявление аналогичного содержания. Не ожидая уговоров подписать ДВЗЯИ, не оправдывая самоустранение отсутствием ратификации со стороны США или КНР, Индии следует показать пример ответственности, подписав и ратифицировав ДВЗЯИ в короткие сроки, а до вступления его в силу придерживаться моратория на ядерные испытания.

Наконец Дели должен аккуратно исполнять обязательство по постановке своей мирной ядерной деятельности под гарантии МАГАТЭ.

Пакистан представляет совершенно иной случай, хотя, конечно, его ядерная программа была догоняющей Индию. Сегодня Пакистан — единственное государство, имеющее ядерное оружие, где политический режим расшатан и находится на грани коллапса. Хотя пакистанские военные не раз заявляли, что нет причин беспокоиться об уровне физической защиты, учета и контроля ядерного оружия и ядерных материалов, трудно принять эти утверждения на веру, особенно потому, что именно в Пакистане и в непосредственной близости от него действуют наиболее агрессивные негосударственные субъекты, стремящиеся получить несанкционированный доступ к ядерному оружию и его компонентам.

На Конференции по разоружению в Женеве Исламабаду следует перестать блокировать начало переговоров по договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей. Пакистану также необходимо присоединиться к ДВЗЯИ, соблюдая мораторий на ядерные испытания вплоть до вступления договора в силу, и открыть доступ инспекторов МАГАТЭ к исчерпывающим материалам по делу *Абдул Кадир Хана* и его команды, продававшей ядерные секреты. А далее пакистанскому руководству и военным стоит сообща задуматься, выигрывает ли страна, имея ядерное оружие? Действительно ли оно обеспечивает его безопасность? Не рискует ли ядерное оружие стать гвоздем, вбитым в гроб пакистанской государственности, а вовсе не гарантом этой государственности, как там склонны полагать сегодня?

Насколько значим *северокорейский арсенал*, судить трудно. Скорее всего, запасы оружейных ядерных материалов скудны. Тем не менее три испытания страна осуществила. Серьезную озабоченность вызывает развитая ракетная программа. Со своей стороны северокорейское руководство беспокоит, когда его то включают в *ось зла* (два звена которой, как известно, сокрушили, а лидеров в одном случае повесили, в другом — растерзали), то игнорируют. Пхеньяну нужны внимание, гарантии безопасности и простор для торга. Вероятно, именно этим путем и пойдут шестисторонние переговоры (КНДР, Республика Корея, КНР, Россия, Япония, США). Реализация договоренностей в рамках шестисторонних переговоров со временем позволит Северной Корее восстановить полноценное участие в ДНЯО как неядерного государства. Пхеньян также мог бы поддержать мораторий на проведения ядерных испытаний и в дальнейшем присоединиться к ДВЗЯИ. Среди дальнейших шагов — участие вместе с Республикой Корея в процессе формирования безъядерного статуса Корейского полуострова.

Израиль заслуживает особого разговора. Потому что именно ситуация на Ближнем Востоке и корень зла — наличие у Израиля ядерного оружия и его неучастие в ДНЯО — могут стать основной миной замедленного действия под договор.

Израиль сегодня — единственное государство региона вне ДНЯО. Израиль не просто игнорирует любые призывы открыть ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ и начать переговоры о ЗСОМУ на Ближнем Востоке, но и периодически рассуждает о том, как уничтожить ядерные объекты Ирана (где ядерное оружие отсутствует), убивает иранских ученых-ядерщиков.

Сегодня ситуация на Ближнем Востоке такова, что любой оптимизм в отношении самой возможности решения ядерной проблемы Израиля звучал бы наивно. И тем не менее, когда и если ситуация в регионе начнет меняться к лучшему, а в Израиле придут к власти более ответственные и дальновидные лидеры, велосипед изобретать не придется. Рецепты продвижения в сторону безъядерного Ближнего Востока уже разработаны, в том числе в начале 1990-х гг., когда ситуация была качественно иной и имелись надежды на прогресс.

Прежде всего от Израиля требуется согласие на распространение гарантий МАГАТЭ на ядерную инфраструктуру в Димоне. Далее созданию безъядерной зоны должно предшествовать недвусмысленное обязательство сторон воздержаться от атак на ядерные объекты друг друга. За основу договора о такой зоне можно взять положения из Совместной декларации между Израилем и Иорданией (1993 г.) о нормализации двусторонних отношений. Принципиально важно выработать систему верификации и мониторинга в регионе, где традиции доверия утеряны, при этом можно использовать опыт, накопленный такими региональными организациями, как *Евратом* или *Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов* (АБАКК).

Хотя Израиль является ключом (а сегодня и основным тормозом) для решения ближневосточной ядерной проблемы, другие государства региона не должны прикрываться антиизраильской риторикой, реализуя собственные амбиции.

НАКАНУНЕ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ–2015: ТУЧИ ВНОВЬ СГУЩАЮТСЯ

После Обзорной конференции 2010 г. прошли три заседания Подготовительного комитета (Препкома) Обзорной конференции 2015 г. Каждое заседание Препкома работало по две недели. Я принимал участие в каждом из этих заседаний, что позволяет сформировать об их итогах собственное впечатление.

Первый Препком (2012 г., Вена) был достаточно вялой *разминкой* участников, однако позволил как минимум не заблокировать дальнейшую, более субстантивную работу.

Главным впечатлением от *второго Препкома* (2013 г., Женева) стал демарш делегации Египта, которая в разгар работы покинула зал заседаний, да так и не вернулась. Причина такого демарша была основательная. Египет был разочарован неспособностью созвать Конференцию по ЗСОМУ на Ближнем Востоке, которая была намечена на 2012 г. Действительно, по мнению Соединенных Штатов, форсирование созыва такой конференции без тщательной подготовки и без учета интересов Израиля обрекло бы ее на неминуемый провал. Израиль готовности принять участие в такой конференции не продемонстрировал, в отличие, кстати, от Ирана, который подтвердил, что примет участие в конференции. В результате намеченная *пунктиром* на вторую половину декабря 2012 г. в Хельсинки конференция так созвана и не была (до сих пор!).

Надо при этом заметить, что другие арабские государства, в целом разделяя возмущение Египта, за ним не последовали и продолжили принимать участие в заседании Препкома. Тем не менее своим одиноким демаршем Египет послал

серьезный сигнал всем, кто еще питал иллюзии относительно того, что обзорный процесс будет малооблачным.

Вторая половина 2013 г. ознаменовалась, казалось бы, важной позитивной тенденцией в нераспространении. Она была прежде всего связана с решением руководства Ирана войти в конструктивный диалог с Соединенными Штатами, а также европейской *тройкой* (Великобритания, Франция и Германия), Россией и КНР по поводу дипломатических развязок вокруг своей ядерной программы с целью выхода из-под режима санкций СБ ООН и снижения напряженности. В ноябре 2013 г. в Женеве был достигнут заметный, хотя и промежуточный, прогресс на этом направлении.

Также значимым событием стало решение Сирии отказаться от собственного арсенала химического оружия (ХО) и передать его для уничтожения международным силам. Россия сыграла ключевую роль, для того чтобы вокруг сирийского ХО были найдены дипломатические развязки. Соединенные Штаты также в данном случае склонились к дипломатическому решению, отказавшись от применения силы против Сирии и взяв на себя основную роль в самом процессе уничтожения ХО (завершилось весной 2014 г.). Сирия присоединилась к Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). Хотя речь шла о ХО, а не о ядерном, можно было надеяться, что данная тенденция в целом закрепится применительно к ОМУ в целом.

Однако неустойчивый характер международных отношений в очередной раз не позволил позитивным тенденциям закрепиться. Начиная с марта 2014 г. Соединенные Штаты и их союзники по НАТО взяли курс на оказание всестороннего давления на Россию, включая введение санкций, под предлогом *наказания* России за ее поведение в украинском кризисе. Такая политика ударила рикошетом. Многие механизмы консультаций в области глобальной безопасности, в том числе неформальные, в одночасье оказались подорваны, а стороны отброшены к самому глубокому кризису в отношениях со времени появления на карте Российской Федерации. Вероятно, ближайшей параллелью здесь стали самые холодные времена холодной войны, например 1983 г.

Россия, готовившаяся принять саммит *Большой восьмерки* в Сочи в июне 2014 г., незадолго до этого была вообще отстранена от участия в этом механизме, который вновь стал *семеркой*. Программа *ГП*, хотя и не была официально закрыта *семеркой*, вступила в фазу окончательного затухания.

Механизм ежегодных встреч *ядерной пятерки* был сохранен; такая плановая встреча прошла в апреле 2014 г. в Пекине. Однако от него не приходилось ждать прорывов.

США и Великобритания, а также Украина поставили вопрос о несоблюдении Россией своих обязательств в рамках Будапештского меморандума (1994) о предоставлении гарантий безопасности Украине в связи с приобретением ей неядерного статуса. В условиях воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г., с одной стороны, и нелегитимной смены власти в Киеве в феврале 2014 г., с другой, Будапештский меморандум по сути прекратил свое действие.

На этом фоне в Нью-Йорке в апреле-мае 2014 г. прошел третий Препком — заключительный перед Обзорной конференцией 2015 г. В повестке дня доминировал традиционный и предсказуемый набор вопросов. Становилось ясно, что План действий 2010 г. частично не выполняется и шансов выполнить его к Обзорной конференции уже нет.

Речь прежде всего идет о двух блоках вопросов. В первую очередь о *разоруженческом*, где даже самые скромные ожидания оказались нереалистичны. Здесь усилились голоса тех многочисленных государств, которые выступают за более быстрые темпы ядерного разоружения, а также обращают внимание на гуманитарные аспекты ядерного разоружения, в частности продвигая тезис об амораль-

ности ядерного оружия как такового. (Не вызывает сомнений, что эта старая *новая тема* станет лейтмотивом ОК ДНЯО–2015.)

Второй блок — конечно же, *ближневосточный*. Здесь тоже никаких позитивных подвижек не намечилось, если не считать, конечно, конструктивного вовлечения Ирана в переговоры по поводу своей ядерной программы.

Последнее обстоятельство, значимое само по себе, заставило многих участников Препкома отказаться от излишне жестких заявлений либо пессимистич- ных оценок, чтобы не *сплугнуть* наметившийся прогресс на иранском треке. Этим обстоятельством в значительной степени объясняется тот факт, что в ходе этого Препкома не было ни *драматических* заявлений, ни демаршей с покиданием зала и хлопаньем дверьми.

К скромным, но значимым достижениям этого Препкома можно отнести тот факт, что на его полях государства *ядерной пятерки* подписали протоколы к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. В результате реализация этого договора больше не блокируется ни одной ядерной державой.

Однако внешнее спокойствие в Нью-Йорке весной 2014 г. никого не должно вводить в заблуждение. К Обзорной конференции 2015 г. глухое раздражение, нака- пливающееся в разных частях света — и у государств Ближневосточного региона, и у различных групп государств, разочарованных медленными темпами разоружения, возвращением ядерного оружия в роли главного гаранта безопасности уже не в XX, но в XXI в., может прорваться наружу. И если на предыдущих обзорных конференциях Соединенные Штаты и Россия работали сообща, чтобы выработать контраргументы и такое недовольство канализировать и сделать его управляе- мым, то в 2015 г. это потребует уже чудес политической акробатики. А с чудесами сейчас туго.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДНЯО

ДНЯО был открыт к подписанию 1 июля 1968 г. Кто-то называл тот год годом, изме- нившим мир, кто-то — годом-лихорадкой. Только что отцвела баррикадная *париж- ская весна*. Но еще буйствовала *весна пражская*. Не пройдет и двух месяцев, как по улицам Праги загрохочут гусеницы советских танков.

ДНЯО благополучно пережил *европейские заморозки*. Как потом и апофеоз холодной войны, и крах биполярного мира, и вхождение в новый век с изменив- шимся набором вызовов и угроз. Его 11 емких статей никогда не потрясали мир, но всегда оставались прочно зацементированным фундаментом международного режима ядерного нераспространения. А когда мир сотрясился от землетрясений- кризисов, ДНЯО неизменно оказывался сейсмоустойчивым: кому-то кажется даже подозрительным, как это за столько лет его не избороздили трещины.

Успехи Договора неоспоримы. Главный — расширение ядерного клуба минимизи- ровано. До заключения ДНЯО было общим местом рассуждать о мире с несколь- кими десятками ядерных государств. Военные программы активно развивали Швеция и Швейцария, Австралия и Канада. К ядерному оружию в разные годы присматривались Египет и Турция, Южная Корея и Тайвань, Аргентина и Бразилия. Но за всю историю ДНЯО обманщиками оказались лишь считанное число госу- дарств (Румыния, Ирак, КНДР, Ливия, вероятно, Иран и Сирия).

По подсчетам Франкфуртского института проблем мира, до вступления ДНЯО в силу в мире было начато 27 военных ядерных программ, прекращено 3. После вступления в действия ДНЯО было начато 9 военных ядерных программ, прекра- щено 23⁹.

Сегодня мы имеем лишь считанных *уклонистов* от режима: Израиль, Индия и Паки- стан, последовательно остающиеся вне ДНЯО и имеющие собственное ядерное оружие, и КНДР — единственное государство в истории договора, в 1993 г. ини-

цировавшее, а в 2003 г. возобновившее процедуру выхода из него и освоившее военную ядерную программу вплоть до проведения испытаний. Иран, из договора не выходявший, *уклонистом*, строго говоря, не является, однако он с середины 1980-х гг. и до 2003 г. осуществлял ограниченную военную ядерную программу под покровом членства в ДНЯО.

По сути уже около двух десятков лет разговоры о ядерном нераспространении кружатся вокруг этого тревожного, но все же ограниченного списка государств. Откройте газеты двадцатилетней давности, посмотрите публикации по распространению: не возникнет ли *дежавю*? Что бы ни утверждали поклонники *принципа домино*, прочих кандидатов в новые ядерные государства не просматривается. Напротив, за последние два десятилетия в ДНЯО пришли два признанных ядерных государства — Франция и КНР, а также Южная Африка, которая добровольно отказалась от собственного ядерного арсенала и уничтожила его. В качестве неядерных государств к Договору присоединились Белоруссия, Казахстан и Украина, на чьих территориях располагалось стратегическое ядерное оружие после распада СССР. В последнем случае безъядерный результат стал плодом трудного компромисса.

Фундаментальные проблемы, рискующие перечеркнуть договор, в обозримой перспективе, возникнут только в том случае, если три его столпа: нераспространение, разоружение и мирное использование атомной энергии, — перестанут восприниматься как равноправные и равновеликие и усилятся попытки сделать один из этих столпов *более равным*, чем прочие.

Выше я уже перечислил те вызовы, которые, не разрушая договор и международный режим ядерного нераспространения, все же способны медленно, но верно подточить его. Попробуем вкратце суммировать этот негативный прогноз.

Во-первых, это провал усилий по формированию климата для создания в дальнейшем на Ближнем Востоке ЗСОМУ. Сначала размывание, а потом и разрушение режима, если начнется, то с Ближнего и Среднего Востока.

Во-вторых, это неспособность развязать иранский ядерный узел, откат назад в переговорах с ним, общее разочарование, в результате которого в отношении Ирана может быть совершен акт агрессии и он, как следствие, выйдет из ДНЯО — договора, который его не защитил. Альтернативным, но также негативным сценарием является политическое решение Ирана о создании ядерного оружия и выходе из ДНЯО, когда все предпосылки для создания такого оружия будут подготовлены.

В-третьих, это провал переговорного процесса с КНДР, что могло бы при определенных обстоятельствах подтолкнуть соседей КНДР по региону — прежде всего Японию — пересмотреть свой ныне непоколебимый неядерный статус.

В-четвертых, это стагнация процесса двустороннего ядерного разоружения между Россией и США и отсутствие какого-либо прогресса по подключению к нему всех государств *ядерной пятерки*.

В-пятых, это саморазрушение Конференции по разоружению в Женеве в силу неспособности начать переговоры по выработке Конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов.

В-шестых, это получение несанкционированного доступа к ядерному оружию или его компонентам со стороны негосударственных субъектов — возможно, через такое государство, как Пакистан, либо иным способом, и его применение.

Ни один элемент этого негативного прогноза в отдельности не способен привести к гибели режима ядерного нераспространения в его нынешнем виде — ни на ОК ДНЯО 2015 г., ни позднее. Однако если будет иметь место сочетание нескольких элементов, для ДНЯО и международного режима ядерного нераспространения в целом наступят действительно суровые времена — времена проверки на выживаемость. 🐼

Примечания

¹ Письмо представителей Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Франции от 1 мая 2000 г. на имя председателя Конференции 2000 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Док. NPT/CONF.2000/21. *Ядерный Контроль*. 2000 (Сентябрь-октябрь). № 5. С. 44–47.

² Поттер У. Конференция по рассмотрению действия ДНЯО: в поисках консенсуса. *Ядерный Контроль*. 2005 (осень). Т. 11, № 3. С. 95. Подробный анализ результатов Конференции см. здесь же на С. 96–103.

³ International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament Report, Eliminating Nuclear Threats: A Practical Agenda for Global Policymakers. 2009.

⁴ UN Security Council Resolution 1887 (2009). <http://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?docid=4abcd4792> (последнее посещение — 10 октября 2014 г.).

⁵ Вступил в силу 5 февраля 2011 г. Подробнее о существовании договора см.: Глава 14.

⁶ Статус этих рекомендаций несколько снижен сноской номер один к Части 1 Заключительного документа, гласящей, что «настоящий обзор подготовлен председателем под свою ответственность и отражает, как он понимает то, что выяснилось на Обзорной конференции в отношении рассматривавшихся вопросов».

⁷ Это число не включает КНДР, хотя документы ОК ДНЯО не исключают ее из списка участников ДНЯО, с пометкой «статус не прояснен». Это число также не включает Тайвань, признаваемый Россией, как и большинством государств мира, в качестве неотъемлемой части КНР. Тайвань подписал ДНЯО 1 июля 1968 г.

⁸ ДНЯО–2010: как упрочить режим. М., ПИР-Центр, 2010. На пути к ядерному разоружению. М., ПИР-Центр, 2014.

⁹ Peace Research Institute Frankfurt, 2008. Цит. По: ДНЯО–2010: как упрочить режим. ПИР-Центр., М., 2010. С. 2.

Екатерина Степанова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ РАДИКАЛЬНО-ИСЛАМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИГИЛ

Статья вторая в серии из двух статей

Подъем *Исламского государства Ирака и Леванта* (ИГИЛ) в ирако-сирийском контексте произошел на фоне общего доминирования ряда организаций радикально-исламистского типа на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее смертоносных вооруженно-террористических группировок в мире, а также спорадических всплесков джихадистского терроризма на Западе. Для феномена ИГИЛ (а до него — для радикально-исламистского фланга вооруженной оппозиции в Сирии) также характерен более активный, чем обычно для конфликтных зон в мусульманском мире, приток иностранных джихадистов как с Ближнего и Среднего Востока, так и из других регионов мира, в том числе из западных стран. Все это многообразие транснационального терроризма радикально-исламистского типа, разные типы и уровни которого отчасти накладываются один на другой, усиливает путаницу в его трактовке и стремление свалить все в одну кучу и стимулирует политический запрос на упрощенные схемы и объяснения. Так, в политико-медийных кругах на Западе и в других регионах мира основным вектором транснационализации современного радикально-исламистского терроризма нередко все еще считается регионализация *Аль-Каиды* по принципу сверху вниз — ее трансформация в несколько крупных и четко структурированных прямых региональных ответвлений.

В данной серии из двух статей эволюция транснационального терроризма исламистского толка рассматривается как более сложная, многообразная и нелинейная. Она вбирает в себя несколько взаимосвязанных, но параллельных и лишь отчасти пересекающихся процессов, причем основными из них на сегодняшний день являются следующие два:

- сетевая фрагментация движения глобального джихада, в том числе и прежде всего в самих странах Запада (подробно рассмотрена в первой статье серии в предыдущем номере *Индекса Безопасности*, № 3, 2014 г.);
- регионализация вооруженного исламизма по принципу *снизу вверх*, а не сверху вниз, в мировых центрах вооруженно-террористической активности в широко интернационализированных конфликтных зонах, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке. Этому процессу, наиболее ярким воплощением которого стал феномен ИГИЛ, посвящена вторая статья, публикуемая ниже.

И
Л
И
З
А
Н
А

ФЕНОМЕН ИГИЛ: ОСОБЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Хотя феномен движения *Исламское государство* (ИС), или *Исламское государство Ирака и Леванта* (ИГИЛ), имеет 10-летнюю предысторию, летом 2014 г. движение совершило свой самый масштабный рывок и перешло в новое качество. Основные силы ИГИЛ перебазировались из Сирии, куда они ранее передислоцировались из Ирака, еще к началу 2014 г., сумев взять под свой контроль оплот иракских суннитов — г. Фаллуджу — в январе 2014 г., а позднее — и провинциальную столицу г. Рамади. Однако главный прорыв пришелся на лето, когда буквально за считанные недели ИГИЛ удалось взять под свой контроль значительную часть Северо-Западного и Северного Ирака. Правительственные силы не смогли сдержать натиск ИГИЛ, которому удалось захватить значительные арсеналы вооружения иракской армии. Стремительное продвижение ИГИЛ вглубь страны сопровождалось многочисленными жертвами как среди комбатантов, так и среди мирного населения (по оценкам ООН, только в июне 2014 г. в ходе вооруженного насилия в Ираке погибло более 2400 человек)¹. Уже 9 июня оппозиционными силами во главе с ИГИЛ был захвачен г. Мосул, а 29 июня группировка официально объявила о создании исламского халифата на подконтрольных ей территориях и провозгласила себя *Исламским государством* (несмотря на этот очередной вариант в бесконечной череде переименований, в статье сохранено название ИГИЛ).

ИГИЛ не только взаимодействует с другими, в том числе неисламистскими, группировками иракской вооруженной оппозиции (и фактически возглавляет их неформальную коалицию), но и продолжает свою вооруженную активность на территории соседней Сирии. В распоряжении ИГИЛ также имеются весьма значительные финансовые ресурсы, гарантирующие его устойчивое самофинансирование (от контрабанды нефти, других видов трансграничной торговли, изъятий финансовых средств и собственности, сбора исламских налогов на подконтрольных территориях и т. д.). Хотя оценки нефтяных и иных доходов ИГИЛ разнятся², они, судя по всему, превосходят доходы, например, афганских талибов от сборов с производства и торговли наркотиками³.

Хотя полной неожиданностью масштабное наступление ИГИЛ 2014 г. могло стать только для неспециалистов, в медийно-политических и околоэкспертных кругах оно породило массу спекуляций относительно как самого феномена ИГИЛ, так и сценариев развития событий внутри и вокруг Ирака (в ирако-сирийском и более широком региональном контексте). Так, феномен ИГИЛ нередко сводят к прямой руке *Аль-Каиды* и инстинктивному проявлению всемирного джихадизма без границ и конкретных интересов и даже без особых причин, кроме общей пассионарности вооруженно-исламистского интернационала и его адептов — боевиков-наемников, бесцельно слоняющихся по миру от одной конфликтной зоны к другой. В оценке возможных путей дальнейшего развития событий доминируют сценарии от крайне пессимистических (полномасштабная война всех против всех, захват Багдада радикальными исламистами и т. д.) до радикально пессимистических, включая полный распад Ирака (и Сирии) и создание отдельного государства Исламский эмират на прилегающих друг к другу частях иракской и сирийской территории.

В этой связи отметим, что, во-первых, ни нынешний виток иракского кризиса, ни сам феномен ИГИЛ (об эволюции которого см. ниже), конечно, не сводятся лишь к проявлениям пассионарного джихадизма и вообще к религиозно-сектарному фактору. При всей важности радикально-исламистской составляющей в активности и подъеме ИГИЛ нынешний кризис стал результатом целого ряда взаимосвязанных факторов. Среди них — тяжелые последствия иностранной интервенции в Ираке, развал, слабая функциональность, низкая легитимность и непредставительный характер государственной власти, маргинализация целых общин и рай-

онов (особенно суннитов в Ираке), развязывание и эскалация вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии, обострение и стимулирование различными политическими силами как вне, так и внутри государственной власти (и как изнутри, так и извне региона) этнических, сектарных и межобщинных противоречий, влияние трансграничных факторов, противоречия между региональными державами, социально-экономические трудности и экономический оппортунизм, прежде всего в сфере теневой экономики, и т. д.

Во-вторых, новое обострение ситуации в Ираке в 2014 г. могло показаться апокалиптическим лишь тем, кто всерьез воспринял создававшуюся правительством США и многими западными СМИ иллюзию умиротворенного Ирака и постепенного налаживания стабильности и функциональной государственной власти в этой стране. Такая картина была необходима администрации Б. Обамы для политико-пропагандистского обеспечения одного из его главных внешнеполитических обещаний — вывода американских войск из Ирака. Однако ее несоответствие действительности было очевидно для любого серьезного наблюдателя задолго до кризиса 2014 г.

Показательно, что насколько сильно военно-политическое руководство США пыталось приукрасить ситуацию в Ираке после вывода американских сил, настолько же летом-осенью 2014 г. оно акцентировало угрозу со стороны ИГИЛ интересам и безопасности США⁴. Официальным ответом на эту угрозу стали ограниченные американские авиаудары по позициям ИГИЛ в Ираке, начавшиеся 8 августа 2014 г. Решение США нанести авиаудары по позициям боевиков, увеличить военную помощь правительственным силам и оказать Ираку гуманитарную помощь также должно было способствовать решению таких задач, как улучшение имиджа администрации Б. Обамы в преддверии промежуточных выборов в Конгресс осенью 2014 г. на фоне череды внешнеполитических провалов путем демонстрации решимости и долговременной стратегии по Ираку (а также, например, могло отчасти способствовать налаживанию отношений с Ираном). Однако ситуацию в самом Ираке ограниченные авиаудары со стороны коалиции во главе с США при участии их западных и арабских союзников вряд ли кардинально улучшат — даже вкупе с растущей военной и финансовой помощью противостоящим ИГИЛ местным силам (курдским отрядам в Ираке и Сирии, силам иракского правительства и других шиитских формирований). ИГИЛ уже в значительной мере удалось адаптироваться к авиаударам со стороны коалиции за счет передислокации в города и другие населенные пункты, сокращения числа масштабных конвоев и других крупных мишеней и т. д.

Несмотря на демонстративное убийство боевиками ИГИЛ нескольких западных заложников, наиболее тяжелые последствия обострившего в 2014 г. иракского кризиса и трансграничного феномена ИГИЛ наряду с Ираком и Сирией как основными странами его базирования затрагивают прежде всего ближневосточный регион. В этом смысле две характерных черты ИГИЛ делают его особенно опасным даже на фоне других транснациональных радикально-исламистских движений в этом и в других регионах.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВАЛЕНТИН СОБОЛЕВ:

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Терроризм требует уступок, требует политических компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только в одном случае: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции с их стороны.

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же.
*Индекс Безопасности, №1 (81),
2007. С. 28.*

Это, во-первых, не ограничено, а *совершенно* трансграничный характер ИГИЛ (в условиях полномасштабных гражданских войн как в Ираке, так и в Сирии), а также его явные амбиции и уже определенный опыт в области «*государственного строительства*» по системе халифат. В подконтрольных районах ИГИЛ удалось жесткими методами наладить базовый «исламский порядок», снизить уровень преступности, стимулировать экономическую активность населения и привлечь часть его на свою сторону, обеспечить сбор налогов и т. п.

Во-вторых, в плане вооруженного потенциала ИГИЛ выделяется даже на фоне 7–8 других наиболее опасных исламистских группировок в разных регионах мира, успешно сочетающих боевой потенциал с террористической деятельностью (от талибов в афганском и пакистанском контекстах до аш-Шабаб в Сомали). ИГИЛ представляет собой *полноценный синтез структуры армейского типа и террористической организации*. Этот гибрид во многом сложился в результате того, что движение объединило в своем составе: а) бывших баасистов, особенно из числа профессиональных офицеров вооруженных сил и спецслужб при С. Хусейне (составляющих военно-командное ядро движения и до трети всех заместителей его лидера Абу Бакра аль-Багдади); б) значительную часть суннитской исламистской оппозиции в Ираке и часть наиболее радикальных исламистов в Сирии и в) приток иностранных джихадистов, склонных к использованию наиболее жестких и экстремальных тактик и форм насилия. В ходе наступлений 2014 г. в Ираке ИГИЛ активно вело прямые военные операции и боевые действия против правительственных сил и других не лояльных радикальным исламистам формирований и группировок. Одновременно значительный опыт ИГИЛ в применении террористических методов (асимметричного насилия, ставящего под удар гражданское население и объекты, но направленного главным образом против государственной власти) наложился на сектарную мотивацию и межобщинную месть, что способствовало росту прямого карательно-репрессивного насилия со стороны ИГИЛ, в том числе в форме массовых экзекуций. Это придало гуманитарной ситуации в регионе особо тяжелый характер и повысило степень угрозы гражданскому населению, включая как шиитов, так и, особенно, несуннитские меньшинства (иракских христиан, курдов-езидов и т. д.).

Тем не менее крайние апокалиптические сценарии в региональном масштабе пока преждевременны. Во-первых, есть объективные пределы установлению контроля ИГИЛ в различных частях Ирака — это горные курдские районы (особенно по мере того, как США и их союзники нарастят прямую военную и гуманитарную помощь курдам), а также населенные шиитами районы, где сильны позиции группировок, поддерживаемых Ираном. По мере продвижения ИГИЛ вглубь Ирака и перехода от захвата к контролю территории и управлению населением в нелояльных несуннитских районах это радикально-исламистское движение начнет буксовать. К тому же могут назреть противоречия внутри оппозиционной коалиции — особенно между более светскими силами (бывшими баасистами) и радикальными исламистами. В Сирии ИГИЛ уже испортило отношения с другими группировками на радикально-джихадистском фланге, включая крупнейшую из них (Джабхат ан-Нусра), вплоть до вооруженных столкновений, что стало одним из импульсов к перебазированию основных сил ИГИЛ на рубеже 2013–2014 гг. обратно в Ирак.

Во-вторых, на уровне региональной конфликтности бытует тенденция сводить все и вся к универсальному противостоянию двух *консолидированных осей* — суннитской (монархии Персидского залива, сирийские и иракские повстанцы и т. п.) и шиитской (Иран, правительство Ирака и иракские шииты, правительство Сирии и сирийские алавиты, ливанское движение Хизбулла). Нередко эта двухосевая схема подается как главная движущая сила и гарантия грядущего переустройства всей государственно-политической системы региона по исключительно сектарным (конфессиональным) линиям. Хотя религиозно-конфессиональная близость

оказывает существенное влияние на политику и взаимодействие соответствующих режимов и группировок, заикленность на некоей четкой структуре сунни-то-шиитского противостояния в регионе *крайне* упрощает ситуацию. Такой подход ведет к автоматической (и неверной) интерпретации религиозной близости как религиозно-политического единства и достаточного условия для перекройки государственно-политической карты региона и в целом утрирует роль сектарного единства в ущерб всем остальным факторам, игнорируя серьезные различия в конкретных национальных, политических, социокультурных и даже внутриконфессиональных контекстах (так, секта алавитов — это довольно условные шииты даже в чисто религиозном смысле).

Например, даже в соседних Ираке и Сирии вооруженные оппозиционные движения суннитов не только крайне внутренне разнородны, но и сильно различаются между собой по происхождению, составу, принадлежности к конфессиональному большинству или меньшинству, опыту участия в государственной власти, основному первоначальному импульсу к переходу к вооруженному насилию (интервенция США и иностранная оккупация в первом случае и противостояние центральной власти и алавитскому меньшинству на исходе и под влиянием *арабской весны* во втором). Важно подчеркнуть, что большинство антиправительственных вооруженных суннитских группировок в Сирии с 2011 г. (например *Армия моджахедов* или *Сирийский исламский фронт*) и значительная часть таких группировок в Ираке с 2004 г. ставят перед собой цели именно на национальном уровне, нацеленные на смену и перераспределение власти и захват территории внутри собственных стран, а отнюдь не на их распад. В отличие от них, движения, которые как раз ставят над- и транснациональные цели в регионе и нацелены на распад существующих государств и создание новых — такие, как ИГИЛ или курдские повстанцы, во-первых, остаются, скорее, исключением, а не правилом, а во-вторых, вообще не обязательно носят религиозно-конфессиональный характер (как в случае с этнополитическими движениями курдских сепаратистов).

То же справедливо и в отношении примеров военно-политического взаимодействия между различными государственными и негосударственными акторами шиитского толка в регионе (в частности поддержки Ираном тех или иных иракских шиитских сил и группировок, сотрудничество между правительством Сирии и руководством Ирака после вывода основных американских сил, но до нынешнего обострения иракского кризиса или, например, участия формирований ливанской Хизбуллы в сирийском конфликте на стороне алавитского режима при поддержке и посредничестве Ирана). Однако даже такое тесное сотрудничество не носит автоматического, постоянного характера гарантированных обязательств, оно основано прежде всего на (меняющихся) политических интересах и нередко диктуется сугубо прагматичными или даже оппортунистическими соображениями. При необходимости и наличии соответствующих государственно-политических интересов такое сотрудничество с легкостью пересекает конфессиональные барьеры и выходит за рамки любых *осей*, как, например, существенная поддержка шиитским Ираном суннитского палестинского движения Хамас.

После всех оговорок есть смысл обратиться а) к некоторым наиболее очевидным предварительным урокам иракского кризиса 2014 г. и б) к эволюции ИГИЛ как вооруженного радикально-исламистского движения и характере его связей с транснациональным исламистским терроризмом.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ

Предварительные уроки нового витка иракского кризиса (и феномена ИГИЛ в расширенном ирако-сирийском ареале) напрямую связаны с его основными

причинами и условиями. Внезапные военные успехи ИГИЛ в Ираке летом 2014 г. на самом деле стали результатом длительного процесса взаимодействия таких факторов, как:

- накопившееся за годы пребывания у власти марионеточного проамериканского шиитского правительства аль-Малики острое недовольство различных сил и группировок иракских суннитов ухудшением их положения, растущей политической и социально-экономической маргинализацией и репрессиями со стороны властей;
- слабая функциональность и низкая легитимность оставленного США Ираку в наследство непопулярного и все более авторитарного иракского режима, который стал все активнее спекулировать на конфессионально-сектарных различиях ради сохранения власти;
- возможность для ИГИЛ как наиболее радикальной части вооруженной суннитской оппозиции в Ираке не просто найти убежище, а обеспечить себе устойчивую вторую зону базирования в условиях гражданской войны в соседней Сирии, а также солидный источник доходов от контрабанды нефти (в том числе при участии самых разнообразных сирийских, курдских, турецких, иорданских и прочих посредников).

Два основных урока, которые уже можно извлечь из ситуации в Ираке, — прежде всего для основных акторов, заинтересованных в урегулировании кризиса, — относятся как собственно к Ираку, так и в полной мере к другому центру современной террористической активности — Афганистану, а в перспективе, возможно, и к Сирии (и могут быть актуальны и для иных, в том числе будущих, очагов конфликтов в этих и в других регионах).

Во-первых, для предотвращения развития событий по иракскому сценарию важнейшим приоритетом в урегулировании ожесточенного конфликта (независимо от степени его интернационализации) в стране, сильно разделенной по политическому, сектарному и/или этническому принципу, является недопущение полного развала государственных институтов, в том числе силового блока. Точно также после окончания или сильного сокращения иностранного (или международного) военного присутствия в конфликтной или условно-постконфликтной зоне, особенно в условиях сохраняющейся вооруженной активности, совершенно *недостаточно просто оставить у власти относительно лояльное правительство и продолжать поддерживать его несмотря ни на что*. Проблему не решат и косметические попытки формальной легитимации такой власти, например, в ходе неоднозначных и неизбежно оспариваемых выборов, какими они только и могут быть в иракском (и афганском) контекстах. Так, успешное переизбрание аль-Малики и его политического блока накануне серии военных провалов под натиском коалиции во главе с ИГИЛ ничего не решило и не могло предотвратить.

Во-вторых, для предотвращения развития таких феноменов, как ИГИЛ, недостаточно самого факта поддержки местной центральной власти со стороны внешних игроков (как бывших интервентов, так и соседних стран, региональных держав и т. д.). *Недостаточно, чтобы местная власть устраивала прежде всего основных внешних игроков* — как в случае с иракским премьером Нури аль-Малики (пользовавшегося поддержкой как США, так и, с определенными оговорками, главного регионального игрока в Ираке — Ирана, но непопулярного в самом Ираке, даже среди партнеров по широкой шиитской коалиции). Важно найти такой вариант, при котором национальная власть при всей ее ограниченной функциональности отражала — как по своему составу, так и по своим действиям — интересы хотя бы основных местных сил, фракций и/или общин независимо от того, будет ли она иметь форму формальной коалиции или неформального раздела власти. Это остро актуально, например, для Афганистана, где с уходом большей части западных сил

США пока сохраняют значительное влияние и растет роль основных региональных игроков (прежде всего Пакистана, Ирана, Китая и Индии). Даже если единственное, что объединяет их всех по афганскому вопросу — это заинтересованность в стабилизации ситуации в этой стране, необходимо признать, что ее невозможно достичь, делая ставку лишь на отдельные фракции, политические силы и общины. Эта задача требует упора на общенациональный уровень, коалиционную политическую систему и поддержку государства в целом.

Своеобразный третий урок можно извлечь из эволюции самого ИГИЛ.

ЭВОЛЮЦИЯ ИГИЛ И ЕГО СВЯЗИ С ТРАНСЦИОНАЛЬНЫМ ИСЛАМИСТСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ

В политико-медийных кругах и среди части экспертов широкого профиля нередко принято упрощенно и некорректно рассматривать ИГИЛ и его предшествующие вариации не столько как самостоятельную организацию, сколько как придаток и прямой филиал *Аль-Каиды*. Эта интерпретация обычно упирает на два момента: а) на предысторию ИГИЛ в Ираке (особенно так называемую Аль-Каиду в Ираке) и б) на широкое присутствие иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ. Этот вопрос необходимо прояснить.

а) То, что сейчас известно как ИГИЛ, а ранее фигурировало как *Исламское государство в Ираке* (а до этого как *Аль-Каида в Ираке*), сформировалось в контексте развернувшегося с конца 2003 г. в Ираке вооруженного противостояния оккупационным силам США и их союзников, став одной из крупнейших иракских повстанческих организаций, в идеологии которой радикальный исламизм сочетался с национально-освободительными мотивами. Иными словами, движение возникло как группировка иракского сопротивления и выросло преимущественно на местной почве, хотя и в результате реакции на внешние факторы и при участии ряда иностранных джихадистов.

Отдельные заявления о поддержке *Аль-Каиды* со стороны первого лидера группировки — весьма противоречивой фигуры Абу Мусаба аз-Заркауи (иорданца со связями в джихадистских кругах, которого многие даже в исламистской среде считали двойным агентом) и особо активное и демонстративное использование ею террористических методов дали США и другим странам-интервентам удобный повод для спекуляций по поводу прямого участия центральной *Аль-Каиды* в иракском конфликте и чуть ли не прямого руководства с ее стороны действиями суннитской части иракской вооруженной оппозиции. Главная цель таких спекуляций состояла в дискредитации вооруженного сопротивления в Ираке путем попыток его отождествления исключительно с *Аль-Каидой* и с терроризмом (хотя оно вело борьбу и другими методами). При этом ссылка на *Аль-Каиду* в названии группировки при Заркауи (*Аль-Каида в Ираке*) не отражала ее реальную суть и состав: ее основными целями на этом этапе были освобождение Ирака и установление там исламского государства вместо западного протектората; подавляющее число боевиков и командно-руководящего состава были иракцами, а доля иностранных боевиков, даже по американским данным, не превышала 4–10%, как и в целом в составе иракского сопротивления⁵. Показательно, что, после того как аз-Заркауи был убит в июне 2006 г., группировка, ставшая к тому времени ядром Совета (шурь) моджахедов — повстанческой коалиции исламистского толка, уже в октябре переименовала себя в Исламское государство в Ираке (ИГИ).

В рамках усиления американского контингента в Ираке с 2007 г. США оказывали поддержку ряду суннитских племен для формирования лояльных группировок с целью противодействия радикально-исламистской оппозиции во главе с ИГИ. Под совместным нажимом со стороны США и лояльных племен, а позднее правитель-

ственных сил Ирака и других шиитских формирований, ИГИ несколько снизило свою активность в Ираке. Через месяц после того, как операция под командованием США при участии иракских сил в апреле 2010 г. нанесла особо сильный удар группировке в Ираке (уничтожив сразу двух ее тогдашних лидеров), новым лидером ИГИ стал ее нынешний руководитель ираец Абу Бакр аль-Багдади, который не был близок аз-Заркауи и по сей день никогда не выезжал за пределы Ирака и Сирии.

Разгоревшийся с 2011 г. в соседней Сирии вооруженный конфликт, по мере эскалации которого исламистское крыло оппозиции становилось все более радикальным, предоставил ИГИ возможность частично перебазироваться в Сирию, реорганизоваться и стать одной из крупнейших группировок на джихадистском фланге. Трансграничный характер ИГИ позволил ей нарастить свой потенциал, в том числе за счет значительных доходов от нефтяной и другой контрабанды, и уже в марте 2013 г. взять провинциальную столицу — сирийский г. Ракка. Вступив в сирийский конфликт на стороне джихадистской части антиправительственных сил, ИГИ впоследствии превратилась в своеобразный противовес другим радикально-исламистским группировкам. После того как в 2013 г. ИГА объявило о создании на его базе Исламского государства Ирака и Леванта (т.е. Сирии, Ливана, исторической Палестины, части Турции и т.п.), оно предприняло усилия по объединению с основной радикально-исламистской группировкой *Джабхат ан-Нусра* во главе с Абу Мухаммадом аль-Джавлани, которые были восприняты как попытка установить контроль над группировкой *ан-Нусра*. Это привело к обострению отношений внутри джихадистского блока в Сирии — конфликту, в котором *Аль-Каида* (т.е. то, что осталось от его центрального ядра) оказалась не на стороне ИГА⁶.

Несмотря на идеологическое влияние со стороны *Аль-Каиды* на ИГИ (как и на ряд других локально-региональных группировок радикально-исламистского типа), отношения между ними были натянутыми еще в годы сопротивления военному присутствию США в Ираке. В Сирии же после начавшихся трений между ИГИЛ и *Джабхат ан-Нусра* идеологический лидер и эмир *Аль-Каиды* А. аз-Завахири стал на сторону последней и выразил свою политическую и религиозно-идеологическую поддержку ее лидеру М. аль-Джавлани. В ответ ИГИЛ возобновило столкновения с членами *аль-Нусры* в Сирии (и, пользуясь обострением отношений между шиитским правительством аль-Малики и иракскими суннитами, перенесло основной центр своей активности обратно в Ирак). В итоге в феврале 2014 г., т.е. еще за месяцы до масштабного военного наступления ИГИЛ на Мосул, аз-Завахири отверг притязания ИГИЛ и откестился от какой-либо аффилиации *Аль-Каиды* с этим движением⁷.

б) Отсутствие благословения со стороны центральной *Аль-Каиды* и ее аффилиация с ИГИЛ совершенно не помешали тысячам иностранных джихадистов (многие из них на тот момент уже воевали на стороне радикально-исламистской части оппозиции в Сирии) примкнуть к хорошо финансируемому и хорошо организованному в военном отношении ИГИЛ. Общую численность, долю и состав иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ в очень подвижном и к тому же трансграничном ирако-сирийском контексте еще предстоит прояснить. Хотя в построении военной структуры ИГИЛ ее лидер аль-Багдади в основном опирается на иракцев, показатели присутствия иностранных джихадистов для ИГИЛ в целом выше, чем для основных радикально-исламистских группировок в Сирии на конец 2013 г. (где тогда уже воевало до 11 тысяч иностранных боевиков — на тот момент больше, чем в любом другом конфликте со времен антисоветского джихада в Афганистане 1980-х гг.)⁸.

Даже на основании уже имеющихся сведений можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, если боевой потенциал и армейская организация ИГИЛ — заслуги в основном бывших иракских баасистов из числа профессиональных воен-

ных, то иностранные джихадисты более заметны на медийно-коммуникационном фронте (как, например, саудовский глава «отдела» ИГИЛ по связям со СМИ), а также играют непропорционально большую роль в особо жестоких и демонстративных актах насилия, в том числе атаках смертников, обезглавливании и т. п.

Во-вторых, хотя среди иностранных боевиков доминируют выходцы с Ближнего и Среднего Востока, вторым крупнейшим сегментом являются джихадисты из западных стран (только в Сирии на начало 2014 г. они уже составляли до четверти всех иностранных боевиков⁹ и, судя по всему, эта пропорция растет). По численности они опережают даже исламистских боевиков из (пост)конфликтных зон в мусульманском мире за пределами Ближнего и Среднего Востока (от сомалийцев до, например, выходцев с территории стран СНГ). Но главное, в силу особенностей сетевой фрагментации «глобального джихада» на Западе (где среди его ячеек доминируют *подчеркнуто глобалистские, универсалистские взгляды и цели*) есть основания полагать, что сегодня именно приток джихадистов из западных стран служит основной связью регионального движения ИГИЛ с движением и повесткой дня глобального джихада. В этом смысле фактор массового притока западных джихадистов играет даже большую роль, чем идеологический символизм исторической *Аль-Каиды* или вооруженный потенциал джихадистов из других горячих точек в исламском мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция движения ИГИЛ служит не столько примером фрагментации центральной *Аль-Каиды* на региональные осколки (по принципу сверху вниз), сколько проявлением отчасти параллельного, отчасти противонаправленного процесса транснационализации и регионализации радикально-исламистской группировки, ранее сосредоточенной на решении задач в более ограниченном локально-региональном контексте (в основном по принципу *снизу вверх*). Эти процессы привели к превращению такой группировки в полноценное трансграничное региональное движение джихадистского типа, в каких-то отношениях даже более радикальное, чем сама *Аль-Каида*. При этом у феномена ИГИЛ есть параллели и в других регионах мира — от движений, которые развивались десятилетиями (например, движение *Джемаа исламийя* в Юго-Восточной Азии) до более недавних, но *потенциально способных развиваться* в том же направлении (например, *Боко Харам* в Нигерии или *аш-Шабаб* в Сомали).

Увлечись попытками вывести любые повстанческо-террористические движения исламистского типа в зонах трансграничных и наиболее интернационализированных конфликтов из уже во многом отжившей свое *Аль-Каиды* образца рубежа веков и привязать их к ней в организационном плане, можно проморгать появление региональных движений типа ИГИЛ, крайне радикальных в плане идеологии и методов. Да, в отличие от *Аль-Каиды* и плодов ее постепенной сетевой фрагментации (множественных ячеек движения глобального джихада, особенно активных в том числе на Западе) ИГИЛ не ставит совсем уж универсалистских, глобальных и абстрактных — и от того полностью утопических — целей. Однако именно то, что радикально-исламистские группировки, подобные ИГИЛ или эволюционирующие в том же направлении, с головой погружены в свой региональный контекст, ставят более конкретные и реальные задачи и не гнушаются попыткой строительства трансграничного исламского государства *здесь и сейчас*, в условиях конкретного региона, делает их не менее, а возможно, и более опасными в политическом и стратегическом плане, а их вооруженную активность — в совокупности не менее, а более смертоносной, чем все теракты, числящиеся непосредственно за *Аль-Каидой*.

Примечания

¹ Crisis Update: Iraq/International Crisis Group. Brussels, 2014, July 1.

² См. Expert Views on Where ISIS Came From and Where It Is Headed/Summary of 16th Strategic Planning and Analysis Seminar «Civil War in Syria: Challenges and Consequences for the Region and Beyond», Geneva Centre for Security Policy (GCSP), 2014, 17 July, <http://www.gcsp.ch/Regional-Development/Programme-News/Expert-views-on-where-ISIS-came-from-and-where-it-is-headed> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

³ 140–170 млн долл. в год. См. Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы: Доклад Российско-американской рабочей группы по афганскому наркотрафику. Нью-Йорк, М., 2014. С. 40, <https://dl.dropboxusercontent.com/u/869038/JTA-russian.pdf> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

⁴ ISIS 'Worse Than Al Qaeda,' Says Top State Department Official//The Daily Beast, 2014, July 24, <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/07/24/isis-worse-than-al-qaeda-says-top-state-department-official.html>; Gertz B. DIA Chief: Al Qaeda Ideology Rapidly Expanding // FreeBeacon.com, 2014, 29 July, <http://freebeacon.com/national-security/dia-chief-al-qaeda-ideology-rapidly-expanding> (последнее посещение — 3 ноября 2014 г.).

⁵ Baker J., Hamilton L. The Iraq Study Group Report. Washington D. C.: Iraq Study Group, 2006.

⁶ Bayoumi A., Harding L. Mapping Iraq's fighting groups // Al-Jazeera, 2014, 27 June;

The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004–2014/National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START) Fact Sheet. June 2014.

⁷ The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL). Op. cit.

⁸ Zelin A.Y., 'Up to 11,000 foreign fighters in Syria; steep rise among Western Europeans', International Centre for the Study of Radicalization (ICSR) Insight. London, 2013, 17 December.

⁹ Ibid.

Юрий Бусурин

ОПЫТ И ПРАКТИКА РОССИИ В ОКАЗАНИИ СОДЕЙСТВИЯ СТРАНАМ-ПАРТНЕРАМ В СОЗДАНИИ ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

По данным МАГАТЭ и Всемирной ядерной ассоциации, в первом десятилетии XXI в. существенно вырос интерес новых стран к развитию ядерно-энергетических программ развития атомной энергетики. После событий на Фукусиме в 2010 г. рост числа стран замедлился, но тем не менее он остается значительным. Примером тому наше сотрудничество по строительству АЭС в Белоруссии, Бангладеш, Турции, Иордании и Вьетнаме, а также планы России по оказанию содействия в развитии атомной энергетики в Армении, Казахстане и в других странах — наших потенциальных партнерах.

Ядерно-энергетическая программа, где строительство АЭС является одним из важных проектов, — серьезное мероприятие, требующее тщательного планирования, старательной подготовки и больших капиталовложений и людских ресурсов. Внедрение ядерно-энергетической программы предполагает как минимум 100-летнее обязательство руководства страны поддерживать устойчивую национальную инфраструктуру на всех этапах жизненного цикла АЭС и ядерного топливного цикла, начиная с проектирования и заканчивая выводом из эксплуатации, начиная с добычи урана, если это входит в национальную программу, и заканчивая окончательным обращением с высокоактивными отходами.

Ядерно-энергетическая программа является серьезным обязательством, требующим пристального внимания при обеспечении ядерной и радиационной безопасности и контроле использования ядерного материала. Это обязательство не только перед гражданами государства, разрабатывающего такую программу, но и перед международным сообществом.

ВАЖНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

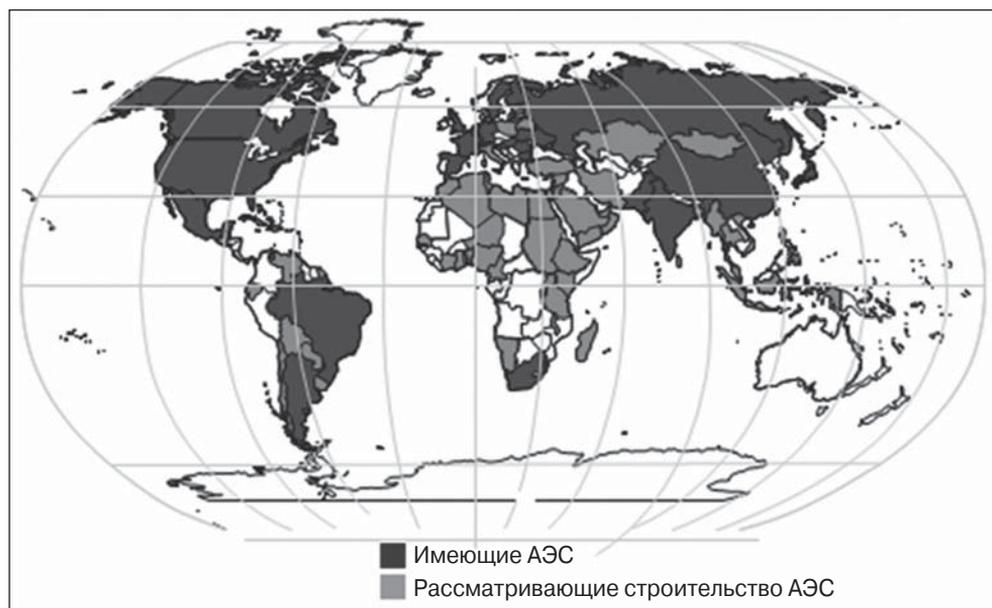
Термин *ядерная инфраструктура* включает все виды деятельности и механизмы, необходимые для создания и функционирования ядерной программы. Лица, принимающие решения, консультанты и управленцы высшего звена в государственных и промышленных организациях, а также в регулирующих органах в странах, создающих или расширяющих ядерно-энергетические программы, должны быть ответственны за создание и эффективное функционирование всех элементов ядерной инфраструктуры. Ядерная инфраструктура управления и регулирования национальной программы атомной энергетики, или кратко ядерная инфраструктура (ЯИ) — это система элементов, требований и условий, обеспечивающая институциональную, государственную, юридическую, регулируемую и надзорную, организационную и управленческую, научную, техническую, финансовую, кадровую, промышленную и общественную поддержку и условия для безопасной и эффективной реализации программы атомной энергетики в течение всего ее жизненного цикла и надежно обеспечивающая высокий уровень ядерной безопасности¹.

Любая гражданская национальная ядерная программа (входящие в программу элементы и их комбинация: добыча и переработка урана; наработка и использование изо-

А
Н
А
Л
И
З

Рисунок 1. Страны, рассматривающие строительство АЭС

Источник: МАГАТЭ, 2014.

топов в промышленности, сельском хозяйстве, медицине; стерилизация излучением; ядерная энергетика и пр.) в силу особенностей воздействия радиации и высокого энергopotенциала источника энергии требует создания специальной системы управления и регулирования такой деятельности. В России имеются две специализированные организации, которые определены законом об использовании атомной энергии (АЭ): *Росатом* и *Ростехнадзор*. Эти организации (в основном *Росатом*, см. экспертную оценку доли той и другой организации) в согласовании с правительством разрабатывают национальную политику, содержание и меры по реализации национальной программы развития АЭ, а также условия регулирования этой деятельности.

Аналогичным образом реализуются программы других стран с ядерно-энергетическими программами. Условием создания национальной ядерной энергетической (ЯЭ) программы страны-новичка является эффективное и своевременное создание системы управления и регулирования — ЯИ. На основе этого опыта МАГАТЭ определило 19 элементов ЯИ для управления и регулирования вновь создаваемых ЯЭ программ в странах-новичках, включая компетенции и технические средства, которые должны быть созданы в них для ответственного (в долгосрочной перспективе), безопасного и эффективного функционирования ЯЭ программ. Говоря о компетенциях в контексте ЯИ, в первую очередь речь идет о компетенциях на уровне управления и регулирования программы в целом, как ответственности государства, в отличие от ответственности страны-поставщика, которая ограничивается ответственностью за реализуемый проект (например, за сооружение АЭС).

Таким образом, национальная ЯИ включает как техническую базу страны-новичка (транспортировка ядерных материалов и их поставка на площадку АЭС, обращение с ядерными отходами, передачу электроэнергии потребителю, системы аварийного реагирования, учета и физической защиты радиоактивных материалов и т.д.), так и нормативно-правовую базу, в рамках которой осуществляется вся необходимая деятельность, а также человеческие и финансовые ресурсы, требующиеся для реализации различных мероприятий.

Решение стран-новичков по развитию ядерно-энергетической программы должно основываться на приверженности использовать ядерную энергию в мирных

целях эффективным и безопасным способом. Это обязательство требует создания устойчивой национальной ЯИ, отвечающей требованиям международно-правовых документов, международным стандартам, правилам и гарантиям ядерной безопасности.

Эта инфраструктура имеет непосредственное отношение и является частью стратегии развития ядерно-энергетической программы страны, не важно, где она будет использоваться: для производства электроэнергии и тепла или опреснения морской воды.

Стратегия строится на долгосрочную перспективу для обеспечения устойчивого развития социально-экономического потенциала страны с учетом энергобаланса и энергоисточников в стране, ее географического расположения, уровня экономического развития, исторических и экономических связей и предпочтений в стране, с учетом неукоснительного соблюдения обязательств в области безопасности, защиты окружающей среды и нераспространения.

РОССИЙСКИЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Еще в 2000 г. на Саммите тысячелетия ООН Россия инициировала Международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (ИНПРО), цели которого:

- ❑ обеспечить доступность ядерной энергетики для внесения вклада в устойчивое достижение цели удовлетворения энергетических потребностей в XXI в.;
- ❑ собрать вместе обладателей и пользователей технологиями с тем, чтобы они могли совместно рассмотреть действия на международном и национальном уровнях, выполнение которых необходимо для обеспечения устойчивости ядерной энергетики за счет инноваций в технологии и/или институциональных договоренностях.

Сегодня по инициативе и с участием России в рамках МАГАТЭ разработаны методологические подходы по оценке стратегий развития атомной энергетики — это деятельность ИНПРО, оценка состояния национальных ЯИ и деятельность по ЯИ МАГАТЭ.

Разработанная в рамках ИНПРО методология используется странами, обладающими атомной энергетикой для построения мировой ядерно-энергетической системы на принципах устойчивого развития, ориентирующейся на замыкание ядерного топливного цикла (ЯТЦ) с быстрыми реакторами, а странами-новичками используется для построения устойчивой национальной ядерно-энергетической системы, ориентирующейся на получение от стран-поставщиков наиболее безопасных и апробированных реакторных систем и наиболее безопасных и экономически привлекательных решений в отношении обращения с отработавшим ядерным топливом и высокоактивными отходами.

Такие системы станут составной частью мировой ядерно-энергетической системы, обеспечивающей глобальную энергетику на сотни, а может быть, и на тысячи лет вперед.

Создание устойчивых национальных ядерно-энергетических систем требует определенных усилий в странах-новичках с точки зрения как планирования будущей системы, ее конфигурации, требуемых людских и финансовых ресурсов, так и создания в стране адекватной выбранной структуре эффективной ЯИ управления и регулирования программой, создания определенной культуры во многих областях, таких как ядерная и физическая безопасность, управление проектом сооружения АЭС, технологическая культура при оценке и выборе проекта сооружаемых ядерных объектов.

Страны-поставщики взяли на себя обязательства оказывать содействие с участием МАГАТЭ странам-новичкам в их становлении грамотными потребителями и создании в этих странах адекватной инфраструктуры управления и регулирова-

Рисунок 2. 5 лет миссии по комплексному рассмотрению ядерной инфраструктуры

1.	Иордания	2009	
2.	Индонезия	2009	
3.	Вьетнам (фаза 1)	2009	
4.	Таиланд	2010	
5.	ОАЭ	2011	
6.	Бангладеш	2011	
7.	Иордания (последующее посещение)	2012	
8.	Белоруссия	2012	
9.	Вьетнам (фаза 2)	2012	
10.	Южная Африка	2013	
11.	Польша	2013	
12.	Турция	2013	
13.	Иордания (фаза 2)	2014	
14.	Нигерия	2014	
15.	Марокко	2014	

 IAEA

Источник: МАГАТЭ, 2014.

ния ядерно-энергетической программы, направленной на безопасное и устойчивое развитие атомной энергетики в этих странах.

Странам-новичкам необходимо предоставить опыт развитых стран по созданию, роли и ответственности владельца и оператора на этапе строительства АЭС, их взаимодействию с государственными органами и общественностью, а также взаимодействию с регулирующими органами страны-заказчика и поставщика и различные модели владения и эксплуатации АЭС на этом этапе, а также пути решения основных проблемных вопросов, связанных с подготовкой необходимых кадров, создание культуры ядерной безопасности и роль владельца в реализации контрактов по закупкам.

С этой целью начиная с 2007 г. при активном участии российской стороны в рамках МАГАТЭ реализовывалась такая программа оказания содействия странам-новичкам в создании и совершенствовании их ЯИ, разработана методология самооценки в стране уровня развития ЯИ в 19 областях, рекомендации по созданию инфраструктуры в области ядерной и физической безопасности, нераспространения, защиты окружающей среды и здоровья человека.

В 2007 г. агентством были выпущены два ключевых документа по ЯИ, которые можно считать, по сути, основополагающими в деятельности МАГАТЭ по данному направлению — «Основные этапы развития национальной ядерной инфраструктуры» (NG-G.3.1), который очерчивал 19 элементов национальной ЯИ, и «Оценка состояния разработки национальной ядерной инфраструктуры» (NG-T-3.2), по методике оценки национальной программы в рамках этих самых элементов.

Основной и общей идеей обеих публикаций можно считать мысль о том, что для развития ЯЭ в стране-новичке правительство несет полную ответственность за создание адекватной ЯИ для восприятия ЯЭ, а страны-поставщики берут на себя ответственность оказывать помощь странам-новичкам (заказчику) в создании национальной компетентного заказчика и инфраструктуры управления и регулирования национальными ядерно-энергетическими программами.

За прошедшее время самооценку состояния национальной ЯИ провели Бангладеш и Белоруссия, проводят Иордания, Вьетнам, Бангладеш, Турция, Польша, ЮАР и другие страны.

По итогам этих оценок, правительство этих стран на основе рекомендаций МАГАТЭ констатирует уровень готовности национальной инфраструктуры и принимает решения в отношении развития определенных элементов ЯИ, обеспечивающих дальнейшего развития атомной энергетики в стране.

Опыт показал несомненную пользу использования методологии МАГАТЭ — ИНПРО и методологии МАГАТЭ для оценки и совершенствования национальных ЯИ.

Очень важно отметить, что Республика Беларусь, принимая решение о развитии атомной энергетики и строительстве АЭС в полном объеме использовала эти возможности и провела соответствующие исследования с применением указанных методологий МАГАТЭ для обоснования развития атомной энергетики в Белоруссии и создания адекватной, необходимой и достаточной национальной ЯИ, совершенствования национального регулирующего органа, организацией по технической поддержке программы развития атомной энергетики.

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ В РАЗВИТИИ ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Наиболее важным аспектом деятельности в сфере ЯИ в стране-новичке является создание культуры ядерной безопасности. В стране-новичке необходимо разработать всеобъемлющую основу безопасности. Рекомендации по разработке такой основы предоставляются в публикации МАГАТЭ «Основопологающие принципы безопасности», в которой содержатся 10 принципов безопасности, отражающих международный консенсус относительно высокого уровня безопасности, требующегося для устойчивого использования ЯЭ.

В частности первый принцип в области ядерной безопасности устанавливает, что главную ответственность за обеспечение безопасности должна нести эксплуатирующая организация. Именно на руководство и администрацию государства — члена и оператора АЭС возлагается ответственность за развитие понимания вопросов безопасности, а также за поощрение и обеспечение культуры безопасности в рамках всей программы.

Помимо ядерной и радиационной безопасности не менее значимы вопросы, связанные с контролем ядерного материала либо с целью обеспечения его сохранности, либо с целью демонстрации того, что все виды деятельности, осуществляемые в каком-либо государстве-члене, не таят в себе риска распространения ядерного оружия и что все материалы учтены и защищены надлежащим образом.

Для этого также требуется развить культуру, разработать систему и принять практические меры, обеспечивающие понимание всеми работниками своих обязанностей и важности своих действий.

Подобное намерение требует создания устойчивой национальной системы органов, обеспечивающей государственную, правовую, нормативную, организационную, технологическую, человеческую и промышленную поддержку ядерной программы в течение всего жизненного цикла.

Демонстрация соблюдения международно-правовых документов, принятых на международном уровне норм ядерной безопасности, правил безопасности и требований по гарантиям имеет важное значение в установлении в стране-новичке ответственной ядерно-энергетической программы (ЯЭП).

Разработка и внедрение соответствующей системы управления, органов управления в поддержку успешного становления ЯЭ и ее безопасного надежного мирного и эффективного применения — вопросы первостепенной важности, особенно для стран, рассматривающих и планирующих сооружение первой АЭС.

Система управления и регулирования с соответствующей технической поддержкой, необходимая для поддержки создания АЭС, охватывает широкий круг эле-

ментов от материально-технической базы и оборудования, связанного с поставкой электроэнергии, транспортировки материалов и сырья на площадку, саму площадку и зоны хранения ОЯТ, до нормативно-правовой и законодательной базы, в рамках которых осуществляется вся необходимая деятельность, а также людские и финансовые ресурсы, необходимые для функционирования всего механизма.

Опыт показал, что временные рамки от первоначального политического решения со стороны государства до начала фактической эксплуатации АЭС вполне могут составлять 10–15 лет, что может стать потенциальным препятствием для начала ЯЭП. Временные рамки могут быть большими, в зависимости от средств, выделяемых в процессе развития.

Для страны с малоразвитой технической базой реализация первого проекта АЭС в среднем занимает около 15 лет. Для страны с сильной технической базой срок может быть сокращен до 10 лет, если иницируются значительные и согласованные усилия для достижения результата в ускоренном порядке. Даже в странах с уже функционирующей ЯЭП может потребоваться около 10 лет для согласования и строительства новой АЭС.

Создание ЯЭП влечет за собой юридические обязательства как на национальном, так и на международном уровнях. Эти обязательства порождают необходимость установления правовых рамок, обеспечивающих основу для создания системы национальной ядерной безопасности и ответственности, системы нераспространения, радиационной защиты и режима охраны окружающей среды для контроля и надзора за установкой, эксплуатацией и выводом из эксплуатации. Владельцы и эксплуатирующие организации ядерных установок несут ответственность за создание и обеспечение безопасности и поддержание культуры безопасности.

Правовая база включает два аспекта: юридические требования, изложенные в ядерном законодательстве, включая нормы и инструкции, а также институциональную инфраструктуру, в том числе регулирующий орган, который должен устанавливать ядерное законодательство и обеспечить его выполнение. Кроме того, нормативное обеспечение требуется для формирования сферы деятельности любого элемента ЯИ.

Наиболее важными международно-правовыми обязательствами для страны с ЯЭП являются обязательства, принятые странами в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия и связанные с ним соглашения о гарантиях и протоколах, региональные договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, международные конвенции, такие как Конвенция о ядерной безопасности, Конвенция о физической защите и ряд других конвенций.

Ответственным за создание национального законодательства, связанного с ЯЭ, является правительство. Создание ядерного законодательства связано с разработкой, подписанием, ратификацией и вступлением в силу международных конвенций, разработкой национальной политики и законов в ядерной области. Правовые рамки состоят из юридических обязательств, которые должны быть выполнены государством: создание ядерного законодательства, присоединение к международным ядерным конвенциям, создание и поддержание соответствующих национальных институтов для реализации этих обязательств.

Государство несет ответственность за создание и поддержание правовых и юридических рамок в соответствии с международными стандартами.

Цель правовых и институциональных рамок — защита физических лиц, их собственности и окружающей среды от вредного воздействия радиации и, таким образом, создание устойчивой ЯЭП.

Общественное принятие ЯЭ должно быть достигнуто путем постоянного информирования общественности обо всех ядерных вопросах путем ее вовлечения в процесс принятия решений в отношении ЯЭП, а также через повышение доверия к регулирующим органам и операторам ядерных объектов, находящихся и строящихся в стране.

История показывает, что потеря доверия и согласия общества может привести к провалу ЯЭП. Таким образом, постоянная поддержка общества, содержащаяся в третьем требовании пользователей, является самым главным для достижения успеха таких программ. Уровень поддержки и согласия общества может воздействовать на политику правительства в отношении ЯЭП. Создание атомных электростанций требует принятия правительством и обществом долгосрочных обязательств, учитывая, что срок службы станции достигает уже 60 лет, а обращение с использованным топливом и радиоактивными отходами требует технологических решений на 100 лет и более.

Таким образом, успешную ЯЭП гарантируют долгосрочные обязательства правительства страны, или, говоря другими словами, правительство должно осознавать и принимать долгосрочные обязательства, вытекающие из решения о строительстве АЭС. Приемлемость обществом какой-либо технологии зависит от осознания обществом риска, связанного с рассматриваемой технологией.

Квалифицированные и обученные кадры также необходимы для успешной реализации, поддержания или улучшения ЯЭП, в первую очередь для оператора ядерных установок, а также всех других организаций, участвующих в ЯЭП, таких как регулирующие органы и предприятия атомной промышленности.

Правительство также имеет ряд национальных институтов, необходимых для реализации конвенций и ядерного законодательства. Примерами таких институтов являются регулирующие органы, ответственные за ядерную и физическую безопасность, создание и функционирование государственной системы учета и контроля ядерных материалов (ГСУ и КЯМ) и т. д.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Для достижения целей снижения необходимых инвестиций в ЯИ в связи с созданием правовых и институциональных рамок, существует много возможностей, которые могут привести к снижению усилий для создания и поддержания в стране юридических и правовых рамок в ядерной области.

Сегодня лицензионные требования отличаются почти во всех странах, имеющих ЯЭП, они требуют лицензирования как в стране-поставщике, так и в стране, желающей использовать новую ядерную установку. Приемлемость ядерной лицензии, выданной стране-поставщику в стране, покупающей ядерную установку, существенно снизит усилия национальных органов регулирования и лицензирования.

Наиболее разумным подходом при создании новой ЯЭП было бы создание инфраструктуры с участием национальной промышленности, начиная с гражданского проектирования и строительства, далее, внедрения в производство и, наконец, более широкое участие в обеспечении поставок.

Другой проблемой является проверка того, насколько планируемые АЭС сочетаются с существующей в стране системой энергосетей. Оптимальный размер и объем установок ЯТЦ может быть определен исходя из экономических, технологических и стратегических соображений, таких как энергетическая безопасность.

Последней проблемой является проверка того, какая техническая поддержка ЯЭП будет оказана в стране и будет ли она предоставляться внешними консультантами и организациями.

Национальная промышленность должна в состоянии поддерживать владельца и оператора ядерной установки в соответствии со своими возможностями. Примерами вовлечения национальной ядерной промышленности могли бы служить случаи изготовления отдельных видов ядерных компонентов и оборудования, участие в такой деятельности, как строительство, обслуживание и ремонт. Все национальные организации должны вносить свой вклад в достижение и создание атмосферы общественного согласия и политической поддержки. Это требует проведения анализа существующих возможностей национальной промышленности для поддержки планируемой ЯЭП и планирования того, в какой степени национальная

промышленность будет в этом участвовать в будущем. Страна, на территории которой строится АЭС, должна быть заинтересована в максимальном вовлечении национальных ресурсов и промышленности в реализацию такой масштабной ЯЭП.

Правительство также несет ответственность за организацию и обеспечение системы перевозок, т. е. за транспортировку крупных и тяжелых компонентов (например, корпуса реакторов и других крупногабаритных элементов реактора и различного оборудования) атомных станций через порты, мосты и по дорогам внутри страны.

Эффективная система образования либо должна уже функционировать, либо ее необходимо создать для подготовки человеческих ресурсов, необходимых для ЯЭП. Такая система должна обеспечивать обучение специалистов на всех трех уровнях: квалифицированных рабочих, техников и профессиональных инженеров и ученых в области ядерной науки и техники. Также важно, чтобы все национальные организации обеспечивали набор, обучение и способность персонала выполнить свои обязательства, связанные с реализацией программы АЭ.

Существует две возможности, которые могут привести к снижению усилий по созданию и поддержанию в стране поддерживающей инфраструктуры.

Первая возможность — это привлечение международных компаний (или институтов) для строительства и эксплуатации национальных ядерных установок. Такие международные компании могут предложить приемлемые контракты на поставку и эксплуатацию ядерных установок, например контракты на условиях «строю–владею–эксплуатирую». В рамках такого типа контракта поставщик отвечает за строительство и эксплуатацию ядерной установки в течение всего срока ее службы.

Вторая возможность, особенно для стран с небольшой ЯЭП, — использование потенциала страны-поставщика в решении всего комплекса проблем ЯТЦ и предоставления услуг в области обогащения, производства ядерного топлива и обращения с радиоактивными отходами, вместо того чтобы у себя в стране создавать установки ЯТЦ, весьма обременительные для страны-новичка как с финансовой точки зрения, так и с точки зрения наличия в стране необходимых человеческих ресурсов, технологий, мест размещения хранилищ, а также обязательств в области нераспространения ядерного оружия.

О ВАЖНОСТИ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ В ЯДЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ

Важность поставленной по ЯИ задачи была однозначно подчеркнута в выступлении генерального директора Госкорпорации *Росатом* С. В. Кириенко в ходе 56-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ: «...постфукусимские реалии предъявляют особые требования поставщику технологий АЭС и задают его особую ответственность. Мы считаем, что сегодня на рынке сооружения АЭС востребовано комплексное предложение, когда поставщик может одновременно предоставить и современный проект АЭС с повышенными параметрами безопасности и надежности, услуги по сопровождению эксплуатации этой станции. Во-вторых, это поставки топлива... В-третьих, возможность локализации производства... В-четвертых, содействие в создании всей необходимой инфраструктуры атомной энергетики — нормативно-правовой базы, системы обращения с ОЯТ и РАО, подготовке квалифицированных специалистов. Наконец мы готовы предлагать финансовые решения»².

В середине 2014 г. руководство Госкорпорации *Росатом* в целях оказания содействия в создании или совершенствовании национальных инфраструктур странам, строящим или планирующим сооружение объектов использования атомной энергии по российским проектам, и минимизации технических, инфраструктурных, финансовых и экономических рисков при строительстве АЭС за рубежом, приняло решение создать в структуре ОАО *Концерн Росэнергоатом* Проектный офис по ЯИ.

Такое решение, как предполагается, будет способствовать наиболее полному и эффективному использованию накопленного в концерне профессионального и технологического потенциала по сооружению и эксплуатации АЭС в России при взаимодействии со странами-партнерами в рассматриваемой области.

В настоящее время разработаны устав проекта, порядок взаимодействия по его реализации, учрежден управляющий совет проекта. *Росатом* работает в тесном взаимодействии с *Ростехнадзором* на основе межведомственного соглашения.

Отсутствие компетенции у страны-партнера в области ЯИ может привести, например к:

- ❑ ошибкам в создании национальной системы управления ЯЭП и квалифицированной организации по технической поддержке ЯЭП;
- ❑ недостаткам в создании и укомплектовании квалифицированным персоналом национального надзорного органа;
- ❑ ошибкам в создании и укомплектовании квалифицированным персоналом национального надзорного органа, подготовке регуляторов и процессов регулирования, основанных на не приемлемой для нас технической базе и задержкам в реализации российских обязательств;
- ❑ отставанию в создании национальной системы и формирований аварийного реагирования, ее неготовности к совместному функционированию с АЭС;
- ❑ разработке системы применения гарантий МАГАТЭ и ее нестыковке с проектными решениями, заложенными в проект АЭС;
- ❑ задержкам в создании системы оповещения об авариях и заключения соглашения с соседними странами о раннем оповещении в случае ядерной аварии, что может привести к международной реакции, влияющей на сроки запуска АЭС.

Сегодня в рамках реализации проекта Госкорпорации *Росатом* по ЯИ планируется создание СРГ с Турцией, Иорданием, Вьетнамом, Шри-Ланкой, Нигерией и другими странами.

На фотографиях представлены участники заседания Совместной рабочей группы по ядерной инфраструктуре (СРГ по ЯИ) с Бангладеш, прошедшего 11–13 ноября 2014 г. в Москве.

В ходе данного мероприятия также был организован технический тур на НВ АЭС, в том числе с посещением строительной площадки 6-го и 7-го блоков, аварийного и кризисного центра, а также в турбинный цех и на блочный щит 5-го блока.

На состоявшемся 15-м заседании Комиссии государств членов СНГ по мирному использованию атомной энергии (Минск, 11–14 ноября 2014 г.) был рассмотрен вопрос о целесообразности создания в рамках комиссии Рабочей группы по ядерной инфраструктуре.

Члены комиссии и специалисты рабочих групп комиссии посетили строящуюся по российскому проекту АЭС-2006 первую в Республике Беларусь АЭС в г. Островец.

В случае проявления заинтересованности стран — участников комиссии основными направлениями деятельности Рабочей группы Комиссии по ядерной инфраструктуре в управлении и регулировании национальных ЯЭП можно задействовать следующие области:

- форум для диалога России со странами СНГ, заинтересованными в развитии атомной энергетики по российским технологиям, для содействия созданию в стране эффективной национальной ЯИ и законодательных условий, способствующих реализации совместных проектов в ядерной области, на пространстве союзных государств (Россия, Белоруссия, Армения и Казахстан);
- определение и заполнение пробелов в развитии ЯИ, необходимой для надежного и безопасного развития ЯЭП в странах СНГ через реализацию совместных проектов;
- обмен лучшим опытом двустороннего сотрудничества и сотрудничества по линии МАГАТЭ по всем элементам ЯИ;
- совершенствование сотрудничества в области ЯИ в рамках двусторонних межправительственных соглашений о сотрудничестве по использованию атомной энергии в мирных целях и соглашений о сооружении АЭС на пространстве стран СНГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание адекватной национальной ЯИ и формирование в стране интеллектуально подготовленной и профессиональной команды специалистов, обладающей культурой в соответствующих технологических областях, даст возможность предотвратить возникновение возможных финансовых, административных, технических, политических, распространческих, экологических и других рисков при планировании и реализации национальных ЯЭП.

Рассматривая всю систему оказания странам-партнерам содействия в области ЯИ, можно говорить о том, что в основе всего процесса создания и развития национальной программы

Строительство, начатое в ноябре 2009 г., находится сегодня на отметке 9,5 м, на первом блоке станции. В ближайшее время планируется монтаж ловушки ядерного топлива в случае расплава активной зоны реактора.

На фото изображена площадка монтажа ловушки реактора первого блока АЭС.

В г. Островце функционирует информационный центр, который посетили уже 7,5 тысячи человек. Россия сегодня активно сотрудничает с Белоруссией по совершенствованию национальной ЯИ на основе самооценки ЯИ и рекомендаций МАГАТЭ по ее совершенствованию. Создана совместная рабочая группа в рамках существующих двусторонних соглашений. Второе заседание этой группы состоялось в Москве 24 ноября 2014 г., в его ходе отработан двусторонний 2–3-летний план сотрудничества по совершенствованию ЯИ Белоруссией.

атомной энергетики лежит подготовка квалифицированного персонала по всем элементам ЯИ.

Организации и предприятия Госкорпорации *Росатом* обладает сегодня уникальным научно-технологическим, человеческим потенциалом и ресурсной базой, способной не только строить АЭС за рубежом, но и выполнять роль ответственного поставщика в оказании содействия стране-партнеру в создании в стране компетентного заказчика, способного обеспечивать безопасное и эффективное развитие национальной атомной энергетики.

Примечания

¹ Определение ЯИ взято из документа «Порядок взаимодействия структурных подразделений и организаций Госкорпорации *Росатом* с МАГАТЭ и другими международными организациями и иностранными государствами в области ЯИ в рамках реализации неинвестиционного проекта «Оказание содействия в создании или совершенствовании национальных инфраструктур атомной энергетики стран, сооружающих или планирующих сооружение объектов использования атомной энергии по российским проектам», утвержденного приказом Госкорпорации *Росатом* от 24.07.2014 № 1/681-П.

² Сергей Кириенко. Обеспечение ядерной безопасности — технически выполнимая задача. Топливо-энергетический комплекс России. 2014. Т. 14. Раздел IV. Отраслевое развитие. С. 215–218.

Дмитрий Евстафьев

О МИФАХ И РЕАЛЬНОСТЯХ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Почти банальностью (впрочем, совершенно справедливой) стало утверждение, что современный мир развивается в условиях неопределенности. Главным признаком этой неопределенности считается нарастающая нетранспарентность политики в сфере безопасности ключевых государств мира. Фактически мир вступил в эру стратегической нетранспарентности и неопределенности, которая прикрывается беспрецедентным нарастанием информационной активности.

Эта неопределенность, однако, не тождественна непредсказуемости, а является во многом следствием той глубокой трансформации, которую переживают современные международные отношения и, как следствие, международная безопасность.

Одним из аспектов этой трансформации является существенное изменение информационного контекста для международной безопасности и в целом для внешней политики. Это, безусловно, связано с наступлением эпохи того, что на профессиональном языке называется *интегрированные коммуникации*. Интегрированные коммуникации — это специфическая система распространения информации, которая, прежде всего, характеризуется неиерархичностью (т. е. относительно слабыми вертикальными связями), преимущественным использованием цифровых носителей информации и наличием инструментов прямого доступа к потребителю информации, а также специфическими технологиями и форматами трансформации информации.

Если посмотреть на глобальную безопасность и международные отношения с точки зрения коммуникационных стереотипов, сравнительно легко можно сделать вывод о кризисе национальной внешней политики как жанра. Мы говорим о сетевой политике, сетевых революциях (правда, почитав начинающие выходить работы участников этих революций, все больше сомневаешься в их именно сетевом характере), *гибридных войнах*, информационной безопасности и т. д. У всех этих понятий есть две общих черты: во-первых, все эти явления, оставляя в стороне вопрос об оправданности терминологии, возникают и существуют на стыке политики и информации, и большой вопрос, чего в них больше. Во-вторых, все эти широко употребляемые понятия толкуются совершенно по-разному, в зависимости от обстоятельств и политической целесообразности. Иными словами, мы зачастую употребляем термины, не до конца понимая, что за ними в действительности стоит, не понимая внутренних законов рассматриваемого явления. Это отчасти объяснимо: мы имеем дело с динамическим феноменом, который развивается практически на наших глазах.

КОНТУРЫ ПРЕДМЕТА

Информационное общество (ИО), особенно в таком сложном контексте, как международная безопасность (МБ), — явление историческое и динамичное. Оно

А
Н
А
Л
И
З

существует *здесь и сейчас* и постоянно наполнено различными противоречиями, но самое главное — проявления ИО всегда зависят от конкретной страны и от конкретного исторического этапа, который эта страна переживает. ИО свойственен дуализм: с одной стороны, ИО является глобальным и в определенной, значительной, мере наднациональным феноменом, но с другой стороны, ИО оказывает влияние на международную политику и МБ через конкретные страны. И на сегодняшний день развитие ИО в международном контексте происходит именно через это диалектическое противоречие.

Когда мы говорим об ИО в контексте международных отношений и МБ, мы прежде всего подразумеваем следующие аспекты внедрения в общественную жизнь новых информационных технологий:

Информационные. Этот аспект связан с существенным расширением формальной и фактической доступности информации по вопросам внешней политики. Речь идет о существенном повышении открытости внешней политики как для партнеров той или иной страны, так и для простых граждан. Однако было бы крайне ошибочно сводить информационный аспект лишь к возникновению новых, более эффективных способов объяснения внешней политики. Речь идет о возникновении вокруг каждого конкретного человека принципиально иной информационной среды.

Социальные. Создание возможностей потенциального влияния общества на внешнеполитические решения государства. Фактически в данном случае мы имеем дело с предполагаемым эффектом вовлечения во внешнеполитические процессы значительных масс людей, ранее совершенно отделенных от этой сферы социальными, образовательными и политическими барьерами. Проблема в том, что возможности влияния создаются в информационном пространстве, а реализуются в пространстве политического действия, а барьер между ними не снят, если не сказать, что он еще более укрепился.

Экономические. Конечно, информационные технологии продолжают оставаться, скорее, инструментом обеспечения функционирования экономики. Однако уже можно говорить о появлении производственных циклов, в рамках которых информационное пространство становится местом генерирования добавленной стоимости. А главное, возникают пока еще не значительные количественно, но уже влиятельные социально и политически группы лиц, которые рассматривают информационное пространство как производственную площадку для себя.

Управленческие. В данном случае мы имеем дело с изменением способов, прежде всего технологий и каналов управления в сфере внешней политики и МБ. Наиболее значимой проблемой становится асимметрия управленческих каналов в государствах, находящихся на разных стадиях интегрированности в ИО, что в ряде случаев рассматривают в качестве элемента непредсказуемости. В любом случае открытым вопросом является то, насколько традиционные институты власти национальных государств могут быть в принципе адекватны при дальнейшем развитии ИО на базе интегрированных коммуникаций.

Технологические. Возможность использования в сфере МБ технологий, которые нам предоставляет современная *цифровая* реальность и которые составляют, будучи интегрированными, ИО. Прежде всего речь идет о технологиях коммуникаций, упомянутых выше управленческих технологиях и технологиях цифрового моделирования (процессов, предметов пространств и пр.). Очевидно, данный аспект действительно пользуется значительным *спросом*, однако в реальности влияние данного аспекта на МБ не столь велика, тем более что именно этот аспект ИО апробировался в сфере международной безопасности уже давно, с конца 1980-х гг.

Цивилизационные. Говоря о цивилизационном влиянии ИО, мы прежде всего говорим о дальнейшем развитии эффекта *глобальной деревни* в различных ее региональных и социальных вариантах. Эффекта, который в значительной мере изменяет восприятие внешнеполитических процессов обществом, а значит, и их

статус. Отношение к ИО стало одним из важнейших глобальных идентификаторов, свидетельством принадлежности к *цивилизованному миру*, что неизбежно отражается во внешней политике государств.

Институциональные. В ряде случаев ИО начинает перерастать рамки просто технологий коммуникаций и общественного явления и становится институтом общества, а также платформой для выработки и принятия решений в сфере политики. Проблематику МБ этот процесс пока затрагивает в меньшей степени, однако тенденция налицо. Ни один из имеющихся институтов мировой стабильности и большая часть институтов мировой политики не адаптированы к тем парадигмам, которые предлагает нам ИО. Мы, однако, не всегда задумываемся над тем, как будут функционировать традиционные институты мировой политики в условиях современного информационного общества и глобальной виртуализации.

МИФЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Существуют и весьма специфические мифы, связанные с ролью ИО в современной мировой политике. Они не просто искажают картину происходящего, но и стратегически опасны, поскольку вводят нас в абсолютно не корректную парадигму восприятия внешнеполитических процессов и процессов в сфере МБ.

Миф 1. Современное информационное общество является продолжением и творческим развитием тех идей, которые были заложены в 1960–1970-х гг. Идеи ИО 1970-х и даже 1980-х гг. были ориентированы на повышение эффективности экономики за счет внедрения новых управленческих технологий. Современное ИО преимущественно ориентировано на расширение доступа к информации или, что чаще, имитацию оно, а также на существенное изменение характера персонального и группового потребления. Изначально ИО рассматривалось как вспомогательный элемент в экономике и социальной жизни, но никак не как самостоятельная сфера политики и тем более экономики. Современное ИО все меньше и меньше имеет отношение и к сфере производства, и к сфере управления. Его влияние становится все более и более вторичным по сравнению с влиянием ИО на социальные процессы и институты, а также на сферу и модель потребления. Это имеет прямое отношение к развитию потенциала влияния ИО в сфере международной безопасности.

Миф 2. Развитие информационного общества привело к существенному ускорению развития международных процессов. Действительно, скорость распространения информации существенно увеличилась, более того, мы с уверенностью можем говорить о возникновении эффекта *реального времени* в мировых внешнеполитических процессах. Однако механизм выработки внешнеполитических и тем более военно-политических решений остался по сути прежним. Возможно, несколько расширились возможности и усовершенствовались технологии его экспертного обеспечения, но никак не сам процесс принятия решений. Показателем этого является хотя бы то, что институциональность во внешней и в военной политике в ключевых государствах осталась неизменной с 1970-х гг. Россия является исключением. Однако это связано не с развитием ИО, а с известными политическими трансформациями.

Миф 3. Развитие информационного общества привело к вовлечению в международные процессы большого числа людей, превратив дипломатию из элитарного в народное явление. Этот миф в целом основан на преувеличении эффекта *вовлечения общественности* в решение глобальных проблем, создании бесспорно ложного эффекта *сопричастности*. Риску предположить, что виртуализация общественной жизни, а с ней и виртуализация деятельности многих структур гражданского общества, участвовавших во внешнеполитических процессах (например, в таком явлении как *народная дипломатия*) привели к вытеснению деятельности таких структур из сферы общественного действия в сферу информации. Иначе

говоря, возможности влияния общества на внешнеполитические решения и решения в области МБ сократились, хотя иллюзия вовлеченности широких масс общества действительно присутствует.

Миф 4. Развитие информационного общества и делает внешнюю политику более открытой, честной. Механизм принятия решений во внешней политике и тем более в сфере МБ продолжает оставаться одним из наиболее закрытых институтов. Реальная внешняя политика, а тем более политика в области безопасности ключевых государств в последние годы стала *исключительно нетранспарентна*, более того, беспрецедентно не транспарентна даже по сравнению с периодом *холодной войны*, когда публичные документы в той или иной степени, а чаще в значительной степени действительности отражали государственные приоритеты. Это нарастание закрытости, к слову, и породило системный ренессанс (фактически впервые с 1980-х гг.) различных конспирологических концепций. А *верхушка айсберга* политического планирования как была крайне незначительной, так и осталась.

Миф 5. Обсуждение внешнеполитических и военно-политических приоритетов проходит теперь более открыто и на более высоком экспертном уровне. Мы можем говорить лишь о том, что расширились возможности обсуждения внешней политики и МБ, но, как правило, на остающейся незначительной фактологической базе и с сомнительным уровнем влияния. Но главное в другом: обсуждение внешнеполитических проблем ведется не на базе фактов, которые во многом остаются закрытыми, а на базе оценок, соответствие которых реальности зачастую сомнительно. В результате происходит размывание качества экспертизы в вопросах МБ, что не могло не сказаться на общем снижении востребованности экспертного сообщества в реальном политическом планировании. Интеграция бытовых коммуникационных технологий в сферу государственной политики, которую было бы более правильно назвать *твиттеризацией* (которая, по сути, есть медийная, публичная реализация клиповости общественного сознания) не создает эффекта открытости. Однако нельзя не отметить того обстоятельства, что *твиттеризация* существенно расширяет *пределы дозволенного* в коммуникациях государства, однако ставит на повестку дня вопрос о новом уровне ответственности в государственных коммуникациях. Последний феномен применительно к новым условиям интегрированных коммуникаций представляется исключительно важным и не до конца осмысленным, ни юридически (что понятно, в силу относительной молодости самого явления), ни операционно.

Таким образом, ИО реализовало достаточно широко свой потенциал *количества*, однако он не перерос и, вероятно, уже не сможет перерасти ни в какое новое *качество*.

РИСКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: УГЛУБЛЯЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Теперь о рисках, которые возникают в результате развития ИО *вокруг, по периметру* вопросов МБ.

Первый: риск расширения операционной свободы радикальных и террористических группировок Данный риск относительно хорошо изучен и описан. Характер информационных платформ в системе интегрированных коммуникаций существенно облегчает доступ к глобальному информационному пространству радикальных организаций. Дело в данном случае не только в отсутствии ограничений в доступе к каналам коммуникаций. И в прежние годы террористические группировки сравнительно легко получали доступ к электронным и, тем более, к печатным СМИ. Речь идет о получении радикалами практически неограниченного доступа непосредственно к *конечным* потребителям их информации, причем доступа практически немодерируемого. Ведь помимо появления возможностей неограниченного тиражирования радикальной информации это дает возможность использовать технологический и общественный потенциал ИО как организационный инструмент. Тем не менее риску высказать несколько иную

точку зрения: при всей той, как правило, деструктивной роли, которую играют интегрированные коммуникации, вовлечение в террористическую активность и на уровне отдельных личностей, и на групповом уровне в большей части носит очный характер. В основном это происходит через определенные структуры, которые *вписаны* в гражданское общество той или иной страны. Более того, налицо стремление именно к общественной, если хотите, публичной легализации радикальных организаций, как это происходит в Великобритании, Франции, отчасти в Германии. Случаи полного *интернет-вовлечения* в терроризм, конечно, не являются уникальными, но говорить о них как о господствующем направлении было бы пока преждевременно. Интегрированные коммуникации в данной области инструментов пока являются базовой питательной средой, а не причиной и не ключевым фактором развития.

Второй: риск снижения информационной ответственности. Цена слова во внешней политике снижается драматически. Этот вопрос был уже затронут, когда мы говорили о твиттеризации коммуникаций, в том числе с точки зрения твиттеризации коммуникаций со стороны государства. Этот риск касается не только отдельных политиков, но и государств в целом: понятие *официальная информация* практически полностью потеряло понятный нам всем, практически сакральный смысл, которым оно обладало ранее. Причем если раньше мы наблюдали только размывание форматов официальных коммуникаций, то теперь речь идет о снятии целого ряда ограничений и с точки зрения содержания коммуникаций. Это не случайно: на сферу внешней политики оказались распространены те особенности и стереотипы, которые в принципе являются основой глобальной системы интегрированных коммуникаций. Конечно, целый ряд ситуаций во внешнеполитической сфере, связанных с *украинским кризисом*, следует отнести к *тестам овертона*, но в целом следует признать, что никогда раньше государственная пропаганда какой-либо страны в мирное время не допускала такого количества информационных фейков. Причем фейков, которые были бы способны существенно обострить ситуацию. Сфера МБ как требующая большей государственной ответственности пока остается вне зоны влияния этих стереотипов, но надолго ли?

Третий: риск превышения манипулятивного порога. Технологии интегрированных коммуникаций наиболее эффективны с точки зрения манипуляций не только информацией, но и общественным мнением, они не требуют дополнительных доказательств, что и ведет к существенному возрастанию риска *избыточной реакции на внешнеполитическую диффамацию*. Такой фактор, как недопустимость *потери лица*, еще никто не отменял. Обратимся не столько к ходу *украинского кризиса*, сколько к ситуации на Дальнем Востоке: многие политические действия как раз и направлены на то, чтобы спровоцировать у оппонента ощущение *потери лица*. В этом плане в последние несколько лет мы наблюдали целый ряд априори рискованных в политическом плане информационных действий, которые могли бы привести к серьезной дестабилизации обстановки даже в военном плане. Современное развитие ИО во внешнеполитическом контексте создает такие манипулятивные возможности, при которых политический лидер независимо от его личных качеств может быть поставлен перед лицом угрозы дискредитации, степень которой может быть сочтена достаточной для перехода к силовым действиям. Причем с учетом особенностей современного мира международные институты уже не будут играть сдерживающую роль в том масштабе, как это было еще полтора десятилетия назад.

Четвертый: риск виртуализации внешней политики. Развитие ИО в том формате и с теми параметрами, как мы это наблюдаем в настоящее время, порождает навязчивое ощущение неограниченных возможностей внешнеполитической пропаганды, которую стали стыдливо называть *страновым брендингом* или, что более цинично, но верно, *внешнеполитическим пиаром*. Риск в данном случае состоит в том, что внешняя политика подменяется набором информационных действий, которые могут и не быть связаны с реальными изменениями и не отражать реальное состояние дел. Но ведь в мире остается достаточно значимых игроков —

включая те же террористические и радикальные организации — которые реализуют свой потенциал не столько в информационном пространстве, хотя и его они вполне освоили, сколько в пространстве практического действия. Результат столкновения виртуальной и практической политики сравнительно легко предугадать.

Пятый: риск формирования фейкового политического пространства. Его масштабы и потенциал, особенно выявившиеся в ходе конфликта на Украине, поражают и, если честно, вызывают большие опасения. Это уже не просто вброс в реальную действительность некоторого количества фейков и дезинформации в классической форме, это формирование полноценных *параллельных информационных вселенных*, которые, как выяснилось, могут существовать достаточно длительное время. Главное отличие *гибридных войн* от классических конфликтов *низкой интенсивности* прежде всего в том, что в гибридных войнах применение военной силы невозможно вне информационного контекста, фейковой реальности, более того, реальная ситуация в конфликте вторична по отношению к информационной картине. В действительности риск не столь велик, пока политические процессы управляются людьми, которые знают, *как оно есть на самом деле*. Однако это означает, что в сфере международной безопасности и глобальной политики развитие информационного общества и информационных технологий всегда будут ограничены сферой реальной политики и реального принятия решений. Иными словами, ИО, вероятно, никогда не будет — вернее, не должно — допущено в сферу реальной политики, особенно связанной с применением военной силы. Однако мы уже наблюдали в последнее время целый ряд попыток вплотную подойти к *черте принятия решения* в военно-политической сфере именно на основании фейковой информации. И можно не сомневаться, что такие попытки будут продолжены.

Шестой: риск возникновения фантомных приоритетов. И тут следует вновь вернуться к тому, чем является информационное общество и какую практическую роль оно играет. В последние 10 лет оформилась некая самоцельность развития ИО. В результате ресурсы, которые могли бы расходоваться на практическое развитие, прежде всего на социальное и технологическое, виртуализируются, причем без возможности их девиртуализировать. Развитие ИО в глобальном масштабе существенно способствовало глобальному замедлению социально-экономического развития. Поэтому, хотя в тактическом плане этот риск можно считать самым безвредным, стратегически именно он несет для человечества наибольшую опасность, ибо он подменяет развитие, если хотите *прогресс*, в технологическом, да и в социальном смысле этого слова коммуникациями по поводу прогресса и спором о дефинициях. И это также один из важнейших аспектов, порожденных системой интегрированных коммуникаций, где форма существенно важнее содержания.

Если же посмотреть на все эти риски под углом изменения ситуации в мировой политике, становится предельно очевидно, что рассмотренные выше риски фокусируются на одном главном аспекте: они существенно увеличивают тот градус глобальной неопределенности, с разговора о котором мы начали этот материал. Стратегическая неопределенность, нарастание недоверия между ключевыми странами, отсутствие внятной публично декларируемой долгосрочной политики существенно усилили этот эффект. Пока мы его ощущаем только на уровне текущей политики, но уже совсем скоро, вероятно, он начнет воздействовать и на среднесрочные приоритеты развития. 🤖

ОБЩАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ РОССИИ И АСЕАН
В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ, УКРЕПЛЕНИЕ
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Год спустя после прошедшего в 2013 г. во Владивостоке саммита АТЭС регион Юго-Восточной Азии сохраняет и усиливает свою привлекательность для России в плане перспективной площадки для наращивания торговых и экономических связей. В то же время на фоне обострения противоречий с Западом и продолжающегося процесса становления новых мировых центров сил региональные форматы на юго-востоке азиатского континента и прежде всего АСЕАН становятся для Москвы все более значимыми партнерами по внешнеполитическому диалогу. Причем речь в рамках такого диалога идет о широком спектре вопросов, включая проблемы региональной и глобальной безопасности. Какие проблемы находятся на пересечении этих плоскостей сотрудничества, двух *широких корзин*?

Проработка этого вопроса привела сотрудников ПИР-Центра и приглашенных российских экспертов к выводу о том, что одним из наиболее востребованных и перспективных, но в то же время сложных и высококонкурентных направлений взаимодействия является сотрудничество России и стран АСЕАН в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По инициативе ПИР-Центра представители государства, бизнеса, научно-го и технического сообщества попытались ответить на вопрос о том, какие совместные интересы объединяют Россию и АСЕАН в укреплении глобальной безопасности в киберпространстве, а также оценить потенциал Юго-Восточной Азии как рынка сбыта российских средств защиты информации, производственной площадки программно-аппаратной продукции российских компаний¹. Также в фокусе дискуссии оказался вопрос о целесообразности перенятия РФ опыта стран АСЕАН по созданию эффективно работающей системы Центров реагирования на киберинциденты (CERTs) и борьбы с киберпреступностью с использованием ресурсов частных компаний.

В организованных ПИР-Центром дискуссиях и экспертных мероприятиях приняли участие ведущие российские специалисты в сфере информационной безопасности, в том числе третий секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД РФ Борис Васильев, заместитель руководителя отдела реагирования на компьютерные инциденты GROUP-IB Александр Калинин, консультант по информационной безопасности Cisco Systems Алексей Лукацкий, председатель Совета Координационного центра национальных доменов .RU/.RF Михаил Медриш, президент ПИР-Центра Владимир Орлов, исполнительный директор Делового совета Россия-АСЕАН при Торгово-промышленной палате РФ Виктор Тарусин, председатель Совета ПИР-Центра Михаил Якушев, руководитель стратегических проектов ЗАО Лаборатория Касперского Андрей Ярных.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ ОБЩЕЙ УГРОЗОЙ: КИБЕРАТАКИ И ТРАНСГРАНИЧНАЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ РОССИИ И АСЕАН

ЯРНЫХ: Хотел бы затронуть проблематику кибервойн и современных киберугроз, прежде всего применительно к региону АСЕАН.

Сначала небольшой исторический экскурс. В 1994 г. специалистами *Лаборатории Касперского* в среднем выявлялся один вирус в час, и в то время мы обходились без сложной машинной аналитики и обработки данных о вредоносных программах. В 2006 г. новые вирусы выявлялись уже каждую минуту — потребовалась автоматизация аналитики, начали бороться с вирусами с помощью программ-роботов. 2011 г. новые образцы вредоносного кода регистрировались нашими специалистами ежесекундно. При таких показателях даже автоматизированная аналитика не справляется, и анализ осуществляется за счет выведения определенных *поведенческих алгоритмов* — мы смотрим на то, как компьютер *ведет себя*. Статистика 2013 г. подтверждает, что тенденции к принципиальному улучшению нет.

Хотелось бы привести основанные на мониторинге данные *Лаборатории Касперского* по наибольшему риску заражения устройств в Интернете с учетом региональной специфики. У нас есть специальная сеть — *Касперский Security Net*, и каждому пользователю, использующему нашу антивирусную защиту, мы предлагаем защиту *из облака*, с предоставлением анонимной, персонифицированной информации о том, какие инциденты произошли на том или ином рабочем устройстве. Согласно полученным таким образом данным, Россия оказалась на первом месте по уязвимости в Интернете.

Порядка 49 установленных копий наших продуктов подавали информацию о случаях атак через Интернет. В выборке топ-20 стран по абсолютным цифрам, характеризующим Интернет-угрозы, представлены многие государств АСЕАН, включая Таиланд и Шри-Ланку. С ними по уровню и объему выявленных угроз соседствуют страны СНГ. Что касается рисков локального заражения, показано присутствие вредоносного кода на компьютере, а не в сети Интернет. Здесь ситуация немного другая. Высокий уровень рисков сохраняется во Вьетнаме, Непале, Бангладеш и Индии. Индия вообще находится на пике по числу и интенсивности крупномасштабных кибератак. Во Вьетнаме в 2013 г. около 61% всех персональных компьютеров содержали вредоносный код или же в течение года были заражены вирусами, распространяющимися не через Интернет, а через флешки и иные съемные носители.

В неофициальной классификации *Лаборатории Касперского* все угрозы, связанные с вредоносным кодом в Интернете, можно отобразить в виде пирамиды, или иерархии. В основании такой пирамиды находится традиционная киберпреступность, которая является основой криминала в Сети. Дальнейшее эволюционное развитие этого инструментария идет через целевые атаки, когда не преследуется цель заразить все подряд устройства, а вместо этого атакуются нужные компьютеры, содержащие банковские, финансовые и иные чувствительные виды данных. Вершиной эволюции вредоносного кода является кибероружие, и мы уже уверенно прибегаем к использованию этого термина для классификации некоторых программ, поскольку именно такое описание отражает их функционал. Ни для чего другого, кроме избирательного и изолированного поражения систем, они не предназначены. Их функции включают крайне продвинутый киберсаботаж и кибершпионаж, в последнем случае программа не просто похищает банковскую информацию, а целенаправленно ищет информацию, к примеру, составляющую коммерческую или государственную тайну. Также к классу кибероружия мы относим программы-разрушители, нацеленные на деструктивные действия против объектов критически важной инфраструктуры. Примерами таких программ в последние годы стали широко известные вирусы *Flame*, *DuQu*, *Gauss* и, конечно, *Stuxnet*, первый в истории образец вредоносного кода, классифицированный международным экспертным сообществом как кибероружие.

В частности, для региона АСЕАН актуален вирус *Net Traveller*, который в 2013 г. атаковал фактически весь мир. В первоочередную зону риска атаки данным вредоносным программным обеспечением попадают и дипломаты. В функционале этого вируса явно прослеживается нацеленность на компрометацию дипломатических данных, служебной переписки и других видов конфиденциальной служебной информации. Присутствие продвинутого вредоносного кода имело место в Таиланде, Гонконге, Камбодже и в Малайзии — фактически во всех ключевых странах региона.

Наибольшее количество продвинутых киберугроз навлекла на себя Индия, где спектр интересов злоумышленников вобрал фактически все критические сегменты, начиная от аэрокосмической и военной отраслей до дипломатических и управленческих структур. Россия и Китай находятся в сходной ситуации. На территории России и Китая специалисты *Лаборатории Касперского* находили вредоносный код под названием *Red October*, который был четко нацелен на шпионаж за дипломатическим корпусом — именно компьютеры работников внешнеполитических структур стали мишенями *Красного Октября*.

В процентном распределении существенная доля атак приходится на дипломатические ведомства и структуры; около 15% составляют правительственные органы. Значительная доля целей также относилась к сотрудникам и структурам военной отрасли. В деятельности этой сети четко идентифицируется мотив стратегического кибершпионажа, имеющий мало общего с мотивами криминального обогащения. Эпизод с *Red October* иллюстрирует тревожную и устойчивую тенденцию, с которой мы столкнулись в 2013 г. и которая актуальна по сей день — растущий размах кибератак и кибершпионажа в стратегических и политически мотивированных целях.

Хочу подчеркнуть, что подобные тенденции опасны и неприемлемы. Кибероружие должно быть запрещено для использования в сети Интернет, в противном случае все наши сети и устройства станут *питательной средой* для его дальнейшего развития и распространения. Хотелось бы закончить на оптимистической ноте и надеяться, что сегодняшнее обсуждение и другие встречи внесут вклад в эту борьбу с деструктивным потенциалом в Сети.

КАЛИНИН: Добавлю к выступлению Андрея Ярных видение того спектра киберугроз в регионе АСЕАН, с которым сталкивается *Group-IB* в рамках собственного сегмента деятельности — сегмента реагирования на киберинциденты. С 2011 г. *Group-IB* выпускает ежегодный отчет по ущербу мировой экономики от действий киберпреступников, и каждый год итоговая цифра растет. Если в 2010 г. она составляла 7 млрд долл. США, то в 2012 г. — уже 18 млрд долл. США. Значительная часть данной суммы генерируется за счет действий, так или иначе затрагивающих Россию и в не менее серьезной степени страны ЮВА.

Помимо физических лиц, в странах АСЕАН происходят атаки и на корпорации. Даже узкий список наиболее критичных и серьезных атак включает Малайзию, Таиланд, Филиппины — в общей сложности не менее половины стран АСЕАН. Такие инциденты, как исполнение вредоносного кода на серверах компании или сканирование корпоративной сети, происходят на постоянной, системной основе, и с целью их предотвращения мы взаимодействуем с десятками стран. Как правило, представители компаний и государственных органов, подвергающихся атакам, активно интересуются тем, что происходит, регулярно направляют отчеты о предпринятых ими мерах обеспечения безопасности, блокировке вредоносных ресурсов или применению санкций в отношении субъектов, которые осуществляли данные атаки.

Приведу пример из нашей практики. Одним из громких дел с участием *Group-IB* стало пресечение деятельности группировки киберпреступников, которая создавала и распространяла связки эксплойтов, использовавшие уязвимости в веб-браузерах, в том числе *уязвимости нулевого дня*, не обнаруженные и не применяв-

шиеся ранее никем. Задержание группы, в которой состояло порядка 13 человек, было проведено в ноябре 2013 г. Решение суда по этому делу еще не вынесено, но членам группы грозит от 5 до 10 лет лишения свободы. Следует учесть, что за время своей деятельности они успели нанести ущерб на сумму около 70 млн рублей — и это с учетом только тех эпизодов, которые известны следствию и по которым собраны доказательства. Важно, что поимка киберпреступников была бы невозможна без помощи коллег из региона АСЕАН, в том числе профильных структур Малайзии. И это неслучайно: если взглянуть на панель управления эксплойтами, которые распространяла эта киберкриминальная группа, география их распространения охватывает многие страны АСЕАН. В связи с этим *Group-IB* была оказана большая поддержка: по нашему запросу были раскрыты данные о регистрации ресурсов для осуществления мошеннических действий, об источниках и целях атак и другие данные, которые смогли вывести нас непосредственно на создателей этих эксплойтов.

Я, как и Андрей Ярных, предпочту закончить на оптимистической ноте и подчеркнуть, что, несмотря на постоянное расширение предложения и рост объемов рынка компьютерной преступности на глобальном и региональном уровнях, параллельно расширяются возможности взаимодействия России и других форматов, включая АСЕАН, по эффективному противодействию этим угрозам. Но, конечно, очень многое еще только предстоит сделать.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И АСЕАН: ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КИБЕРВОЙН, ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

ОРЛОВ: Тема нашей дискуссии складывается из двух составляющих: общих для России и государств АСЕАН угроз в киберпространстве и совместных перспектив, позитива и негатива. Предыдущие докладчики достаточно подробно осветили спектр угроз, которые в равной степени затрагивают Россию и регион Юго-Восточной Азии. Однако, помимо киберпреступности, кибершпионажа и кибертерроризма нельзя не упомянуть и другие угрозы, например, военно-политические. Кроме того, страны региона не могут оставаться в стороне от вызовов в сфере глобального управления Интернетом, связанных с защитой права на тайну частной жизни в сети и программ глобального электронного слежения.

Нужно подчеркнуть, когда мы говорим о сотрудничестве России и государств АСЕАН в сфере информационной безопасности, мы ни в коем случае не говорим о его наработке с нуля. Сейчас есть все основания говорить об интенсивном и динамичном взаимодействии в рамках АСЕАН и региональных ассоциаций государств Юго-Восточной Азии по безопасности, в которых Россия играет заметную роль. В 2010 г. решением 17-й сессии *Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ)* за Россией наряду с Австралией и Малайзией была закреплена курирующая роль в проработке проблематики кибербезопасности и борьбы с кибертерроризмом. С тех пор Россия в рамках формата АРФ является одним из ключевых участников работы по этим вопросам.

Важной вехой в сфере кибербезопасности как для АСЕАН, так и для России как участницы формата стала 19-я сессия АРФ, прошедшая в июне 2012 г. В ходе встречи по инициативе Российской Федерации был принят ключевой документ, определяющий политику форума в этой области — заявление министров иностранных дел АРФ по сотрудничеству и обеспечению международной кибербезопасности. В настоящее время в исполнение положений этого заявления Россией совместно с Малайзией и Австралией ведется подготовка ARF Work Plan on Cyber Security. Первый рабочий проект такого плана был представлен 9–10 декабря 2013 г. в рамках заседания межсессионной группы поддержки по мерам доверия превентивной дипломатии АРФ.

Таким образом, сотрудничество России и АСЕАН в сфере кибербезопасности не только успешно стартовало, но и приобрело устойчивую положительную динамику. Сегодня РФ участвует в проработке всех вопросов, обсуждаемых в рамках АРФ в сфере кибербезопасности, включая выработку общей терминологии, укрепление доверия, формулирование общих принципов и норм поведения в киберпространстве, обмен информацией и общими практиками, совместное противодействие трансграничной киберпреступности и кибертерроризму, а также формирование регионального центра компетенций и сети экспертов в сфере кибербезопасности.

Стоит ли оценивать ситуацию в части сотрудничества и достигнутых результатов позитивно? Безусловно. Означает ли это, что ключевые проблемы решены и можно остановиться на достигнутом? Ни в коей мере. Есть задачи, которые нуждаются в более динамичной проработке, а главное, есть форматы и опции сотрудничества, востребованные и нужные, но пока не использованные в полной мере. Целесообразно, по оценкам ПИР-Центра, выглядит и более тесное встраивание проблематики борьбы с кибертерроризмом в общие подходы и механизмы деятельности АРФ в антитеррористической сфере. Речь идет о проработке практик борьбы с кибертерроризмом в тренинговом формате, который уже успешно практикуется странами форума в области борьбы с международным терроризмом.

Ряд вопросов, включая выработку правил поведения в киберпространстве, борьбу с киберпреступностью и укрепление мер доверия, может прорабатываться в рамках *полупуторной дорожки*, где правительственные эксперты работали бы совместно с неправительственными. Это формат, как мы знаем, наши коллеги из стран АСЕАН любят и ценят. Учитывая обострение угрозы политически мотивированных кибератак в последние годы и рост напряжения вокруг главных проблемных точек АСЕАН, прежде всего островов в Южно-Китайском море, интересам России все больше отвечает выстраивание системы мер доверия с государствами АСЕАН в киберпространстве. Такая система могла бы препятствовать формированию и эскалации конфликтного потенциала в киберпространстве. Россия приобрела позитивный опыт такого взаимодействия с согласованием и подписанием пакета двусторонних соглашений с США о мерах по укреплению доверия в использовании ИКТ в июне 2013 г. В декабре 2013 г. был согласован перечень мер доверия в области использования ИКТ в рамках ОБСЕ, который также представляет ценный опыт для АСЕАН.

Кроме того, на перспективу можно задуматься и о реализации пакета мер доверия в киберпространстве в рамках формата АСЕАН–ШОС. Подобная композиция способствовала бы снижению рисков политически мотивированных кибератак и укреплению стабильности в этих регионах. Кроме того, возник бы стимул для подтягивания туда государств не только Юго-Восточной, но и Восточной Азии, которые территориально находятся вне границ АСЕАН, равно как и вне формата ШОС, однако через ШОС они могут быть более эффективно включены во взаимодействие. Буду рад комментариям коллег по высказанным мной соображениям.

ЛУКАЦКИЙ: Действительно, к возможным точкам соприкосновения между Россией и странами АСЕАН относятся прежде всего вопросы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом. Также речь идет о проработке возможностей использования рынков стран АСЕАН для продвижения российских технологий и российских средств защиты информации (СЗИ), причем в этой части уже имеется положительный опыт. Кроме того, существует возможность, хотя и теоретическая, использования отечественного опыта в области разработки аппаратного обеспечения — *железа* — и создания сборочных площадок такой продукции, которая потом могла бы применяться в тех или иных критических областях.

В России есть свои нюансы, которые за последний год обозначились достаточно четко. Отчасти они связаны с *эффектом Сноудена*, отчасти просто отражают

специфику тех государственных органов, которые занимаются в России вопросами информационной безопасности. Но проблема сейчас стоит достаточно остро, и не так просто вынести за пределы территории России сборку элементов, используемых при создании критических информационных инфраструктур. Разумеется, очень важно взаимодействие, связанное с *Центрами реагирования на киберинциденты (CERTs)*, тем более что страны АСЕАН имеют богатейший опыт создания и развития таких центров национального и регионального охвата, с участием государства и без него. Одно из направлений потенциального сотрудничества — это разработка доктринальных и стратегических документов, в том числе национальных стратегий кибербезопасности.

С 2000 г. существует и действует Доктрина информационной безопасности РФ, в отношении которой сегодня существуют разные точки зрения. Специалисты, непосредственно занимающиеся техническими аспектами безопасности при использовании ИКТ, склонны озвучивать большое количество претензий в связи с устареванием документа. Он не отражает реальных условий и действительной ситуации в этой области, которая развивается очень динамично, поэтому жить по документам 14-летней давности сегодня невозможно. Во многом с учетом этой проблемы в сентябре 2012 г. при Совете Федерации РФ была создана экспертная группа, которая приступила к созданию российской стратегии кибербезопасности. К концу 2013 г. проект документа был доведен до высокой степени готовности, но в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации по проекту документа, состоявшихся 29 ноября 2013 г., мы столкнулись с достаточно серьезной критикой, которая концентрировалась прежде всего вокруг терминологических аспектов. Вновь встал вопрос о том, почему в проекте документа используется термин *кибербезопасность*, а не *информационная безопасность*. К тому же обозначилось недостаточно четкое понимание места концепции Стратегии среди иных доктринальных документов, связанных с внешней политикой России в области информационной безопасности, национальной безопасности, внешней политики и т. д. 10 декабря 2013 г. состоялась еще одна встреча, посвященная этому документу, где вновь были затронуты эти вопросы. Дальнейшая судьба концепции Стратегии кибербезопасности пока неясна; создается впечатление, что документ встречает противодействие со стороны ряда ведомств, хотя его положения выглядят достаточно здравыми и своевременными.

В этой связи для России может быть интересен опыт государств АСЕАН, в частности Сингапура, который уже в июле 2013 г. выпустил уже третью редакцию аналогичного документа — *Five-Year National Cyber Security Masterplan 2018*. Подобные документы в Сингапуре периодически выпускаются с 2005 г. на 5-летний период. Нынешняя редакция отражает практически все ключевые вопросы, которые упомянуты и в нашем проекте концепции Стратегии кибербезопасности. Сюда входят вопросы повышения осведомленности и обмена информацией, государственно-частное партнерство, международное взаимодействие, а также вопросы образования, повышение количества специалистов в этой области, создания государственных и развития сети частных центров реагирования на киберинциденты.

ЯКУШЕВ: В развитие прозвучавших выступлений хотелось бы уделить внимание терминологическим вопросам. 2013 г. продемонстрировал неожиданно положительную динамику в терминологической дискуссии в сфере ИКТ между Россией и США как одного из основных российских оппонентов в этой сфере. Известно, что 17 июня 2013 г. на полях саммита *Большой восьмерки* в Ирландии Барак Обама и Владимир Путин подписали ряд документов, предлагающих целый набор механизмов и решений для выстраивания двусторонних мер доверия для предотвращения угроз безопасности в сфере использования ИКТ. Возможно, указанный компромисс поможет предотвратить дальнейшие споры по терминологической проблематике в сфере информационной безопасности (ИБ).

Во-вторых, важно понять, насколько для нас и наших коллег из стран АСЕАН совпадает перечень тех объектов, которые мы должны защищать в киберпространстве

и других сферах, и здесь я прежде всего имею в виду критически важную инфраструктуру. В-третьих, вопрос касается различных способов противодействия киберугрозам, в том числе правовых, информационных и технологических инструментов и механизмов. У российских организаций и экспертов огромный опыт в разработке таких мер — целесообразно использовать его.

С вопросами ИБ тесно связан вопрос глобального управления Интернетом и управление критическими ресурсами Сети. Все мы понимаем, что указанная проблематика приобрела особую остроту после так называемых событий лета 2013 г., связанных с разоблачениями правительственных программ глобальной электронной слежки в Интернете, раскрытых Эдвардом Сноуденом. Было бы интересно выслушать точку зрения экспертов о том, как эти проблемы воспринимаются сейчас, по прошествии года.

ВАСИЛЬЕВ: Для пояснения приоритетов российского подхода к обеспечению ИБ, в том числе по вопросам сотрудничества со странами АСЕАН, упомяну некоторые ключевые российские документы в этой области. В августе 2013 г. Президент России Владимир Путин подписал *Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (МИБ) до 2020 г.* Именно этот координирующий документ задает вектор нашей работе, перечисляет все угрозы в этой сфере и способы борьбы с ними, которые мы должны использовать именно на международных площадках, а также сами международные площадки, приоритетные для нас. В документе выделяется несколько ключевых типов угроз в области МИБ, в том числе основополагающая триада угроз: использование ИКТ в военно-политических, террористических и преступных целях.

Однако помимо этой базовой классификации в документе вводится новый, четвертый тип угрозы — «вмешательство во внутренние дела суверенных государств, нарушение общественного порядка, разжигание межнациональной розни, расовой и межконфессиональной вражды, пропаганда расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть, дискриминацию или подстрекающих к насилию». Это интересный и важный момент, потому что эта угроза новая, ранее в доктринальных документах она не фигурировала, теперь же мы должны принимать ее во внимание. Для сегодняшней дискуссии также важно, что большое внимание в *Основах государственной политики...* уделяется сотрудничеству России с региональными объединениями и организациями, в частности в рамках формата *Регионального форума АСЕАН–АРФ*.

Теперь я хотел бы прокомментировать выступление Владимира Орлова, в рамках которого был практически полностью освещен ход работы, которая ведется в рамках *АРФ* по вопросам ИБ. Одно из немногих уточнений можно сделать в отношении Плана действий *АРФ* в области использования ИКТ. Начиная с 2012 г. австралийская сторона взяла на себя разработку этого плана как один из лидеров процесса наряду с Россией и Малайзией. В 2013 г. проект такого документа был австралийцами разработан и представлен, дальнейшая работа над ним велась с учетом критических замечаний сопредседателей — России и Малайзии. В ноябре 2013 г. соображения Австралии и заинтересованных стран были сведены в предварительный проект плана, который по инициативе австралийской стороны был представлен на рассмотрение 9–10 декабря 2013 г. в Мьянме на заседании межсессионной группы *АРФ*. В 2014 г. продолжилось согласование проекта документа с российской стороной. Этот процесс должен завершиться до конца 2014 г., если пожелания представителей России будут учтены австралийской стороной. В этой работе нас полностью поддерживает Малайзия как третий сопредседатель процесса работы над Планом действий.

Также на площадке *АРФ* ведутся активные дискуссии по международной ИБ. В частности 11–12 сентября 2013 г. в Пекине состоялся семинар *АРФ* по кибербезопасности и ее правовым и культурным аспектам. Организаторами семинара выступили Китай и Малайзия, участие в нем приняли эксперты из 19 стран — участ-

ников АРФ, а также представители Евросоюза и секретариата АСЕАН. В рамках мероприятия возможность выступить и высказаться по повестке дня была предоставлена всем присутствовавшим представителям. По сумме выступлений были подробно освещены два существующих подхода к обеспечению международной ИБ. Первый из них, который продвигается прежде всего нашими партнерами из США, состоит в том, чтобы не отказываться от использования ИКТ в военно-политических целях, а лишь регулировать эти действия надлежащим образом. При этом предлагается опираться на действующие нормы международного права, а не заниматься выработкой новых норм и международно-правовых механизмов. Мы выступили с критикой этого подхода и продвигаем свою альтернативу, которая заключается в попытке создать международно-правовой режим неиспользования ИКТ в военно-политических целях.

В принципе, эти два подхода в совокупности заключают в себе тот спектр позиций, на который ориентируется та или иная страна. Россия выступает заодно с Китаем, который в целом поддерживает наш подход, нацеленный на обеспечение безопасности нашего общества и государства. Что касается наших западных партнеров, они хотят обеспечить свою безопасность при использовании ИКТ в военно-политических целях против третьих стран — такая постановка вопроса, на наш взгляд, четко прослеживается. Фактически сейчас любое государство может дать адекватный ответ на кибератаку страны другого государства, и поэтому сильные государства, атакуя слабые, рискуют получить адекватный ответ. Причина в том, что не нужно вкладывать серьезные ресурсы или какие-то особо продвинутые технологии, чтобы нанести серьезный ущерб критически важной информационной инфраструктуре и репутации государства. Отсюда понятно, что хотят сделать страны Запада: оставить за собой возможность использовать ИКТ в военно-политических целях в виде своего рода сдерживающего механизма, который бы не позволял слабым государствам симметрично отвечать на подобные действия.

ЯКУШЕВ: У меня вопрос к Борису Васильеву и Андрею Ярных: в своем выступлении представитель *Лаборатории Касперского* употреблял термины *кибероружие*, *кибервойна*, *кибервооружение*. Я хотел бы уточнить, оправданно ли, по вашему мнению, использование слово *кибервойна*, в том числе применительно к тем проблемам, которые мы обсуждаем в части взаимодействия России со странами АСЕАН, или у МИД РФ и российского бизнеса есть какие-то альтернативы? Что такое кибервойна, должны ли мы говорить об этом явлении и как его предотвращать в международных реалиях?

ВАСИЛЬЕВ: Я бы предпочел говорить об использовании ИКТ в военно-политических целях, в принципе, это одно и то же. Действительно, угрозы есть, и если посмотреть на то, что сейчас происходит в рамках формата АРФ, следует отметить, что все действия, которые будут использоваться при исполнении разрабатываемого Плана действий, будут направлены на обеспечение безопасности государств от военно-политического использования ИКТ. Иначе говоря, преступность и терроризм в информационном пространстве в данном случае рассматриваются исключительно как сопутствующие угрозы, а не основные. Основные угрозы в соответствии с будущим планом увязываются с использованием ИКТ государствами в военно-политических целях, и им планируется уделить самое серьезное внимание в рамках формата АРФ.

ЯРНЫХ: Фактически в моем выступлении была представлена информация о кибероружии, т. е. вредоносном коде, который используется для ведения боевых действий в киберпространстве, например, для организации серьезных масштабных акций в Интернете против тех или иных стран. Мы однозначно и категорично стоим на том, что для подобного инструментария не существует вариантов положительного, конструктивного применения. Сам по себе вредоносный код незаконен и не должен использоваться государствами даже с благими намерениями, поскольку это всегда ведет к противоправным действиям для всех сторон и может спровоцировать хаос в сети Интернет.

КАПИТАЛИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ИНТЕРЕСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ИТ-СЕКТОРА НА РЫНКАХ АСЕАН

ТАРУСИН: Сегодня на рынке АСЕАН сложилась ситуация, достаточно выгодная для игроков отечественного ИТ-сектора. На фоне прошлогодних событий, связанных с разоблачениями Эдварда Сноудена, основные конкуренты российского ИБ-бизнеса — компании из США — серьезно потеряли доверие у своих покупателей, и традиционных, и потенциальных. По независимым оценкам, ущерб от данных событий для ИТ-сектора США до 2020 г. может составить до 35 млрд долл. США. Таким образом, открывается определенная ниша, которую российские производители программных продуктов по обеспечению ИБ могут частично занять или заместить. В общемерном рынке ИТ-продукции страны АСЕАН составляют уже существенную часть, и, конечно, сегодня необходимо воспользоваться моментом и активизировать работу российских компаний по продвижению на эти рынки.

Российские компании ИТ-сектора во второй половине 2013 г. отмечали нехарактерный всплеск спроса на свои услуги в необычных и не типичных для себя региональных рынках. Например, портал Mail.Ru, ежедневно регистрирующий 30–40 тысяч новых адресов электронной почты, во втором полугодии 2013 г. 70% заявок получал из стран Ближнего Востока. Эта тенденция весьма показательна, и думается, что и страны АСЕАН при правильном продвижении и подаче российских интересов и возможностей также могут обратиться к отечественному ИТ-рынку в массовом порядке. В этой связи еще раз хочу обратить ваше внимание на возможность деловых контактов со странами АСЕАН, с представителями как государственных, так и частных структур, которые занимаются разработкой и замещением программной и аппаратной ИТ-продукции, активно продвигаемой на региональных рынках. Нельзя утверждать, что российские ИБ-компании являются единственной альтернативой западным игрокам на рынках стран АСЕАН.

Весьма серьезную конкуренцию составляют китайские производители, прежде всего собственно в сегменте ИБ. Но тем не менее возможность и необходимость форсированной работы на региональном рынке с российской стороны в данный момент не вызывает сомнений. Еще раз, пользуясь моментом, обращаю внимание всех заинтересованных участников ИТ-индустрии на положительный опыт бизнес-миссии российских предпринимателей в Юго-Восточную Азию, которая состоялась 22–30 марта 2014 г. с Минэкономразвития РФ и МИД РФ и охватила три страны: Индонезию, Малайзию и Сингапур. В мероприятиях в рамках миссии приняли участие высокопоставленные представители государственных структур и лидеры бизнес-сообщества трех стран региона. Думаю, что подобными действиями, подобными миссиями мы можем реально показать заинтересованность, а самое главное — высветить возможности российских компаний в предоставлении адекватных конкурентных услуг и продуктов.

ЛУКАЦКИЙ: Что касается российских бизнес-перспектив на рынках ИБ АСЕАН, здесь специфический аспект во взаимодействии России и АСЕАН — сбыт СЗИ, основанных на российских решениях, которые можно предлагать на рынке стран Юго-Восточной Азии. На данный момент мы имеем здесь достаточно позитивный опыт: это и компания *Лаборатория Касперского*, и *Doctor Web*, и *Positive Technologies*, которые либо имеют представительства в странах Юго-Восточной Азии, либо из ближайших, соседних стран осуществляют продажи тем или иным заказчикам в регионе. Но при этом в 2013 г. эти компании часто сталкивались с агрессивной политикой со стороны китайских производителей, которые территориально ближе, а также они обладают более тесными культурными и деловыми связями с участниками регионального рынка. В силу этих специфических факторов они могут более тонко, точно и сфокусированно работать с заказчиками в странах АСЕАН, поэтому у российских компаний возникают очевидные сложности, которые, как показывает опыт, все же преодолимы.

Также интересен тот факт, что в отношении производителей СЗИ не прослеживается четкой национальной специфики. Несмотря на уже упомянутый сегодня

эффект Сноудена, я как представитель американской компании *Cisco Systems*, не могу сказать, что в 2013 г. заметил сильное *проседание* продаж нашей продукции на тех или иных региональных рынках. Многое зависит не от *национальности* той или иной компании, а от отношения, которое транснациональная компания проявляет к национальному рынку. Здесь я имею в виду возможности работы с национальными регулирующими органами, возможность обеспечения соответствия продвигаемой ИТ-продукции национальным требованиям. В этом плане как российские продукты в области ИБ сегодня имеют все шансы выйти на рынок АСЕАН, так и продукция компаний Юго-Восточной Азии может достаточно эффективно продвигаться на российский рынок.

Однако российский рынок ИБ-регулирования очень специфичен, он отличается от тех моделей, которые работают за рубежом. Так, в России имеются специфичные требования по оценке соответствия, нередко включающие предоставление исходных кодов продукта, на что многие зарубежные компании зачастую не идут. При этом одна из причин отказа — нежелание терять права на свою интеллектуальную собственность. За прошлый, 2013-й, год разоблачения Эдварда Сноудена показали, как на этом могут сыграть российские участники рынка. Не берусь утверждать в отношении стран ЮВА, но арабские страны в конце 2013 г. начали отворачиваться от американской продукции как минимум в области криптографии и ориентироваться на продукцию российских производителей. В результате в странах арабского мира прослеживается определенный всплеск интереса к российским криптографическим алгоритмам и средствам шифрования. Это достаточно интересная тенденция, которую можно использовать, не теряя тот запас инициативы, который появился за последний год.

Еще один вопрос — производство аппаратного обеспечения, *железа*, в странах Юго-Восточной Азии. Если говорить о массовом рынке конечной пользовательской ИТ-продукции, здесь особых вопросов и сложностей не возникает. Но если мы говорим о сегментах, связанных с ИБ, то, к сожалению, последний опыт и инциденты, которые происходят и фиксируются, а это лишь вершина айсберга, которая попадает в СМИ, обуславливают ситуацию, когда ни одна страна не хочет выносить разработку элементов критичных систем за пределы своей национальной территории, несмотря на гарантии 100-процентного контроля технологических процессов на зарубежном предприятии.

Эта тенденция отчетливо проявляется в США, которые часть своего производства аппаратного обеспечения в сегменте ИБ переносят из стран ЮВА и Китая обратно, в США. Сходный мотив существует и в России: нежелание государственных регуляторов отдавать критичные для национальной безопасности компоненты и узлы аппаратного обеспечения информационных систем на сборку в страны Юго-Восточной Азии. Разумеется, подобная логичная мотивация имеет место и в других регионах, в том числе в Европе, — любая страна хочет производить и собирать ключевые аппаратные элементы ИТ-продукции у себя дома. И, наверно, больших перспектив в этом вопросе у России применительно к региону АСЕАН нет. С точки зрения массового рынка, повторюсь, таких сложностей не должно возникнуть, потому что массовому потребителю вопросы закладок на аппаратном и программном уровнях не столь интересны.

ТАРУСИН: Развивая тезисы, освещенные Алексеем Лукацким, хотелось бы пояснить, почему именно формат и регион АСЕАН представляются сегодня одной из наиболее перспективных площадок для продвижения российской ИТ-продукции. Во-первых, АСЕАН наиболее стабильный рынок на сегодняшний момент. Во-вторых, на фоне глобальных экономических катаклизмов, которые мы наблюдаем и в США, и в Европе, сообщество АСЕАН представляется наиболее развивающимся и динамичным, составляя практически единый экономический механизм. Во-вторых, ухудшающаяся политическая конъюнктура со странами Запада стимулирует нас к поиску возможностей на тех рынках, где отсутствует риск санкций и иных ограничивающих механизмов в отношении продукции российского ИТ-сектора.

В 2015 г. планируется реализация единого экономического пространства в странах АСЕАН, что создаст реальную зону свободной торговли, поддержанную и другими административными мерами, такими как единая виза в АСЕАН, а также позволит снять многочисленные барьеры для дальнейшего развития торговли. АСЕАН — это 600 млн человек и потребительский рынок, открывающий реальный доступ как минимум в 10 стран для технических продуктов из России. К сожалению, на сегодняшний момент объем товарооборота между Россией и странами АСЕАН составляет чуть более 15 млрд долларов США, а его состав тяготеет к энергоносителям и другим сырьевым продуктам, таким как пальмовое масло и каучук.

Но при этом есть и прорывные сюжеты, зачастую связанные с сегментом ИТ. Когда в 2012 г. заместитель генерального секретаря АСЕАН Лим Хонг Хин попросил меня назвать хотя бы одно харизматичное, узнаваемое лицо российского бизнеса в странах АСЕАН, я, недолго думая, назвал Евгения Касперского и его компанию — ведь это действительно *лицо России* в регионе. Остается только грамотно использовать этот плацдарм, чтобы продвинуться в смежные отрасли и сегменты, закрепить и нарастить свое присутствие. Необходимо продвигать не только *коробочный* продукт, который сейчас легко узнаваем на полках магазинов Джакарты, Коломбо, Куалу-Лумпур, Ханоя, но и корпоративные продукты, по которым мы можем серьезно конкурировать с производителями из других стран. Поэтому Деловой совет Россия–АСЕАН предпринимает все усилия для продвижения высокотехнологичных продуктов на рынок АСЕАН. На сегодняшний момент мы объединяем более 20 компаний, как минимум четверть из них специализируются в сфере ИБ.

Мы стараемся использовать наши площадки, чтобы представители и руководители этих компаний могли обращаться непосредственно к бизнесу в странах АСЕАН. Так, в июне 2013 г. в Санкт-Петербурге мы провели 1-й Деловой форум Россия–АСЕАН, на котором выступали такие известные вам лица, как генеральный директор *InfoWatch* Наталья Касперская и один из ведущих мировых экспертов по ИБ Анатолий Клепов. Доклады делались по теме обеспечения ИБ, мобильных и корпоративных сетей бизнеса и банковского сектора. Кроме того, сейчас через механизм финансовой поддержки диалогового партнерства Россия–АСЕАН мы запустили две программы, которые позволяют представить секретариату АСЕАН и бизнесу в странах АСЕАН продукты, реализуемые нашими участниками. В перечень таких продуктов входят единые электронные торговые площадки, интерактивный инвестиционный портфель, который можно увидеть в Google Store в открытом доступе.

Я думаю, что сегодня мы сможем обменяться знаниями и мнениями о тех продуктах и возможностях по продвижению наших высокотехнологичных продуктов и программ, которые до сих пор не полностью использованы в странах АСЕАН. Хочу обратить особое внимание на то, что АСЕАН — это достаточно специфический рынок для нас. С присущим российским представителям европейским менталитетом весьма трудно понять некоторые особенности. Когда вы приходите на рынки стран АСЕАН с чем-то новым, как вы считаете, наиболее важным и необходимым для этого региона, первое, о чем вас спросят: кто будет инвестировать в проект? Именно эту проблему мы начали решать совместно с Министерством экономического развития РФ в 2013 г. С Алексеем Улюкаевым, главой министерства, у нас есть договоренность, которая получила поддержку и министерства, и российского *Фонда прямых инвестиций*.

Сейчас работа идет над созданием *Фонда поддержки инвестиций Россия–АСЕАН*, который, в частности, будет нацелен на продвижение в регион российской продукции, в том числе высокотехнологичных продуктов из России в эти 10 стран региона. С таким механизмом мы сможем сделать существенный прорыв на региональном рынке ИТ и рассчитываем на то, что участвующие в дискуссии представители частного сектора, смогут, с одной стороны, получить выгоду от совместной деятельности с Фондом по продвижению этих продуктов, а с другой стороны, помогут нам наполнить этот Фонд реальными, конкретными продуктами, которые находятся

не на стадии стартапа, а уже готовы к запуску в полномасштабное промышленное и коммерчески жизнеспособное производство. Будем надеяться, что наши амбициозные планы в полной мере воплотятся в жизнь.

ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ И РЕАГИРОВАНИЕ НА ИНЦИДЕНТЫ: РОЛЬ CERT В СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИЯ–АСЕАН В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

ЛУКАЦКИЙ: Среди всего спектра потенциального взаимодействия России и АСЕАН в области ИКТ есть важная ниша, где мы действительно можем очень активно сотрудничать, в том числе с точки зрения перенимания опыта АСЕАН. Речь идет о развитии механизма *CERTs* и *CSIRTs* — специальных групп или команд реагирования на инциденты и различные угрозы кибербезопасности, которые могут исходить из любой страны и точки мира. И если в России на сегодняшний день формально существуют четыре *CERTs*, то в странах АСЕАН, которые по территории и населению значительно уступают нашей стране, — порядка 30 таких команд. Один из таких примеров — это региональный механизм *Asia-Pacific CERT (AP-CERT)*, объединяющий 30 команд из 20 различных стран, которые находятся в этом регионе. *AP-CERT* не только предлагает различные сервисы для коммерческих организаций или государственных органов, но и публикует полезную информацию по вопросам кибербезопасности, об уязвимостях в информационных системах, чтобы заинтересованные лица могли своевременно устранять проблемы и не допускать серьезных киберинцидентов.

Еще одна интересная практика, которая в России пока не нашла применения, — это *киберучения* (учения в области ИБ), формат, который изначально был опробован еще в Австралии в начале 2000-х гг. Потом опыт Австралии взяли на вооружение США, страны Европы и государства АСЕАН. Этот формат позволяет в приближенных к реальным условиям разработать способы взаимодействия и методы отражения и нейтрализации различных угроз, будь то киберпреступность, кибертерроризм или же кибервойны, о которых сегодня уже рассказывал представитель *Лаборатории Касперского*. Это действительно хороший опыт, и России есть, чему поучиться в этой сфере.

Из числа существующих сегодня в России *CERTs*, пожалуй, наиболее активный — *CERT-GIB* компании *Group-IB*. Остальные *CERTs* по своей сути либо находятся в частично нерабочем состоянии, либо очень узко специализированы и работают на решение какой-то конкретной задачи, например, обнаружение и реагирование на атаки против исследовательских и научных организаций. В частности можно назвать государственный *RU-CERT* и *CERT* крупнейшего петербургского Интернет-провайдера *Web Plus* (в задачи последнего входит обслуживание собственных заказчиков и клиентов провайдера). Нужно упомянуть Центр реагирования на компьютерные инциденты в информационно-телекоммуникационных сетях (ИТС) органов государственной власти РФ (*GOV-CERT*) — проект ФСБ РФ, который стартовал в 2012 г., но пока не заработал в полном объеме и функционале, на которые обычно ориентированы *CERTs*. Но возможно, что со временем этот центр выйдет на уровень ведущих мировых аналогов, которые реагируют на угрозы в режиме 24/7, направлены на обеспечение потребностей государственных органов и других подобных структур, в том числе критически важных объектов.

Следующий возможный сюжет для взаимодействия — обмен информацией об угрозах в киберпространстве. Этой теме в странах АСЕАН посвящено достаточно много различных ресурсов, платформ и онлайн-проектов. Одним из примеров является филиппинская *HoneyNet*, которая собирает информацию о киберугрозах и сетевых атаках, анализирует ее и на выходе предоставляет обработанную статистику. С помощью этих данных специалисты могут понять существующие тенденции, распознать методы, используемые злоумышленниками, и, возможно, собрать доказательства противоправной деятельности, чтобы использовать их затем при разработке методов нейтрализации актуальных киберугроз. Основные угрозы

и атаки на Филиппины, как правило, исходят со стороны США и Китая — ближайшие партнеры являются и крупнейшими источниками угроз в киберпространстве.

Однако здесь возникает одна из ключевых проблем, которая пока не имеет решения, — некорректные попытки переложить на страну, с территории которой осуществляется атака, ответственность за нее. Владеть тем или иным устройством или узлом, с которого ведется атака, независимо от его физического расположения может абсолютно любое государство либо лицо, являющееся гражданином другого государства. И если атака идет с территории Китая или США, это не означает, что именно эти государства стоят за ней. В отличие от угроз в реальном мире в киберпространстве отследить источник крайне затруднительно, и в этом заключается проблема атрибуции — одна из ключевых проблем, которая до сих пор не решена и требует международного сотрудничества и совместной разработки инициатив по ее преодолению.

С точки зрения обмена информацией в различных странах АСЕАН эта задача решается по-разному, но можно отследить несколько общих моментов. Первый из них — это наличие единого координирующего органа, его, к сожалению, в России пока нет, поскольку за различные аспекты, связанные с информационной безопасностью, у нас отвечают разные регуляторы: ФСТЭК, ФСБ (различные управления которой отвечают за разные вопросы), Генштаб ВС РФ, МВД, Центробанк РФ, МЧС, Министерство энергетики, а также ряд других федеральных ведомств. Конкретный пример: в декабре 2013 г. обсуждался вопрос о том, кто из государственных ведомств отвечает за противодействие киберугрозам в Сочи во время зимней Олимпиады 2014 г. В итоге не нашлось ни одного ведомства и представителя, которые бы заявили о своих координирующих функциях и полномочиях. Подобное отсутствие эффективной координации в условиях крайне динамичной среды, в которой осуществляются кибератаки, накладывает негативный отпечаток на процесс их предотвращения, противодействия и минимизации их последствий. Цена несвоевременного реагирования — задержки в несколько минут и даже десятков минут — может быть не столь критична в условиях военного конфликта (если мы, конечно, не говорим о ядерном оружии). Но в сфере кибербезопасности выведение из строя той или иной системы на несколько минут может привести к катастрофическим последствиям, и об этом нельзя забывать.

Для сравнения, в 2012 г. на форуме, посвященном вопросам кибербезопасности в Малайзии, обсуждалась схема взаимодействия различных заинтересованных сторон по данному вопросу. Предложенный формат был рассчитан на примененные как внутри государства, так и на уровне международного взаимодействия внутри региона АСЕАН, а также за его пределами. И в случае с Малайзией, и в случае с Филиппинами, и в случае с другими странами АСЕАН в решение этих вопросов очень активно вовлекается частный бизнес. В России пока контакт частного бизнеса и государства в сфере кибербезопасности и обмена информацией налажен не так хорошо, как того хотелось бы. Отдельные частные инициативы имеют место, но признать, что сегодня в России осуществляется отлаженный и выстроенный процесс, понятный и открытый для всех потенциальных участников, к сожалению, не получается.

В настоящее время в рамках Указа Президента РФ от 15.01.2013 № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ» активно идет создание единой системы обмена информацией об угрозах и атаках. Одна из задач, которая остро стоит на повестке дня, — эффективная автоматизация такого обмена данными. К этой задаче мало кто подступился в каком-то финальном приближении. Есть первые шаги, попытки разработать стандарты для такой системы, которые позволяли бы ее участникам из различных стран обмениваться информацией о киберугрозах, но до финальной стадии дело пока не дошло, и дальнейшая работа в этом направлении может представлять еще одну возможность для активизации международного сотрудничества для более оперативного обмена информацией о киберугрозах и эффективного реагирования на них.

Еще одним полезным направлением деятельности является обмен образовательными программами, и здесь Россия может поделиться со странами АСЕАН некоторыми наработками, а государства АСЕАН также могут обогатить российские практики своим опытом. Например, *AP-CERT* практикует 5-дневные тренинговые программы, сконцентрированные по уровню и наполнению, дающие одновременно теоретические и практические знания по реагированию на кибератаки и угрозы в киберпространстве. За последние годы такие тренинги прошло достаточно большое число специалистов из различных стран Юго-Восточной Азии и других регионов. Иными словами, с обеих сторон нарабатывается опыт, которым стоит активно делиться и который стоит воспринимать, чтобы не пытаться выстраивать некие подходы с нуля, игнорируя уже имеющиеся практики и решения.

КАЛИНИН: Хочу поддержать высказанный Алексеем тезис о важности *CERT* во взаимодействии России и стран Юго-Восточной Азии. В *Group-IB* я отвечаю за собственную команду реагирования на киберинциденты — *CERT-GIB*, — и это фактически первый частный *CERT* в России. В настоящий момент *Group-IB* имеет три офиса по всему миру: помимо основного офиса в Москве наши сотрудники еще работают в Нью-Йорке и Сингапуре, — это необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить круглосуточный рабочий цикл — 24/7. С 2012 г. мы начали активно вступать в профильные региональные и глобальные организации и форматы сотрудничества, такие как сообщество *Trusted Introducer*, объединяющее европейские команды реагирования на инциденты, и глобальный Форум групп по реагированию на инциденты и обеспечению безопасности (*FIRST*).

Оба этих формата объединяют *CERT*ы по всему миру, при каждом из них аккредитованы многие десятки таких центров. У нас тоже развивается диалог о сотрудничестве с *AP-CERT*: мы подали заявку на членство в 2013 г., которая должна быть удовлетворена до конца 2014 г., как только *AP-CERT* перейдет на новый стандарт документооборота. Принятие *CERT-GIB* в *AR-CERT* станет прецедентом для российских организаций. Учитывая навыки и багаж *AP-CERT* в части учебных программ, а также их влияние в регионе АСЕАН, мы сильно ждем этого и планируем максимально активно обмениваться опытом с нашими партнерами в Юго-Восточной Азии.

В чем же состоят ключевые преимущества и сильные стороны собственного *CERT* в России? У нас есть особые полномочия в зонах таких доменов, как *.RU* и *.РФ*, по блокировке доменных имен. Блокировать их мы имеем право за распространение вредоносного программного обеспечения, а также создание и эксплуатацию ботнет-контроллеров и фишинговых ресурсов. Подобная практика делегирования полномочий в этой сфере частным структурам в мире встречается достаточно редко. *Таиландский центр реагирования на инциденты (ThaiCERT)* очень интересовался нашей моделью работы на конференции *FIRST* в Бангкоке летом 2013 г., и подобный интерес мы встречаем со стороны множества различных структур. Мы располагаем довольно серьезными полномочиями, но при этом наша деятельность в части доменов тщательно перепроверяется самим регистратором, поэтому за два года, в течение которых мы практикуем такой формат работы, не было ни единого конфликта с точки зрения ее правомерности. Полномочия, которые я упомянул, были предоставлены *Group-IB Координационным центром национальных доменов .RU и .РФ*.

В марте 2013 г. *Group-IB* вошла в число участников международного государственно-частного партнерства *Международный многосторонний альянс против киберугроз (ИМПАКТ)*, действующего при *Международном союзе электросвязи*. Участие в этом механизме оказалось для нас очень полезно в плане взаимодействия с регионом АСЕАН. Раньше, когда мы наблюдали и фиксировали попытки атак, нацеленных на российских граждан и организации, с территории государств АСЕАН на жертвы в России, было нелегко найти общий контакт с профильными государственными органами в этом регионе. Источником проблемы был не только языковой барьер, но и отсутствие мотивации к взаимодействию либо игнорирование запросов с нашей стороны по иной причине. Сейчас, когда появились инсти-

туциональные партнеры или присутствующие в регионе компании, в частности партнеры по альянсу *IMPACT*, взаимодействие сразу приобрело намного более динамичный характер. После вступления в *IMPACT* и *AP-CERT* последовал существенный рост случаев конструктивного реагирования со стороны зарубежных партнеров и прежде всего государств АСЕАН.

Взаимодействие и обмен информацией носят взаимный характер. Помимо того что нам передают необходимые данные от профильных структур в странах АСЕАН, после вступления в *IMPACT* мы также начали получать много данных о тех российских ресурсах, которые государства АСЕАН со своей стороны хотели бы заблокировать. К тому же мы обмениваемся информацией с российскими государственными органами, со многими компаниями и центрами реагирования, *Лабораторией Касперского*, различными организациями других стран, а также еще одним международным форматом, объединяющим различные CERT—FIRST. В течение 2014 г. намечен обмен опытом с испанским *CERT*, параллельно идут переговоры о взаимодействии с *CERT* Германии. А как только *Group-IB* вступит в *AP-CERT*, мы сразу начнем переговоры с китайским *CERT*. Китайское направление взаимодействия нам крайне интересно, так как через китайскую территорию идет множество атак, в том числе на российские ресурсы. Мы всегда готовы сотрудничать в части нормативной документации, что периодически и происходит в дополнение к обмену готовыми данными об атаках и инцидентах.

ВАСИЛЬЕВ: Немного о деятельности CERT-GIB. У нас безопасностью государства и личности занимается государство, и при массированных компьютерных атаках ничто не мешает юридическим лицам обратиться за помощью в правоохранительные органы. Непонятно, почему этого в ряде случаев не делается, почему прослеживается такое стремление уйти в плоскость негосударственного взаимодействия в плане получения помощи и услуг по расследованию инцидентов. В России существует сеть национальных контактных пунктов, функционирующих в формате 24/7 в рамках *Римско-Лионской группы большой восьмерки*. Российский национальный контактный пункт — это управление «К» МВД РФ, сотрудники которого активно участвуют в информационном обмене и реагируют на поступающие запросы по поводу компьютерных инцидентов и атак. После получения запросов они обрабатываются, и направляется оперативный ответ. В работе сети участвуют более 60 государств, сотрудничество в 2013 г. находилось в активной фазе.

Однако одна из проблем, на мой взгляд, состоит в том, что в рамках установленных форматов взаимодействия мы не всегда получаем достаточную информацию. В 2013 г. МВД России проводило очередную операцию *Сорняк* по поиску источников детской порнографии в Интернете и, по результатам операции определив такие источники, направило большое количество запросов в те государства, в чьей юрисдикции были зарегистрированы соответствующие ресурсы, нарушающие законодательство. Подавляющая часть запросов — больше 800 — было направлено в США. Но, к сожалению, на все эти запросы были получены лишь 4 ответа, т. е. эффективность трансграничного взаимодействия в некоторых случаях крайне низкая, и мы считаем, что в этом направлении есть над чем работать и что улучшить.

МЕДРИШ: *CERTs* — это ключевая точка для многих вопросов, именно поэтому про них стоит говорить. Некоторые российские структуры, например, RU-CERT, вообще не являются CERT по своей сути, поскольку они не реагируют на инциденты в компьютерных сетях. Полноценный *CERT* работает как пожарная команда: это группа людей, которая в обычной ситуации могут работать в разных местах. Но когда происходит киберинцидент, они максимально оперативно собираются в одном месте и приступают к оперативному решению проблемы. Для этого члены *CERT* должны регулярно и интенсивно тренироваться, что уже было очень правильно отмечено в выступлении Алексея Лукацкого. Кроме того, им нужно обладать рабочим инструментарием для решения проблем и устранения инцидентов. С учетом этих требований и критериев лишь *Web Plus*, который назвал свою команду *CERTom*, с натяжкой может действительно считаться таковым. Я не знаю,

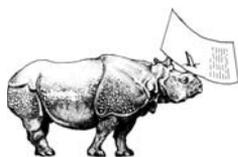
как обстоит ситуация в российских спецслужбах, там действительно может быть *CERT*, соответствующий мировым практикам и характеристикам и действующий определенным образом.

К сожалению, Россия существенно отстает от мирового опыта в части развития системы *CERTs*. У нас на законодательном уровне отсутствует описанная структура *CERTов*, во главе которой стоял бы Координационный центр *CERTов*, выступающий связующим звеном для деятельности остальных центров. При этом в мировой практике другие *CERTы* могут работать как в составе государственных структур, так и при частных компаниях. В качестве примера можно упомянуть США, где есть Координационный центр *CERT* при Университете Карнеги–Меллон, который в той или иной мере координирует деятельность гражданских *CERTов*; отдельные *CERTы* есть только у военных. В общей сложности в США насчитывается до 50–60 *CERTs*, при этом в некоторых частных компаниях их бывает два, как в *Adobe Systems* и других крупных транснациональных корпорациях, где протекают абсолютно разные виды деятельности, сопровождаемые различными ИТ-процессами.

Таким образом, тематика взаимодействия Центров реагирования на компьютерные инциденты в рамках Координационного центра *CERT*, в том числе с *CERTами* других стран несет потенциал для обмена опытом и лучшими практиками между Россией и странами Юго-Восточной Азии. Нужно брать на вооружение пример АР-*CERT*, который совместно с другими государствами решает вопросы, касающиеся всего региона, поскольку Интернет не замыкается в границах одной страны. И страны АСЕАН успешно научились это делать. Поэтому я хотел бы призвать людей, причастных к процессу выработки и принятия решений в России: необходимо продвигаться по этому пути, который может привести к созданию гибкой и эффективной системы *CERT*, отражающей киберугрозы на уровне лучших мировых практик. Именно этим призывом я хотел бы сформулировать некий итог дискуссии и подвести под ней черту. Большое спасибо. 🙏

Примечание

¹ При подготовке данной публикации использованы материалы совместного круглого стола ПИР-Центра и Центра АСЕАН при МГИМО «Общая повестка России и АСЕАН в киберпространстве: противодействие глобальным угрозам, укрепление кибербезопасности и развитие сотрудничества», который состоялся в Москве 10 декабря 2013 г.

Андрей Шадурский

СЛАНЦЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ: ЕСТЬ ЛИ УГРОЗА РОССИЙСКИМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМ ПОЗИЦИЯМ В ЕВРОПЕ?

В настоящее время уже невозможно отрицать сам факт так называемой *сланцевой революции*. Критически оценив ее масштабы и проанализировав шансы на ее репликацию за пределами Северной Америки, мы делаем вывод о первоочередной важности косвенных эффектов *сланцевой революции*. Именно косвенные эффекты, связанные с изменением географии и прежде всего условий международной торговли природным газом несут наибольшую угрозу для *modus operandi* российской энергетической политики¹.

СЛАНЦЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТ

Отрицать революционность произошедших в газовой отрасли США изменений невероятно трудно. С 2006 по 2013 г. производство природного газа в США выросло с 524 до 687,6 млрд куб. м². Доказанные запасы³ природного газа за последнее десятилетие выросли на 3,9 трлн м³, т.е. на 46%⁴. В абсолютных величинах прирост запасов в США за данный период уступает только беспрецедентным показателям Туркменистана (15,2 трлн м³, +87%), а в относительных величинах, среди стран, показавших прирост свыше 1 трлн м³, впереди США находится еще и Китай (+59%, 2 трлн м³)⁵. Но и Туркменистан, и Китай достигли значительного прироста доказанных запасов природного газа за счет открытия новых месторождений, в то время как США получили доступ к новым ресурсам за счет внедрения новых технологий их добычи: в 2012 г. на сланцевый газ приходилось уже около 40% объема всего добытого в США природного газа⁶.

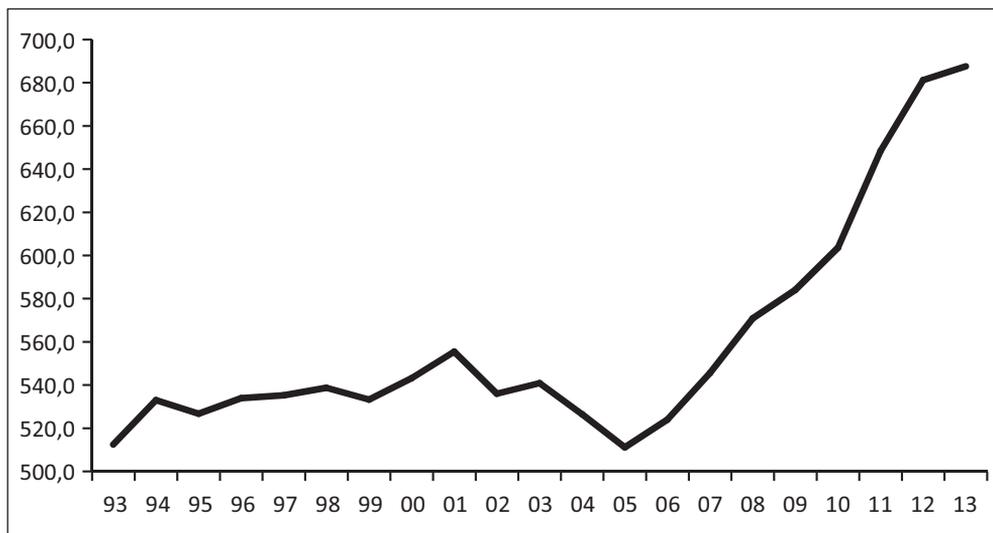
Особенно впечатляющим успех США выглядит на фоне изначального спада объемов добычи (рис. 1), который наблюдался с начала 2000-х гг.: в 2003 г. один из наиболее известных экспертов по энергетической политике, Д. Ергин, предрекал США к 2013 г. судьбу крупнейшего импортера природного газа в мире⁷.

СКОЛЬКО В МИРЕ СЛАНЦЕВОГО ГАЗА?

Еще более грандиозны оценки *технически извлекаемых запасов* сланцевого газа. В США они оцениваются в 18,8–32,9 трлн м³, и это только небольшая доля сланцевого газа в мире. Так, запасы Китая оцениваются в 31,6 трлн м³, Аргентины — 22,7 трлн м³, Алжира — 20 трлн м³. В десятку стран с наибольшими запасами входит и Россия, предположительно располагающая 8 трлн м³ сланцевого газа. Всего же мировые *технически извлекаемые запасы* составляют не менее

Рисунок 1. Добыча природного газа в США, 1993–2013 гг., млрд куб. м⁸

206,7 трлн м³ сланцевого газа⁹. Для сравнения, самыми значительными доказанными запасами природного газа — почти пятой частью от мировых — на данный момент обладает Иран, и они составляют всего 33,8 трлн куб. м¹⁰, у России данный показатель немногим меньше — 31,3 трлн куб. м¹¹.

В геополитической перспективе более существенным является не столько значительный объем запасов сланцевого газа, сколько то, что они распространены гораздо более равномерно, чем традиционные месторождения природного газа: оказывается, что многие обделенные углеводородами страны вдруг обретают их в значительных объемах. Так, запасы Польши увеличиваются почти в 50 раз — до 4,2 трлн м³ и превышают, таким образом, например, запасы Норвегии в 2 раза. Аргентина с 22,7 трлн м³ становится одной из самых богатых природным газом стран мира. Франция наращивает свои потенциальные запасы более чем в 100 раз — до 3,9 трлн м³ сланцевого газа¹².

Равномерность распределения сланцевых ресурсов и, как следствие, значительный геополитический потенциал их разработки сразу же привлекли внимание Государственного департамента США. Он определил *сланцевую революцию* как ключевой фактор усиления глобальной энергетической безопасности¹³ и стал оказывать содействие по взаимодействию заинтересованных в повторении *сланцевой революции* стран с американскими профильными государственными органами и компаниями. В 2008 г. ключевым партнером США в данном направлении стал Китай, а в 2009 тема *сланцевой революции* стала одной из основных в диалоге США и ЕС¹⁴. В 2010 г. Государственный департамент создал многосторонний механизм взаимодействия — Глобальную инициативу по сланцевому газу. В 2011 г. она была преобразована в Программу технической поддержки перехода к добыче газа из нетрадиционных источников¹⁵.

При этом следует понимать, что *технически извлекаемые запасы* — «потенциально извлекаемые при существующем уровне развития технологий ресурсы, без учета экономических факторов и затрат» — это крайне спекулятивный термин, и даже в США, ведущих историю детального исследования своих недр с середины XIX в., фактически извлекаемые запасы сланцевого газа не поддаются точной оценке. Во-первых, это связано с особенностью геологического строения сланцевых месторождений. Показатели дебета могут кардинально отличаться даже

для соседних скважин, находящихся менее чем в полукилометре друг от друга¹⁶. Во-вторых, учитывая недавнюю историю добычи природного газа из сланцевых месторождений, пока еще нет сколько-нибудь достоверных данных о долгосрочной динамике производительности скважин — все прогнозы строятся на экстраполяции существующих данных, и вероятность ошибки очень велика.

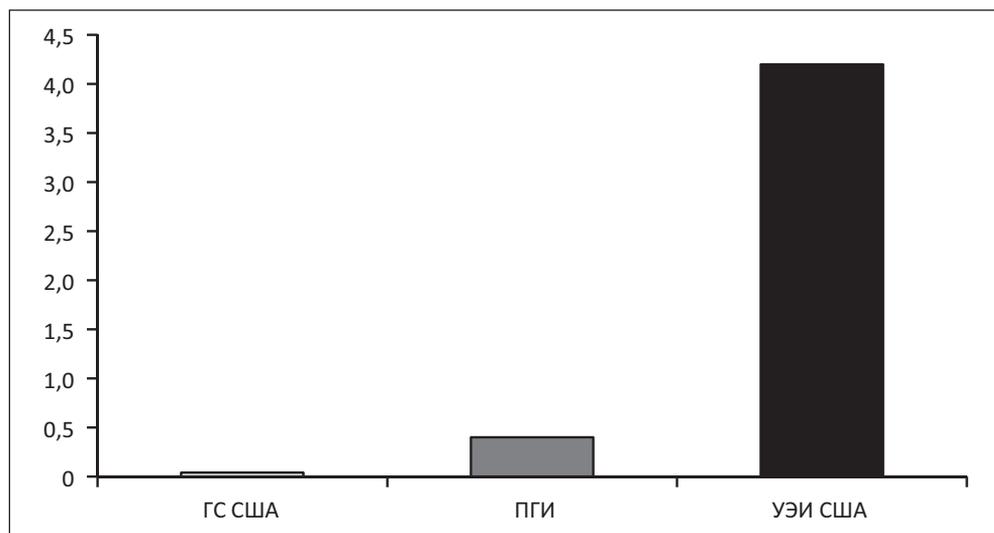
В оценке же *технически извлекаемых запасов* сланцевого газа за пределами США выводы делаются не только на приблизительном сравнении геофизических параметров зарубежных месторождений с известными американскими, но и с допущением о гомогенности параметров месторождений на всем их протяжении¹⁷. Естественно, такая методология приводит к частому пересмотру оценок по мере получения более точных геологических данных или, тем более, бурения тестовых скважин. Показателен пример переоценки *технически извлекаемых* ресурсов Люблинского бассейна в Польше: по сравнению с 2011 г. они были уменьшены почти в 5 раз — с 1,25 трлн м³ до 0,26 трлн м³. Другой, еще более экстремальный пример, — переоценка ресурсов норвежско-шведского бассейна Алюм с 2,3 трлн м³ до нуля¹⁸.

Зачастую при использовании примерно одних и тех же данных, но отличающейся методологии разные группы экспертов могут давать совершенно различные оценки объема *технически извлекаемых* ресурсов. Так, потенциальные объемы сланцевого газа в недрах Польши в 2012–2013 гг. были оценены, соответственно, в 0,04 трлн м³ Геологической службой США, в 0,2–0,6 трлн м³ Польским геологическим институтом и в 4,2 трлн м³ Управлением энергетической информации Департамента энергетики США¹⁹. Таким образом, максимальная и минимальная оценки объема сланцевого газа в Польше различаются в сотню раз.

ОТ ТЕХНИЧЕСКИ ИЗВЛЕКАЕМЫХ ЗАПАСОВ СЛАНЦЕВОГО ГАЗА К ГАЗУ В ТРУБАХ

Даже если принять оценки Управления энергетической информации Департамента энергетики США за исключительно верные, это не приблизит свершение *сланцевой революции* за пределами Северной Америки. Необходимо понимать, что *сланцевая революция*, несмотря на свое название, не случилась в США внезапно

Рисунок 2. Сопоставление различных оценок технически извлекаемого сланцевого газа в Польше, трлн м³

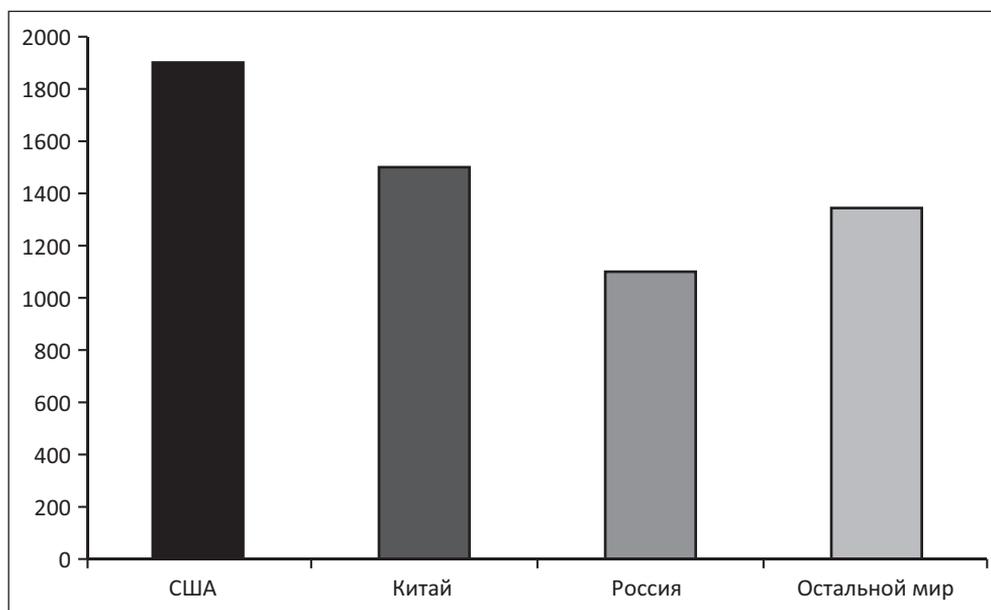

и без каких-то на то предпосылок. Напротив, она была заложена на уровне государственной политики еще в конце 1970-х гг., после нефтяных шоков. Тогда правительство США приняло решение стимулировать исследование всех возможностей обеспечения большей национальной энергетической независимости, в том числе за счет добычи углеводородов на территории США из нетрадиционных источников. Данная политика нашла отражение в специальных налоговых льготах, которые действовали с 1980 до 2002 гг.²⁰. Помимо этого особенности налогообложения нефтегазовой отрасли в США стимулируют разработку ресурсов небольшими инновационными компаниями, которые и стали двигателем сланцевой революции на ее начальном этапе.

Государственная поддержка и тонкая настройка налоговой системы тем не менее не являются уникальными факторами *сланцевой революции* — они могут быть воспроизведены практически в любой стране. Поэтому следует перечислить современные факторы, затрудняющие повторение американского опыта на других континентах. У проблемы геологической неоднородности месторождений сланцевого газа есть еще одно существенное последствие: при добыче газа необходимо пробурить, как правило, сотни скважин, и половина из них могут оказаться неудачными.

Это ставит успех разработки месторождений сланцевого газа в сильную зависимость от развития рынков буровых установок и сервисных нефтегазовых услуг и, соответственно, существенно снижает шансы на повторение *сланцевой революции* за пределами Северной Америки. По состоянию на июнь 2014 г. в Северной Америке было задействовано больше всего буровых установок в мире — 1901²¹. Для сравнения, по данным на 2012 г., на пространстве бывшего СССР действовало около 1100 буровых установок, в Китае — около 1500²²; во всем остальном мире (кроме Ирана, Судана, Кубы, Северной Кореи и Сирии) в июне 2014 г. — всего 1344²³. При этом распределение буровых установок по цели их использования будет зависеть от сравнительной рентабельности добычи природного газа, попутных жидких углеводородных фракций и нефти. В зависимости от рыночной конъюнктуры.

Рисунок 3. Примерное количество активных буровых установок в 2012–2014 гг., шт.

юнктуры это распределение может происходить не в пользу природного газа, еще более сужая рынок буровых установок для данного сектора.

Помимо ограниченности парка буровых установок и недостаточного развития рынка сервисных услуг, за пределами Северной Америки *сланцевая революция* остается маловероятной по причине еще целого ряда важных факторов: нехватка пресной воды, используемой при гидравлическом разрыве (особенно актуально для Китая), отличного от американского режима землепользования²⁴, более сложного и строгого природоохранного законодательства (например, в Европе), дороговизны создания необходимой транспортной инфраструктуры, а также из-за активного сопротивления местного населения, не видящего в разработке сланцевого газа никаких для себя преимуществ.

Отдельно следует отметить, что *сланцевая революция* происходила в США в период беспрецедентно низких ставок на рынке заемного капитала и в условиях, когда инвесторы в поисках доходности обратились к высокорисковым активам. Когда же стремительный рост добычи и, параллельно, снижение деловой активности и спроса на энергетические ресурсы привели небольшие инновационные нефтегазовые компании на грань банкротства (даже с учетом переориентации на добычу нефти и продажи более дорогих жидких углеводородных фракций), на помощь пришли объемные иностранные инвестиции, прежде всего из Китая и Индии.

До сих пор спорными остаются вопросы, связанные с воздействием добычи сланцевого газа на окружающую среду. Среди наиболее часто упоминаемых проблем — возможность проникновения химических реагентов, используемых при гидравлическом разрыве, в грунтовые воды, загрязнение использованной жидкости радиоактивными элементами, увеличение сейсмической активности в зоне добычи, а также, что особенно важно в контексте энергетической политики Европейского союза, неоднозначность использования сланцевого газа в борьбе с изменением климата. При оценке всего цикла добычи и с учетом возможных утечек природного газа оказывается, что вклад добычи и использования сланцевого газа в парниковый эффект значительно превышает соответствующий эффект от природного газа, добываемого традиционным путем²⁵.

КОСВЕННЫЕ ЭФФЕКТЫ СЛАНЦЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФАКТОР СЖИЖЕННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА

Несмотря на то что *сланцевая революция*, судя по всему, в среднесрочной перспективе останется региональным, североамериканским феноменом и не сможет напрямую существенно повлиять на сложившиеся рынки на других континентах, ее косвенное влияние на мировую энергетику не следует недооценивать. Основным механизмом влияния североамериканской *сланцевой революции* на другие части мира становится глобализация рынков природного газа и сопровождающееся ею изменение правил игры на газовых рынках.

На заре коммерческой эксплуатации природный газ был местным топливом. С развитием технологий добычи и транспортировки он превратился в региональное топливо: транспортировка на дальние расстояния была ограничена возможностями и дороговизной как трубопроводной инфраструктуры, так и инфраструктуры по сжижению природного газа для его транспортировки морским путем. Рынок сжиженного природного газа (СПГ) в этом смысле мало отличался от рынка трубопроводного газа: поставщики и потребители связывались *невидимыми трубопроводами*, а основными субъектами системы управления рисков СПГ-проекта являлись государства: они создавали рынки сбыта, определяли направления поставок, разрабатывали месторождения и обеспечивали инфраструктуру торговли²⁶.

Исторически в мире сложились три основных рынка природного газа: североамериканский, европейский и азиатский. Каждый из них до сих пор характеризуется своими особенностями ценообразования и принципами контрактных отношений.

Североамериканский рынок наиболее развитой и ликвидный благодаря развитию биржевой торговли природным газом. Большая часть импортного природного газа в США поступает по газопроводам из Канады, остальная импортируется в сжиженном виде.

Азиатский рынок из-за островного положения основных производителей и потребителей характеризуется доминированием СПГ по сравнению с трубопроводным газом, но в то же время долгосрочными контрактами с ценами, привязанными к нефтяным индикаторам. Европейский рынок представляет собой наиболее сложный объект для анализа в связи с гибридной структурой рынка и импорта. Большая часть природного газа все еще импортируется через газопроводы, но доля СПГ постоянно растет. Традиционные и для трубопроводного, и для сжиженного газа долгосрочные контракты с нефтяной привязкой цены сосуществуют со спот-рынком, рыночными ценами и контрактами с гибридным ценообразованием.

О начале глобализации рынков природного газа стало можно говорить только в последнее десятилетие — и этот процесс оказался неразрывно связан со *сланцевой революцией* в США. Основным агентом глобализации выступил Катар, который в 2000-х гг. стал вводить в эксплуатацию беспрецедентные мощности по сжижению — с расчетом на североамериканский рынок, который, по всем прогнозам, должен был вскоре испытать значительный дефицит природного газа. Но в условиях *сланцевой революции* значительная часть мощностей оказалась не востребована, что привело к появлению на рынке значительных объемов как незаконтрактованного, так и реэкспортированного США природного газа. До начала 2000-х гг. Ближний Восток считался частью азиатского рынка, так как именно страны Восточной Азии являлись основными потребителями ближневосточного СПГ. Но в новых условиях природный газ направился в том числе и в Европу.

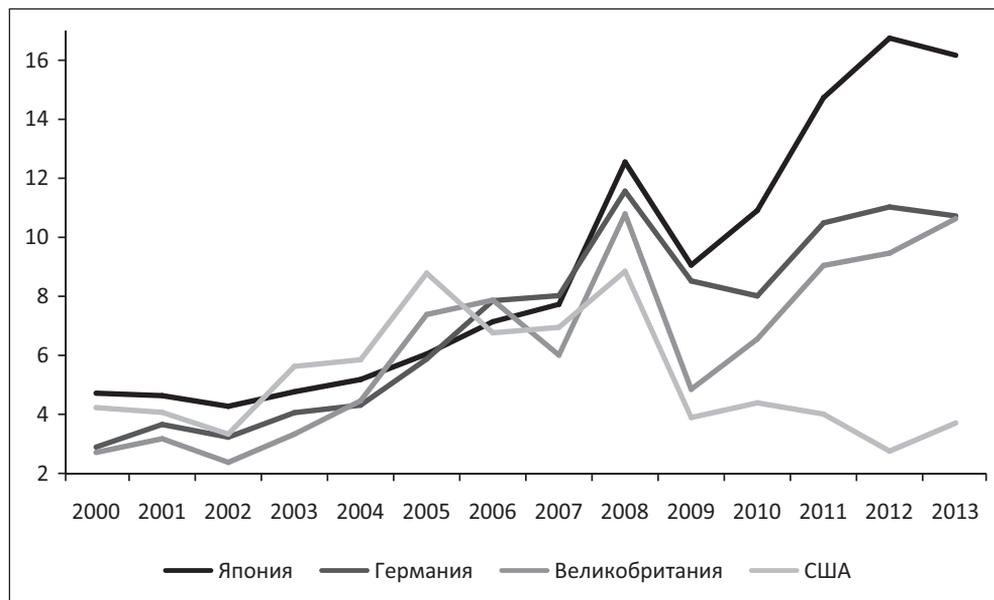
СПГ КАК ОСНОВНАЯ УГРОЗА ПОЗИЦИЯМ РОССИИ В ЕВРОПЕ?

Притом что глобализация рынков природного газа уже напрямую затрагивает интересы России как крупнейшего экспортера углеводородных ресурсов, механизм воздействия данной угрозы далеко не однозначен. Такой вывод можно сделать, рассмотрев то, насколько включенными в глобализацию рынков природного газа оказываются основные импортеры российских ресурсов в Европе.

Европу можно условно разделить на три разных региона с отличающимися условиями для участия в глобализации рынков природного газа. В наилучшем положении окажется Южная Европа, которая обладает наибольшими мощностями для импорта СПГ и в то же время получает часть природного газа по трубопроводам из Северной Африки. В Западной Европе мы наблюдаем стремительно убывающие собственные ресурсы, трубопроводные поставки из Норвегии, а также стремительно возросшие мощности по регазификации СПГ, особенно в Великобритании. Центральная, Восточная и Северная Европа (за исключением Дании) в крайней степени зависят от трубопроводных поставок российского природного газа и на данный момент не имеют существенных мощностей для импорта СПГ.

Около трети всего СПГ, импортируемого ЕС, приходится на долю Испании, а 5 лет назад она импортировала половину всего СПГ в Европе²⁷. В импорте газа Испанией на СПГ приходится 3/4 всего объема, в Португалии — около 2/3, в Великобритании, Франции и Греции — около 1/3, в Бельгии — около 1/4²⁸. Италия получает в виде СПГ немногим более 10% от всего объема импортного природного газа²⁹. На этом список крупных импортеров СПГ в Европе исчерпывается. Основные потребители российского природного газа — это страны Центральной и Восточной Европы. Единого рынка природного газа в ЕС до сих пор не создано, двусторонняя трансграничная инфраструктура, особенно между странами Восточной и Западной Европы развита плохо. Все это значит, что даже если бы европейский

Рисунок 4. Цены на газ, в долл. США за млн БТЕ³⁰

рынок СПГ и предлагал, например, значительно более дешевый газ по сравнению с трубопроводным (что не всегда будет справедливо, см. рис. 4), это не имело бы прямого эффекта для основных клиентов *Газпрома* в Европе.

Конечно, уже в ближайшее время на некоторых маргинальных рынках ситуация может измениться. Примечателен пример Литвы, завершающей создание плавучего СПГ-терминала в Клайпеде, а также усилия Польши по строительству регазификационного терминала в Свиноуйсьце. Но и в первом, и во втором случае масштабный региональный эффект будет ограничен из-за отсутствия необходимой инфраструктуры, а также несогласованности национальных энергетических политик, несмотря на все усилия Еврокомиссии. К тому же, по существующим оценкам, СПГ для этих стран не окажется дешевле российского трубопроводного газа, по крайней мере без учета скидок, полученных в последние годы. Таким образом, доступ к альтернативным поставкам станет для этих стран и регионов прежде всего катализатором на пути к дальнейшей либерализации рынков природного газа и их интеграции.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

Мы не обнаружили прямого влияния на российскую внешнюю энергетическую политику ни *сланцевой революции*, ни глобализации рынков природного газа, которая обходит большинство импортеров российского природного газа стороной или же дает возможность получить доступ к ресурсам по, в лучшем случае, сравнимым ценам — с учетом скидок на российский газ³¹. Но именно в последнем условии и скрывается основная угроза для российской энергетической политики — если под угрозой понимать необходимость изменения *modus operandi* российского правительства и *Газпрома*. Скидки по сравнению с изначально установленными ценами, а также уступки в части объемов законтрактованного на условиях «бери или плати» российского природного газа возникли прежде всего из-за глобализации рынков природного газа и, соответственно, из-за *сланцевой революции*.

Конечно, первые контракты без условия «бери и плати» с варьирующимися объемами поставок были предложены еще в начале 1990-х гг. индонезийской компанией Петрамина, которая стала таким образом избавляться от образующихся излишком природного газа³². Но стремительное развитие спот-рынка и рост популярности новой системы ценообразования для природного газа, в которой отсутствовала привязка к нефтяной корзине, стали возможны за счет повышения ликвидности рынка — увеличения количества продавцов, покупателей, объема продаж. Одновременно продавцы и покупатели природного газа стали более независимы от государства, потому что смогли самостоятельно хеджировать свои риски с помощью современных финансовых инструментов.

О полной революции в торговле СПГ говорить пока еще рано, так как инвестиционные решения о строительстве новых экспортных терминалов все равно принимаются только при наличии определенного портфеля гарантированных долгосрочных контрактов, а ликвидность рынка ограничена минимальной единицей объема поставки — танкером, несущем в среднем 135 тыс. м³ газа — это в 650 раз больше объема стандартного спот-контракта на Нью-Йоркской товарной бирже³³. Но наличие параллельных систем ценообразования, которые в отдельные моменты делали российский газ чрезвычайно дорогим на фоне даже потенциальной альтернативы, общее падение спроса из-за финансово-экономического кризиса и крайняя негибкость политики *Газпрома* на начальном этапе кризиса сыграли свою роль в значительном ухудшении переговорных позиций России в своей внешней энергетической политике. Произошла консолидация стран — членов ЕС с целью выработки единой внешней энергетической политики и создания по-настоящему единого энергетического рынка — глобализация рынков природного газа облегчает данную задачу.

Еще сильнее, чем на европейском направлении, косвенные эффекты *сланцевой революции* проявили себя на восточном направлении российской газовой политики. Продолжавшиеся десятилетия переговоры с Китаем о поставках российского природного газа из Восточной Сибири были завершены, но на условиях, предположительно, крайне благоприятных для Китая. О том, что именно на Китай будет ориентировано большинство новых мощностей по сжижению природного газа, которые вводятся в ближайшие годы в Австралии, было известно давно: всего за 3 года, с 2014 по 2017 г., Австралия собирается увеличить объем ежегодно экспортируемого СПГ с 55 млрд м³ в год до 163 млрд куб. м³⁴. Для сравнения, общий объем импортированного в мире в 2013 г. СПГ составил 325,3 млрд куб. м³⁵.

Но также, по совпадению, в 2013 г. Китай сообщил и о невероятной даже по американским меркам производительности тестовых скважин, пробуренных на сланцевых месторождениях в провинции Фулин³⁶. Китайское правительство сформулировало чрезвычайно амбициозные задачи по разработке потенциала сланцевого газа: достичь ежегодной добычи в 60–100 млрд м³ к 2020 г.³⁷ (в 2013 г. в Китае добывалось всего 117 млрд м³ природного газа³⁸). Большинство экспертов, несмотря на все уже перечисленные в данной статье проблемы, указывают именно на Китай как на место следующей *сланцевой революции*. Независимо от того, насколько эти прогнозы спекулятивны и нереальны, в сочетании с реальным и активным участием Китая в глобализации рынков СПГ, они уже приводят к вполне ощутимым результатам за столом переговоров, в том числе с Россией.

Примечания

¹ В контексте поставленного вопроса под *сланцевой революцией* в статье будет пониматься стремительный рост добычи природного газа из нетрадиционных источников и прежде всего из сланцевых формаций. В самом широком значении *сланцевая революция* перестала быть термином, связанным исключительно с природным газом и исключительно с его добычей из сланцевых пород. Популярность феномена *сланцевой революции* привела к тому, что термины *сланцевый газ* и *сланцевая нефть* зачастую используются некорректно. Более того, анализ статистических данных по запасам и добыче углеводородов в США

демонстрирует, что даже такая общая категория, как нетрадиционные источники углеводородов, не всегда определяется с необходимой точностью. В общественной дискуссии под *сланцевой революцией* зачастую подразумеваются все изменения последних лет, связанные с ростом добычи углеводородов из нетрадиционных источников.

² BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

³ Очень консервативная оценка, запасы категорий А, В, С1, вероятность извлечения которых — не менее 90%.

⁴ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

⁵ Расчеты автора, BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

⁶ Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. Wash.: U.S. Energy Information Administration, 2013. P. 11.

⁷ Yergin D., Stoppard M. The Next Prize. *Foreign Affairs*, 2003. Vol. 82, № 6. P. 104.

⁸ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

⁹ Расчеты автора, Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. Wash.: U.S. Energy Information Administration, 2013. P. 2.

¹⁰ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

¹¹ Ibid.

¹² Расчеты автора, Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. Wash.: U.S. Energy Information Administration, 2013. P. 6.

¹³ Goldwyn David L. Briefing on the Global Shale Gas Initiative Conference. US Department of State. 24th August, 2010.

¹⁴ EU-US 2009 Summit Declaration, Annex 2: «The EU-US Energy Council», 2009.

¹⁵ Leading Trough Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review. US State Department. 2010. P. 40.

¹⁶ Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. Wash.: U.S. Energy Information Administration, 2013. P. 17.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 14.

¹⁹ Расчеты автора, Ibid. P. VIII-8.

²⁰ Gény F. Can Unconventional Gas be a Game Changer in European Gas Markets? Working Paper NG 46. Oxford Institute for Energy Studies. 2010. P. 12.

²¹ Baker Hughes Inc. Worldwide rig count. June 2014.

²² BP Energy Outlook 2030. L.: BP, 2013. P. 24.

²³ Baker Hughes Inc. Worldwide rig count. June 2014.

²⁴ В США ресурсы принадлежат тому, кто владеет землей, что стимулирует землевладельцев к разработке ресурсов или же позволяет им получать значительные отчисления от компаний, желающих разрабатывать ресурсы.

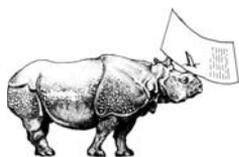
²⁵ Santoro R. L., R.W. Howarth, and A. Ingraffea. Indirect Emissions of Carbon Dioxide from Marcellus Shale Gas Development. A Technical Report from the Agriculture, Energy, & the Environment Program at Cornell University. June 30, 2011.

²⁶ Victor D. G., Jaffe A. M., Hayes M. H. Natural Gas and Geopolitics: From 1970 to 2040. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 447.

²⁷ Suárez A. A. LNG in Spain: Key Figures and Regulatory Framework. Florence 26th March 2010

- ²⁸ Расчеты автора, BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2012.
- ²⁹ Honoré A. The Italian Gas Market: Challenges and Opportunities. Working Paper NG 76. Oxford Institute for Energy Studies, 2013. P. 34.
- ³⁰ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.
- ³¹ Отчасти прямой эффект может заключаться в потере конкурентоспособности российского газа. Анализ последствий сланцевой революции для России с этой точки зрения был проведен в статье: Мастепанов Алексей. Сланцевый газ: что он несет России? Российский совет по международным делам. 2012, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1046#7a (последнее посещение — 14 октября 2014 г.). В данной же работе акцент сделан на изменении глобальной регулятивной среды торговли природным газом.
- ³² Tusiani M. LNG: a nontechnical guide. Tulsa: Pennwell, 2007. P. 204.
- ³³ Jensen J. T. The LNG Revolution. *The Energy Journal*. 2003. Vol. 24, № 2. P. 25.
- ³⁴ Расчеты автора, Ripple R. D. Australia emerging as top LNG supplier. *Oil and Gas Journal*. 2014. Vol. 112, № 5.
- ³⁵ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.
- ³⁶ Chen A., Hua J. Sinopec field could reignite China shale hopes. *Reuters*. 2013, October 28, <http://www.reuters.com/article/2013/10/28/us-china-shale-sinopec-idUSBRE99R0G720131028> (последнее посещение — 10 октября 2014 г.).
- ³⁷ Hornby L., Crooks E. Oil and gas: A new frontier. *The Financial Times*. 2014, January 7.
- ³⁸ BP Statistical Review of World Energy. L.: BP, 2014.

Иван Сафранчук

ИСЛАМИСТСКАЯ УГРОЗА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АФГАНИСТАН И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Уже в первые месяцы пребывания Б. Обамы в Белом доме весной 2009 г. появились сигналы о том, что политика США в отношении Афганистана будет меняться. Тогда еще не говорили в открытую об *exit strategy*, но в непубличных беседах ответственные фигуры стали интересоваться, как Советский Союз подготовил и осуществил *вариант Наджибуллы*, который западными партнерами вдруг стал оцениваться не как провальный, а как вполне успешный.

Политическое руководство стран Центральной Азии в 2009–2011 гг. не верило в разговоры о том, что Б. Обама уйдет из Афганистана. В регионе преобладали такие настроения: *не зря американцы пришли в регион, они теперь никогда не уйдут из Афганистана или американцы столько денег потратили в Афганистане, они никогда этого не бросят*. В общем, у американцев есть *Grand Strategy* и они ей следуют — были убеждены все в Центральной Азии, а все разговоры о выходе из Афганистана — это так, для отвода глаз. Такие настроения многократно усиливались распространенной в регионе верой в *теории заговора* и в американскую приверженность *большой геополитической стратегии*.

Однако в 2012 г. стало совершенно очевидно, что американская кампания в Афганистане становится все более вялой, ответственность за безопасность передается местным силовикам. В общем, намерения американцев не ясны, а способность афганцев обеспечить безопасность в стране тоже под вопросом (и, возможно, преувеличивается). И весь 2012 г. в Центральной Азии прошел под знаком осознания афганской угрозы.

Впрочем, руководство большинства стран Центральной Азии и мейнстримовские местные эксперты, которые, как и их коллеги в других постсоветских странах, соревнуются в экспертном оформлении *настроений верхов*, а не в самостоятельном анализе — уж очень они не хотели плохих новостей. И хорошие новости пришли.

В 2012 г. стало принято говорить, что американцы не уходят из Афганистана, а имеет место *переформатирование* их присутствия: сворачивается миссия МССБ, но остаются американцы, немцы, британцы на основе двусторонних договоров. И большинство в Центральной Азии выдохнуло с облегчением — американцы остаются, а значит, они все разрулят.

В результате в 2013 г. в странах Центральной Азии среди экспертов и политиков стало принято говорить о возможных угрозах с афганского направления с некоторой ухмылкой. Эксперты в Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане многозначительно подчеркивали, что алармистские оценки перспектив развития ситуации звучат в основном от российских представителей. Намек понятен — это, мол,

И
Н
И
П
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮРИЙ ФЕДОРОВ:

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Достичь такой договоренности в Узбекистане будет намного труднее, чем в Туркменистане в 2006 г., по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в процесс согласования неизбежно должно быть вовлечено заметно больше фигур, клик, групп влияния и кланов, чем в Туркмении. Во-вторых, в Ташкенте не могут не помнить, что Бердымухамедов в течении одного-полутора лет уволил в отставку всех, кто привел его к власти на рубеже 2006–2007 гг. А это еще более затруднит процесс поиска и согласования приемлемых для всех кандидатуры преемника Каримова. Иными словами, политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен.

Узбекистан: нестабильный фактор стабильности. Индекс Безопасности, № 3–4 (102–103). Осень-Зима 2012.

Россия пугает страны региона афганской угрозой, по всей видимости, в надежде усилить свое влияние в регионе и взять под свой контроль сферу безопасности. Эти же настроения продолжают и в 2014 г.

Но отметим такой парадокс. Страны, где в наибольшей степени распространены вышеозначенные настроения, сотрудничают с Россией по вопросам безопасности в рамках ОДКБ, в том числе и по афганской тематике. А вот страна, где афганская угроза воспринимается всерьез — Узбекистан — отошла от общих усилий ОДКБ вообще, а по афганскому вопросу в частности и в особенности. О чем это говорит? К сожалению, возможно о том, что сотрудничество в ОДКБ по афганской тематике хотя и развивается, но воспринимается партнерами как некое дежурное дело, обязательная программа.

Узбекистан же, действительно, серьезно относится к рискам с афганского направления. Можно по-разному оценивать конкретные шаги узбекского политического руководства и их спецслужб. Они работают теми методами, которые им доступны, и так, как умеют. По крайней мере четко видно, что риски они оценивают адекватно. И для них это вопрос не риторики, а именно безопасности государства, общества и политической элиты. Очень серьезно относятся к афганскому вопросу в Индии, Иране, Пакистане и Китае.

И в свете вышеописанного парадокса очень показательно следующее. В Узбекистане воспринимают свою границу с Таджикистаном практически так же, как границу с Афганистаном, считая таджикско-афганскую границу абсолютно слабой. Конечно, это подтверждает заявления и усилия ОДКБ в направлении укрепления границы Таджикистана с Афганистаном. Но очевиден и ограниченный прогресс этих усилий: если для Узбекистана одна из его границ с ОДКБ (с Таджикистаном) мало чем отличается от границы с Афганистаном, это очень серьезный сигнал.

Впрочем, всеобщий фокус на охране границ может увести всех нас в сторону — и оптимистов, и алармистов. Сейчас очень важно понимать суть экстремистской угрозы и механизм ее проявления в Центральной Азии.

Во второй половине XX в. в мире сформировался *Фронт борьбы за веру и ценности ислама*. Этот фронт интернационален, он готов принять участие практически в любом региональном или локальном конфликте. В прошлом отдельные группы этого фронта нередко становились инструментом в руках прежде всего западных спецслужб.

Самый яркий пример — это период пребывания советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. Причем в таком сотрудничестве позиция самих борцов за веру более честная: они готовы к тактическому взаимодействию с неверными, но при этом все равно воюют за свои идеалы. А вот те, кто пытается их использовать

для своих грязных дел, не имеют морального права жаловаться на то, что борцы за свободу оказались ненадежными союзниками.

У этого интернационального *Фронта войны за ислам* есть и постоянные союзники. Это богатые и влиятельные фигуры из ближневосточных монархий (не обязательно официальные государственные структуры).

Но ни тактические, ни постоянные союзники не могут в полной мере контролировать борцов за веру. Конечно, они (особенно постоянные союзники) способны оказывать на борцов за веру некоторое влияние. Можно спорить о его степени, но оно не абсолютно.

Фронт борцов за веру так велик, что полностью его уничтожить, равно как и нанести ему серьезный ущерб, невозможно. Но и возможности самого интернационального фронта тоже не безграничны. Он может подпитывать подполье во многих странах, проводить разовые террористические акты, но вести активную партизанскую войну против регулярных армий одновременно более чем в двух-трех местах не может.

При этом сам *Фронт борцов за веру* заинтересован в перманентной войне: поскольку постоянные союзники обеспечивают необходимые ресурсы, материально-техническое истощение борцам за веру не грозит, а человеческие потери для них не проблема. Как ни парадоксально, в результате многочисленных конфликтов с участием воинов за веру, где они порой несут ощутимые потери в живой силе, общее их количество не уменьшается, наоборот, каждый конфликт преумножает их численность. Поэтому от конфликта к конфликту *Фронт борцов за веру* становится сильнее.

Что касается тех, кто ведет *глобальную войну с терроризмом* (а по сути погряз в многочисленных региональных и локальных конфликтах с *Фронтом борцов за веру*), им тоже необходимо перманентно поддерживать военную кампанию. Уже проходят иллюзии, будто широкомасштабные боевые действия способны нанести борцам за веру сокрушительное поражение или хотя бы значительно подорвать их силы и боевой дух. Как уже отмечалось, приходит осознание того, что с каждой войной они крепнут и набирают мощь. Однако договариваться с ними пока не готовы — абсолютно не понятно, как и на каких условиях это делать.

Спрятаться за национальными границами, увы, не получается — глобальный *Фронт борцов за веру* способен вести войну в любой точке планеты, и препятствий в виде государственных границ для него не существует. Единственное, что можно делать — это не давать фронту полную свободу в выборе места и времени конфликта. Собственно, на современном этапе к этому и сводится так называемая война с терроризмом — к необходимости открывать новый конфликт, стягивающий и концентрирующий основные силы борцов за веру. Причем делать это приходится без реальной надежды их победить, а чтобы занять этих борцов в определенном месте на определенное время. Пока они в этом месте, у них нет сил и возможности начать новый конфликт. Пока борцы за веру воюют в Афганистане, а также на Ближнем Востоке против *режимов фараонов*, они не открывают новый фронт в США, Европе или Саудовской Аравии. Но в какой-то момент, на какой-то стадии (под прикрытием риторики о мирных переговорах с *умеренными*, о *стабилизации*, о *завершении военной стадии и переходе к новому этапу* и т. п.) конфликт придется заканчивать, хотя бы затем, чтобы открыто не демонстрировать неспособность одержать верх в многолетнем противостоянии с борцами за веру. Конфликт заканчивается, но нужен новый, чтобы опять все были заняты. Причем как бы это ни казалось логичным сторонникам *теории заговоров*, прямых переговоров между *Фронтом борцов за веру* и лидерами *глобальной войны с терроризмом* нет. Они не проводят тайных переговоров, чтобы решить, где и когда спровоцировать новый конфликт. Борцы за веру пробуют свои силы в разных странах и регионах, где достаточен уровень противоречий и высок конфликтный потенциал. Где-то они получают жесткий отпор и отступают, понимая, что тут новый фронт

Проект ПИР-Центра
«Безопасность Центральной
Азии и Россия»

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

centralasia.pircenter.org

войны не откроешь, а где-то видят возможности для разжигания конфликта, развертывания и расширения своего присутствия. Можно и так сказать: где-то им дают открыть новый фронт борьбы, а где-то нет.

Важно понимать, что при всей самоотверженности борцов за веру, лидеры глобального фронта не имеют целью втягиваться в войну безнадежную. Они воюют не ради того, чтобы умереть, а для того, чтобы стать сильнее, поэтому, чувствуя жесткий отпор, борцы за веру предпочитают отступить и сменить поле боя — где-нибудь им да удастся разжечь новый конфликт, где-то им

дадут это сделать (а постоянные союзники даже поощрят).

Интенсивность афганского направления *глобальной борьбы с терроризмом снижается*. Афганский фронт постепенно закрывается. Должна появиться новая большая горячая точка.

Вокруг выбора места нового поля боя разворачивается серьезная политическая борьба. И речь не только о географии. По всей видимости, США и их западные союзники, которые уже почти 13 лет играют ведущую военную роль в борьбе с *Фронтом борцов за ислам*, решили от такой активной роли отказаться. Иначе говоря, исламистам надо подобрать нового *спарринг-партнера*. Таким образом, нужна такая географическая точка, где был бы сильный региональный игрок, который при интенсификации локального конфликта будет вынужден и способен взять на себя бремя его ведения.

Это могут быть Северная или Восточная Африка, Ближний Восток, Пакистан, СУАР Китая, а может быть и Центральная Азия. Заинтересованные стороны не могут решить, где позволить разгореться новому конфликту. Попробовали в Сирии, но ценой серьезных усилий Россия и Иран не дали в полной мере открыть этот фронт. Поиски нового места продолжаются. И Центральная Азия остается одним из вариантов.

На этой стадии тем, кто заинтересован в мире в Центральной Азии, особенно важно демонстрировать готовность и способность дать жесткий отпор любым проявлениям нестабильности. Необходимо четко дать понять: открыть в Центральной Азии новый фронт *глобального джихада и глобальной войны с терроризмом* не получится — страны региона не позволят. Но сделать такой посыл убедительным и эффективным можно только, во-первых, реально осознавая всю опасность нависшей над регионом угрозы (а не посмеиваясь над якобы страшилками), а во-вторых, только общими усилиями. Не может быть нестабильный Памир, но стабильная Ферганская долина, не может быть нестабильная Ферганская долина (пусть даже не узбекская ее часть), но стабильный Ташкент и т. д. Отгородиться от проблем у *соседа* границами получится только на время, к тому же с потерями для торговли и экономики.

Не надо питать иллюзий, что с теми, кто *играет в терроризм и войну с терроризмом*, можно договориться по-хорошему. Необходима постоянная демонстрация готовности к действиям.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в июне-ноябре 2014 г.

➔ **Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Кортунув, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури.**
ИНДЕКС *iSi* ЗА ИЮНЬ-НОЯБРЬ 2014 г.: УКРАЯ

➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЭПОХА ТРЕВОГИ**

➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ХАОС И РАЗВИТИЕ VS ПОРЯДОК И ПОСЛУШАНИЕ**

У КРАЯ

Летом-осенью 2014 г. Индекс международной безопасности демонстрировал разнонаправленную динамику.

Летом показатель Индекса *iSi* снижался. На 1 июня *iSi* составил 2776 пунктов, а на 1 июля снизился на 9 единиц, составив 2767. На 1 августа индекс достиг наименьшей отметки в 2014 г., составил 2758 пунктов. Стремительное снижение Индекса *iSi* летом связано с резким обострением военно-политической ситуации на юго-востоке Украины, где в июне-августе шли ожесточенные бои между армией и ополченцами, отстаивающими независимость Донбасса. Другим фактором, приведшим к негативной динамике Индекса *iSi*, стала усилившаяся угроза радикального исламизма на Ближнем Востоке, в частности продвижение и захват ряда городов в Ираке, Сирии, Ливии боевиками группировки *Исламское государство Ирака и Леванта* (ИГИЛ), а также новый виток палестино-израильского конфликта.

Осенью был зафиксирован рост показателей *iSi* по сравнению со значениями летних месяцев. Так, на 1 сентября индекс составил 2784 пункта, на 1 октября повысился на 58 пунктов и составил 2838 пунктов, но на 1 ноября показатели снова начали снижаться и Индекс составил 2807 пунктов. Рост показателей Индекса *iSi* в сентябре-октябре связан со вступлением в силу режима прекращения огня на юго-востоке Украины после подписания плана мирного урегулирования между сторонами конфликта в Минске, началом реализации стратегии США по борьбе с группировкой ИГИЛ в Ираке и Сирии, а также ликвидацией сирийского химического оружия.

- **КРИЗИС ВОКРУГ УКРАИНЫ.** Летом на юго-востоке Украины между украинской армией и ополченцами, отстаивающими независимость Донецкой и Луганской областей, шли бои с применением тяжелой артиллерии и авиации. 7 июня Петр **Порошенко** вступил в должность президента страны. 20 июня он объявил о временном прекращении огня на Донбассе. Но в начале июля силовая операция возобновилась. 17 июля в Донецкой области был сбит пассажирский самолет *Boing-777* Малазийских авиалиний, погибли 298 человек; воюющие стороны обвинили друг друга в содеянном. В августе НАТО заявило об увеличении поддержки Украины и прекращении сотрудничества с Россией. ЕС и США ввели санкции против России, обвинив Москву в поддержке ополченцев на юго-востоке Украины. Россия в ответ на западные санкции вела запрет на импортные продовольственные товары. 5 сентября в Минске на заседании контактной группы по Украине под эгидой ОБСЕ подписан план мирного урегулирования. На Донбассе вступил в силу режим прекращения огня. 16 октября Петр Порошенко подписал закон об особом статусе Донбасса. На саммите *Азия-ЕС* в Милане 17 октября президенты России и Украины согласовали цену на газ на зимний период. 26 октября на Украине состоялись внеочередные парламентские выборы; победу одержал блок премьера Арсения Яценюка *Народный фронт* (22,14%); *Блок Петра Порошенко* на втором месте (21,81%). В самопровозглашенных Донецкой и Луганской республиках выборы глав и депутатов законодательных собраний прошли 2 ноября; ЕС и США не признали легитимность выборов.

- **ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ-США**

27 июня Украина, Молдавия и Грузия подписали соглашение об ассоциации с Евросоюзом.

4–5 сентября на саммите НАТО в Уэльсе принято решение расширить присутствие сил альянса в Восточной Европе.

В Шотландии на референдуме 18 сентября большинство населения проголосовало против независимости от Великобритании.

В ноябре в Бельгии и Италии прошли демонстрации против политики жесткой экономии властей.

4 ноября на прошедших промежуточных выборах в Конгресс США победили республиканцы.

- **ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.** На границе Таджикистана и Кыргызстана 10 июля произошла перестрелка между пограничниками.

На границе Армении и Азербайджана, в том числе на линии разделения сторон в Карабахе, в августе произошли перестрелки; стороны обвинили друг друга в нарушении режима прекращения огня.

12 сентября в Таджикистане на саммите ШОС утвержден регламент принятия новых членов.

3 октября Россия ратифицировала договор о создании Евразийского союза.

На саммите СНГ в Белоруссии 10 октября обсуждены вопросы торговли и развития.

- **БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА.** Летом-осенью резко обострилась военно-политическая ситуация в **Ираке** и **Сирии** в связи с угрозой радикального исламизма. В июне боевики группировки ИГИЛ захватили большую часть территории на севере страны; власти объявили всеобщую мобилизацию. В июле исламисты объявили о создании *Исламского халифата* на контролируемой территории; религиозные меньшинства начали покидать страну.

В Сирии Башар **Асад** одержал победу на выборах президента, состоявшихся 4 июня; страны Запада не признали легитимность выборов. Летом в стране началось противостояние между армией, повстанческими группировками и исламистами. Бои армии и курдских группировок против исламистов шли в городах Дейр-эз-Зор и Кобани. Турция позволила разместиться на своей территории курдские контингенты.

11 сентября Барак **Обама** представил стратегию борьбы США против ИГИЛ в Ираке и Сирии; Вашингтон приступил к авиаударам по позициям исламистов в Ираке и Сирии. 24 сентября Совбез ООН принял резолюцию о борьбе с международным терроризмом.

В Ливии правительство под руководством Ахмеда **Майтыга** признано неконституционным; 25 июня в стране состоялись парламентские выборы. Осенью имели место ожесточенные столкновения армии с повстанческими и исламистскими группировками.

В Египте 8 июня Абдель Фаттах **ас-Сиси** вступил в должность президента страны. 25 октября власти страны ввели чрезвычайное положение на Синайском полуострове после атак боевиков на местных силовиков.

В Турции 11 августа прошли президентские выборы, победу одержал Тайип **Эрдоган**; новым премьер-министром стал Ахмет **Давутоглу**.

В июле резко обострилась ситуация в отношениях между **Израилем** и группировкой **Хамас**. В ответ на массированный ракетный обстрел израильских городов боевиками **Хамас** 18 июля Израиль начал наземную операцию в секторе Газа. Временное перемирие, заключаемое между

Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)* — по электронной почте из Ташкента: События на Украине оказали опосредованное влияние на состояние безопасности в Центральной Азии. Появились спекуляции и алармистские настроения на тему возможного повторения событий, аналогичных украинским, в республиках региона. Ослабление и без того зыбкой основы СНГ в связи с событиями в Украине и неучастие президента Украины на саммите Содружества в Минске усилили эту напряженность.

Внутри Центральной Азии имели место стычки на границе Кыргызстана и Таджикистана, а также Кыргызстана и Узбекистана, что негативно повлияло на региональную безопасность.

В республиках региона появились тревожные ожидания из-за усиливающихся позиций боевиков *Исламского государства* на Ближнем Востоке и в Африке и возможных импликаций тревожных тенденций. Началось обсуждение преждевременности вывода международных коалиционных сил из Афганистана, что также отразилось на росте озабоченности в столицах стран региона по поводу развития ситуации в Афганистане после 2014 г.

Среди позитивных тенденций периода следует выделить состоявшуюся встречу президентов Узбекистана и Таджикистана в ходе саммита ШОС в Душанбе. Это вселило определенные надежды на потепление отношений между этими двумя государствами. Набирают обороты узбекско-туркменские отношения. В октябре состоялся очередной визит президента Узбекистана Ислама Каримова в Туркменистан. Такие встречи на высшем уровне становятся регулярными (раз в год), что позволяет оценивать эти отношения как стабильные и дружественные.

сторонами на переговорах в Египте, нарушалось несколько раз. 26 августа стороны достигли соглашения о бессрочном перемирии и ракетные обстрелы прекратились. 24 октября Израиль закрыл доступ верующих к Храмовой горе и начал строительство новых поселений в Иерусалиме.

Летом-осенью 2014 г. продолжились переговоры **Ирана** с шестеркой международных посредников по ядерной программе страны. Тем не менее сторонам не удалось согласовать текст всеобъемлющего соглашения по ядерной программе Ирана. МАГАТЭ в новом докладе по Ирану, опубликованном в начале сентября, заявило, что страна не выполнила условий соглашения по обеспечению прозрачности своей ядерной программы.

В **Йемене** вспыхнули акции протеста населения против установления контроля шиитами над Саной.

В **Центральноафриканской Республике** в сентябре в результате межрелигиозных столкновений погибли 50 человек.

В **Нигерии** боевики *Боко Харам* совершили нападения на ряд городов страны и захватили в плен мирных граждан.

В **Буркина-Фасо** 30 октября вспыхнули акции протеста после объявленного намерения президента Блэза **Компаоре** баллотироваться на новый срок; президент ушел в отставку, власть в стране перешла к военным.

В **Сомали** в межклановых столкновениях погибли 14 человек.

В Судане, Нигерии, Уганде и Кении имели место столкновения военных с боевиками.

- **АФГАНИСТАН–ПАКИСТАН.** В Афганистане 14 июня состоялся второй тур президентских выборов; каждый из кандидатов в президенты Афганистана, Абдулла **Абдулла** и Ашраф **Гани**, заявил, что считает себя победителем. 21 сентября было объявлено, что президентом страны стал Ашраф Гани.

В Пакистане летом вспыхнули антиправительственные демонстрации оппозиции, требующей отставки правительства Наваза **Шарифа**.

- **СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.** В Китае в начале августа в провинции Кашгар совершено нападение на полицию и правительственные здания.

В Гонконге в сентябре-октябре имели место столкновения между полицией и демонстрантами, требующими демократизации выборов. Власти острова провели переговоры с протестующими, но отказались реформировать избирательную систему.

КНДР летом-осенью осуществила несколько запусков ракет малой дальности в сторону Японского моря. 4 октября Пхеньян и Сеул договорились возобновить переговоры на высоком уровне. Между тем 19 октября на границе двух стран произошла перестрелка.

В Мьянме имели место межрелигиозные столкновения.

В Китае в начале ноября состоялся очередной саммит АТЭС.

ISI *Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая:* Состояние безопасности в мире остается серьезным, и улучшений нет. Начавшаяся конфронтация с боевиками группировки *Исламское государство* в Ираке и Сирии может привести к дальнейшему обострению ситуации на Ближнем Востоке.

Готовность Вашингтона использовать военную силу против исламистов — важный шаг. Но нескоординированные действия обречены на провал, и необходим широкий стратегический подход в борьбе с *Исламским государством* (ИГ). США пока не вовлекают в свою стратегию борьбы с исламистами широкий круг стран. Внутри стран Ближнего Востока нет четкого понимания последующих действий американцев в связи с исламистской угрозой.

Среди немногих позитивных тенденций периода следует отметить четкую приверженность Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива действовать сообща и совместно определять способы противостояния угрозам ИГ. Другим позитивным событием стало отстранение от власти в Ираке Нури ал-Малики.

Зимой 2014 г. безопасность в мире сохранится на нынешнем уровне. Если негосударственные акторы — исламистские группировки — решат распространить свою стратегию за пределы Ирака и Сирии и начнут вооруженную борьбу, ситуация в сфере безопасности еще больше ухудшится.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Колумбо — по электронной почте из Коломбо: Наметившееся в Южной Азии сближение между двумя ядерными государствами — Пакистаном и Индией, декларируемое во время встречи Наваза Шарифа и Нарендры Моди, не состоялось. Пакистанские военные умело воспользовались элементами внутренней политики, чтобы избавиться от Шарифа. Позитивным событием периода для региона стало умение нового премьера Индии поддерживать многополярный баланс между США, Россией и БРИКС.

- **ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ И ТЕХНОГЕННЫЕ АВАРИИ.** В Москве 15 июля несколько вагонов сошли с рельсов в метро; погибли 23 человека. На Тайване разбился пассажирский самолет, погибли почти 50 человек. На границе Мали и Буркина-Фасо разбился алжирский пассажирский самолет; погибли 119 человек. Вирус Эбола в Африке, землетрясение в Китае, наводнения в Болгарии и Индии в числе негативных событий периода.
- **ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА.** В **Чили** в августе манифестации студентов с требованием реформ в сфере образования переросли в массовые беспорядки. В **Венесуэле** летом-осенью имели место массовые протесты против политики властей. В **Мексике** в октябре прошли акции протеста с требованием найти пропавших 26 сентября студентов во время демонстрации против реформы образования. Теракты совершены в Ираке, Афганистане, Пакистане, Сирии, Ливии, Египте, Ливане, Нигерии, Сомали, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, Таиланде, Чечне. В середине октября цены на нефть начали расти после рекордного падения ниже 83 долларов за баррель.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ЭПОХА ТРЕВОГИ

*Развязаны дикie страсти
Под игмом ущербной луны...*

Александр Блок

Перерастание противостояния в Украине и вокруг нее в военно-политическую конфронтацию России и западного мира, появление Исламского государства, самого inferнального ныне порождения исламского экстремизма, эпидемия лихорадки Эбола, грозящая вырваться за пределы африканского континента, укрепляя представления о том, что с лета 2014 г. мировая политика, да и общественная жизнь в целом все более складываются под влиянием бесконтрольных темных иррациональных сил и патологических импульсов. Симптомы надвигающегося кризиса в Китае и ставшее неожиданным падение цен на нефть лишь подтверждают, что способность предвидеть развитие событий на международной арене более чем ограничена, а само это развитие приближается к какой-то новой фазе, кон-

туры которой просматриваются с большим трудом. Пользуясь выражением одного из крупнейших поэтов XX в. Вистена Хью Одена, наступает «эпоха тревоги»¹. Некоторым исключением на этом фоне стали выборы в Конгресс США: их результаты были предсказаны заранее. Вопрос, однако, в том, станут ли они началом все более необходимых перемен в американском и, в целом, в западном стратегическом дискурсе и практике или останутся очередным эпизодом политических качелей, в ходе которых демократы и республиканцы меняют друг друга в качестве партии большинства в американском конгрессе.

ПРОВАЛ ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Последствия сдвигов во внутренней политике Соединенных Штатов часто выходят за пределы их границ. Это естественное следствие роли, которую Америка, имеющая самые мощные и современные экономику и вооруженные силы, играет в мировой системе. Прошедшие 4 ноября 2014 г. промежуточные выборы в США не станут исключением из этого правила: новая расстановка сил в Вашингтоне так или иначе будет сказываться на внешней политике США и, соответственно, на глобальных международных отношениях.

Республиканская партия, известная под гордым названием *Великая старая партия*, добилась крупных успехов. Она укрепила свое большинство в палате представителей, где по предварительным данным, республиканцы имеют 243 голоса вместо 233, которыми располагали ранее. Демократы потеряли более 20 голосов. У них теперь 176 мест вместо 199. Но, самое главное — они утратили большин-

Евгений Бужинский (Россия), старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы: Несмотря на формальное прекращение огня на юго-востоке Украины и начало нанесения воздушных ударов силами международной коалиции, возглавляемой США, по позициям *Исламского государства*, состояние безопасности в мире продолжает ухудшаться.

С определенной натяжкой позитивным событием можно назвать переговоры президентов России и Украины на саммите «Азия–Европа» в Милане, а также прошедшие там же в рамках *нормандской четверки* переговоры канцлера Германии Ангелы Меркель и Владимира Путина. Но позитив исчерпывается самим фактом встреч и поддержанием диалога, так как никаких конкретных результатов по их итогам достигнуто не было.

Зимой 2014 г., думаю, состояние безопасности ухудшится. Не исключено, что после проведения парламентских выборов на Украине президент Петр Порошенко предпримет очередную попытку силового решения кризиса на Донбассе. Это приведет к возобновлению боевых действий в регионе с непредсказуемым результатом и спровоцирует дальнейшее ухудшение отношений России с Западом.

Авиаудары международной коалиции по позициям *Исламского государства* в Сирии в Ираке показали, что таким образом уничтожить исламистов невозможно. Необходима наземная операция. Возникает вопрос: чьими силами может быть проведена эта операция? США и их европейские союзники, включая Турцию, наверняка будут всячески уклоняться от непосредственного участия, а проведение сухопутной операции силами арабских стран Залива успех не гарантирует.

Мустафа Фетоури (Ливия), независимый аналитик и журналист — по электронной почте из Триполи: Несмотря на авиаудары по позициям Исламского государства, которые наносит международная коалиция, возглавляемая США, говорить о некоей единой стратегии против исламистов на Ближнем Востоке и в Африке не приходится. Скорее, пока речь идет о провалившейся коалиции стран под руководством Вашингтона.

Угроза исламистов будет распространяться вглубь Северной Африки и государств Сахеля. Фактически в Ливии сегодня базируются основные джихадистские группировки и поддерживают ИГ оружием, боевиками и деньгами. Происходящее вокруг ИГ будет напоминать то, что мы наблюдаем в Афганистане вот уже более 10 лет. Когда американцы вторглись сначала в Афганистан, а после в Ирак, они декларировали, что их главная цель уничтожение *Аль-Каиды*. Спустя столько лет мы видим, что не только *Аль-Каида* не уничтожена, но и появляются другие мощные исламистские группировки, распространяющие свое влияние от Пакистана до Нигера и Мали.

Зимой 2014 г. состояние безопасности ухудшится. После завершения кампании США против *Исламского государства* последует наземная операция, которая распространится далеко за пределы Сирии и Ирака. Ливия станет хабом для террористов, но их передвижение по региону будет затруднено. Вашингтон вновь окажется втянут в затяжной конфликт в регионе из-за решения вернуться в Ирак.

ство в Сенате: республиканцы победили в семи новых штатах, в том числе в традиционно демократических Мэриленде, Массачусетсе и Иллинойсе, и, соответственно, получили в верхней палате 52 голоса. Наконец, республиканцы избраны губернаторами в 31 штате из 50. Таким образом, на выборах 2014 г. сохранилась тенденция, появившаяся четыре года назад. В ноябре 2010 г. демократы потеряли 63 места в палате представителей и 6 мест в Сенате.

Дело, впрочем, не в этих цифрах, хотя они весьма красноречивы. Эксперты достаточно единодушно заметили, что американские избиратели голосовали не столько за республиканцев, сколько против демократов, а точнее, против нынешнего президента Барака Обамы. Но, представляется, поражение демократов — очевидное свидетельство провала попытки внедрить в Соединенных Штатах свойственную нынешней Европе леволиберальную социально-экономическую модель.

Недовольство большинства американцев вызывает навязанная Белым домом реформа здравоохранения. Не вдаваясь здесь в ее детали, можно лишь упомянуть, что гражданам США вменено в обязанность иметь медицинскую страховку; резко усилено государственное регулирование деятельности страховых компаний и медицинских учреждений, в том числе цен на медицинские услуги; страхование людей с низкими доходами ведется за счет государства. Соответствующие расходы федерального бюджета составят, по предварительным подсчетам, как минимум, около 1 трлн долларов. По оценкам республиканцев, они будут вдвое больше.

Не менее острые дебаты вызывает предлагаемая Обамой иммиграционная реформа, предполагающая легализацию более 13 млн незаконных иммигрантов, главным образом из Латинской Америки. Если она будет проведена, уже в ближайшие годы большинство американских избирателей будут составлять люди с низкими доходами, живущие за счет социальных программ и разного рода пособий, т. е. по сути дела за счет эффективно работающей части населения. Они будут определять исход выборов и, соответственно, политику правительства. Эта перспектива

никоим образом не устраивает здравомыслящую часть американского общества. В большинстве своем оно отвергает не только расширение государственного вмешательства как в экономику, так и в частную жизнь, но и, что еще важнее, идею о том, что нормально работающие и, соответственно, нормально зарабатывающие люди должны содержать тех, кто предпочитает, называя вещи своими именами, вести паразитический образ жизни.

Успех на промежуточных выборах показывает, что у республиканцев есть реальные шансы на победу на президентских выборах 2016 г., но не предопределяет ее. Более того, контролируя Конгресс, республиканская партия берет на себя немалую ответственность за положение дел в стране и ее внешнюю политику. Она не может ограничиваться критикой Белого дома, но должна представить позитивные, отвечающие интересам и ценностям американцев ответы на острые экономические и социальные проблемы, стоящие перед страной. И если в общественном мнении США сложится впечатление, что республиканцы просто воспользовались неприятием леволиберального курса Обамы, но не хотят или не могут выдвинуть конструктивную альтернативу этому курсу, перспектива их дальнейших успехов окажется призрачной. В свою очередь, о перспективах выборов 2016 г. задумываются в демократической партии, где ясно видят необходимость пересмотра ряда ключевых программных установок. В какой мере такой пересмотр устроит избирателей, пока не ясно.

Наблюдателей за пределами США, естественно, волнует вопрос: как получение республиканцами контроля над конгрессом скажется на американской внешней политике. В частности в Москве с опасением, а в Киеве с надеждой ждут, что в ближайшие месяцы Вашингтон ужесточит санкции против России, начнет поставлять в Украину современное оружие. Многие полагают, что США активизируют действия против Исламского государства. Хотя конгресс играет сравнительно небольшую роль в формировании внешней политики Соединенных Штатов, которая определяется главным образом президентом, его аппаратом и Государственным департаментом, такие и иные изменения в американской международной стратегии, вполне вероятны. Ни Белый дом, ни лидеры демократической партии, озабоченные перспективами будущих президентских выборов, не могут игнорировать, что американскому избирателю надоело постоянно получать плохие новости о событиях за пределами США.

Как бы то ни было, поиски альтернатив нынешней международной стратегии США неизбежны. Эксперты весьма критически оценивают итоги внешней политики

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте: Озабоченность стран Латинской Америки вызывают лишь внутренние проблемы, связанные с непрекращающимся трафиком наркотиков, ростом криминала, социальным неравенством, экономическими сложностями.

Другой, не менее важный повод для глобальной обеспокоенности — активизировавшееся противостояние двух мировых ядерных держав: США и России. Страны приступили к модернизации своих ядерных арсеналов. Несмотря на декларируемое сокращение ядерного оружия, ставшее результатом двусторонних договоренностей, ядерные возможности Москвы и Вашингтона увеличиваются. Это деструктивно влияет на процесс ядерного разоружения и нераспространения. Но важно отметить и другую тенденцию: все меньше ядерных держав стремится поддерживать свои ядерные арсеналы, оправдывая это необходимостью поддерживать национальную безопасность.

Николай Злобин (США), президент Центра глобальных интересов — по телефону из Вашингтона: Безопасность в мире осенью 2014 г. ухудшилась. *Исламское государство* укрепило свои позиции, усилилась угроза терроризма, ухудшилась коммуникация между большими державами по вопросам безопасности. Серьезной угрозой глобальной безопасности стал также вирус Эбола из Западной Африки, который грозит распространиться в государства Евросоюза, США и, не исключено, в Россию. В Америке уже зафиксирован случай заболевания этим вирусом, причем этот человек прошел всевозможные меры безопасности, но сумел скрыть факт контакта с больным Эболой. Но положительным является то, что американцы смогли привлечь внимание мировой общественности и ООН к проблеме вируса Эбола и задействовать большие финансы к борьбе с этим вирусом.

Ухудшение американо-российских отношений привело к тому, что Москва не стала союзником Вашингтона в борьбе с *Исламским государством*, хотя следовало бы, ибо исламисты — прямая угроза скорее для России, нежели для Америки. Игнорирование Кремлем сформированной коалиции по борьбе с исламистами создает определенную проблему для американцев, сокращая их возможности влиять на ситуацию на Ближнем Востоке и в Африке.

Москва погружена в украинский кризис. Между тем в США большого интереса к текущим событиям на Донбассе не проявляют, так как непосредственных национальных интересов США на Украине нет. Скорее усиливается глобальный тренд — нарастает негатив в отношении России. Начался он после присоединения Крыма к России, и сейчас по мере того, как сильно Москва вовлечена в украинские дела, этот негатив лишь усиливается. Даже достигнутое перемирие между властями в Киеве и ополченцами в Донецкой и Луганской областях Украины не переломило отрицательное отношение на Западе к России.

Зимой 2014–2015 г. негативные тенденции в мире будут нарастать. Ситуация в Сирии и Ираке, отношения России с мировым сообществом, противостояние на Украине будут определять повестку дня. США будут чувствовать ухудшение международной обстановки и по мере поступления угроз адекватно реагировать на него. Я думаю, произойдет ухудшение американской политики зимой.

Барак Обама. «Благодаря ему США получили репутацию друга, которому нельзя верить, и врага, который не опасен. ...Он инициировал поворот в сторону Азии и вооружение умеренных сирийских повстанцев и отказался и от того, и от другого. Он разрушает вооруженные силы. Он постоянно демонстрирует свое безразличие, следует дурным советам и потрясающе плохо информирован». Америка, считают некоторые сторонники республиканцев, должна отказаться от попыток внедрять демократию в тех странах и районах мира, которые к ней не готовы, вернуться к роли *мирового полицейского*, поддерживающего международный порядок, укрепить с этой целью свои вооруженные силы. В какой мере такие идеи будут реализованы во второй половине 2010-х гг. пока не ясно. Но ясно другое: либо США вернуться к привычной им роли гипердержавы, либо нестабильность в мире может достичь весьма опасного уровня.

«КОЛОСС РОДОССКИЙ НА ГЛИНЯНОМ ЦОКОЛЕ...»

У Александра Вертинского есть стихотворение о Шанхае. Воспроизвести его полностью невозможно — *Индекс Безопасности* не предназначен для поэтических экзерсисов. Но одно четверостишие стоит упомянуть, особенно имея в виду, что Шанхай — средоточие и символ финансовой мощи Китая:

*Это Колосс Родосский на глиняном цоколе,
Это в зыбком болоте увязший кабан,
И великие ламы торжественно прокляли
Чужеземных богов его горький обман.*

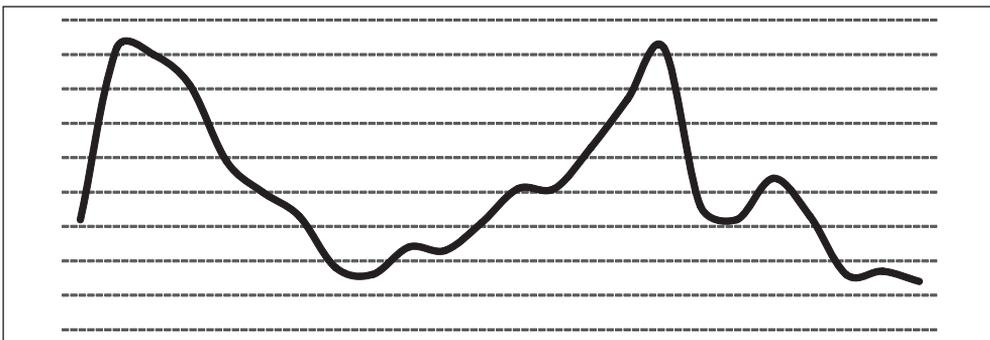
Эти строки написаны 75 лет тому назад, но приходят на ум каждый раз, когда появляются сообщения о надвигающемся кризисе китайской экономической модели. Причина его — не проделки великих лам и чужеземных богов (если только не иметь под ними в виду транснациональные корпорации), а обстоятельства, куда более прозаические. «...Китайская экономика, — заметил недавно один из ведущих экономических гуру Нуриель Рубини, — в разгаре структурного спада, из-за которого следующие два года Китай будет расти на 5%, вместо сегодняшних 7%. В то же время столь разрекламированные реформы, которые должны были сбалансировать экономический рост, инвестиции и внутренний спрос отложены до того момента, пока председатель КНР Си Цзиньпин не консолидирует власть. Китай может избежать жесткой посадки, но ухабистое приземление почти гарантированно»².

Вопрос о том, выдержит ли китайская экономика накапливающиеся в ней проблемы, остается открытым. Но не случайно в октябре 2014 г., когда было сообщено, что темпы роста ВВП в III квартале в годовом выражении составили 7,3%, умножились тревожные размышления о будущем Китая.

Для большинства стран такие темпы являются недостижимой мечтой. Но для Китая, где средние темпы роста в последние два с лишним десятилетия составляли около 10%, их сокращение до 7–7,5%, не говоря уже о более низких показателях, может иметь тяжелые последствия. Сверхвысокие темпы роста необходимы для создания рабочих мест для сельских жителей, массово переселяющихся в города. По планам нынешнего китайского руководства, к 2020 г. из деревенской местности в города должны перебраться 200 млн человек³. Кроме того, снижение темпов роста грозит крахом финансовой пирамиды, образовавшейся в последние годы в банковском секторе.

Для того чтобы сначала амортизировать влияние глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., а затем поддержать высокие темпы роста, китайские власти накачивали экономику дешевыми, часто ничем не обеспеченными кредитами. Они

Рисунок 1. Темпы роста ВВП Китая, 1991–2014 гг. (по данным МВФ, в %)

Источник: International monetary fund. WEO Database; <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/weose1gr.aspx>.

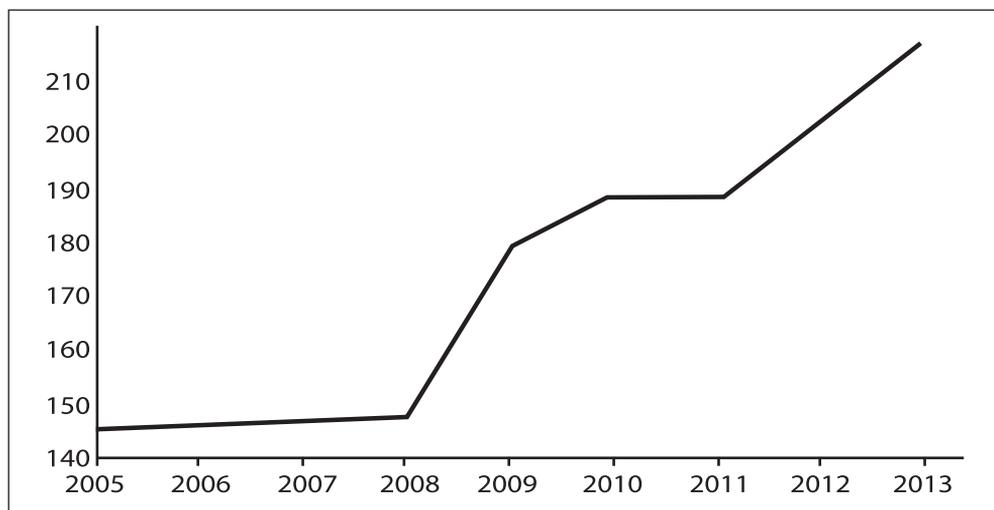

предназначались в основном для реализации престижных дорогостоящих инфраструктурных объектов, не дающих быстрой отдачи или заведомо убыточных; массового строительства, а также поддержки крупных государственных предприятий. Только в 2009–2013 гг. таких кредитов было выдано на 13 трлн долларов⁴. Итогом стал рост государственной и корпоративной задолженности, достигшей в 2013 г. 217% ВВП.

Сама по себе такая задолженность не опасна, но в сочетании с другими негативными явлениями может иметь тяжелые последствия. В частности в Китае форсированное строительство и поддержка государственных компаний не сопровождались соответствующим ростом внутреннего потребления, а роль экспортной экспансии в экономике постепенно сокращается. Последнее во многом обусловлено ростом заработной платы в промышленности и повышением внимания к экологическим проблемам, что, соответственно, оборачивается увеличением издержек производства. В итоге иностранные корпорации все менее охотно вкладывают средства в Китае, предпочитая переносить производство в страны Юго-Восточной Азии, где уровень жизни ниже, а экологическое и социальное законодательство существенно мягче, чем в Китае.

Недостаточный спрос вызвал кризис на рынке недвижимости, куда были вложены очень крупные инвестиции, требовавшие огромных кредитов. «Раньше, — отмечал китайский экономист Ма Гуаньюань, — говорили, что в Китае не хватает жилья. Сегодня ситуация полностью изменилась. Примерно в 80% городов больше предложения, чем спроса. ...Конкуренция на рынке недвижимости очень жесткая — застройщики на грани выживания. В ближайшие 5 лет, скорее всего, с рынка уйдет 80% девелоперов»⁵. Далее, сочетание массированного льготного кредитования и форсированного строительства привело к огромным избыточным мощностям в производстве стали, цемента, стекла, угля и т. д. Падение спроса на продукцию этих отраслей вызвало нарастающие трудности с погашением взятых ими кредитов. Стала реальной перспектива банковского краха, чреватого тяжелыми последствиями для экономики в целом.

Рисунок 2. Динамика государственного и корпоративного долга КНР, 2005–2013 гг. (% ВВП)

Источник: Mark Whitehouse. *Is China's Bubble the Next Financial Crisis?* October 9, 2014. — <http://www.bloombergvew.com/articles/2014-10-09/is-china-s-bubble-the-next-financial-crisis>.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Состояние безопасности в мире в октябре-ноябре продолжило ухудшаться. Наиболее негативным событием периода стало усиление позиций *Исламского государства* в Сирийском Курдистане. Определенные надежды на улучшение ситуации связаны с активизировавшимися ударами по боевикам *Исламского государства* со стороны Ирана, правительственных войск Башара Асада в Сирии, иракской армии и ВВС западных стран. Ухудшение региональной ситуации связано также с резким обострением ситуации в Северном Афганистане на границе Туркменистана и Таджикистана. Оперативная обстановка на Синайском полуострове по-прежнему остается весьма напряженной, несмотря на то что египетские власти ввели на полуострове военное положение, стремясь сдержать проникновение исламистов вглубь региона.

Слабость финансовой системы — важный, но не главный фактор потенциального кризиса в Китае. Его ключевая причина — огромная масса нищего и бедного населения и достигший опасного уровня разрыв в доходах. Так, в июле 2014 г. Пекинский университет опубликовал доклад, согласно которому в 2012 г. коэффициент Джини достиг 0,73. При этом, говорится в докладе, 1% самых богатых принадлежит более трети, а самым бедным 25% жителей — около 1% активов страны⁶. Между тем уже давно замечено, что если коэффициент Джини превышает 0,55–0,60, вероятность социального кризиса и политического взрыва становится весьма высокой.

Предотвращение такого развития событий в китайском руководстве видят в сочетании углубляющихся рыночных реформ, переходе к более низким, чем ранее, темпам роста — примерно 7,5% в год, и стимулировании внутреннего спроса. С приходом к власти в ноябре 2012 г. Си Цзиньпина экономические реформы получили новый импульс. Однако их реализация вызывает сомнения. Углубление рыночных реформ тормозится сопротивлением влиятельных фракций в высших кругах партийного руководства. Снижение темпов роста и проведение *устойчивой и здоровой денежно-кредитной политики*, необходимые для предотвращения краха банковской системы, сокращают внутренний спрос и, соответственно, еще более замедляют рост. Это усугубляет ситуацию с занятостью и тормозит решение проблемы массовой бедности. Последняя, в свою очередь, является социальной средой, порождающей неомоистские и эгилитаристские настроения.

В итоге Китай превращается в фактор неопределенности глобального масштаба, но, в какой мере крупнейшие политики и лидеры мирового бизнеса осознают это обстоятельство, неясно. Многие по инерции видят в Китае лишь быстро растущую гипердержаву, способную через 10–15 лет бросить вызов американскому могуществу не только в Азии, но и в глобальном масштабе. Такой сценарий, разумеется, не исключен. Но все более вероятно иное развитие событий — нарастание в Китае экономической и социальной нестабильности. Время покажет, какой из этих сценариев опаснее.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Падение цен на нефть, начавшееся в июне 2014 г., является постоянной темой обсуждения в мировых СМИ и экспертных кругах. Эти дискуссии концентрируются вокруг двух основных вопросов: является ли это падение результатом кумулятивного действия нескольких преходящих обстоятельств, как это уже было раньше и, если да, то каких именно, или же оно отражает долговременную тенденцию,

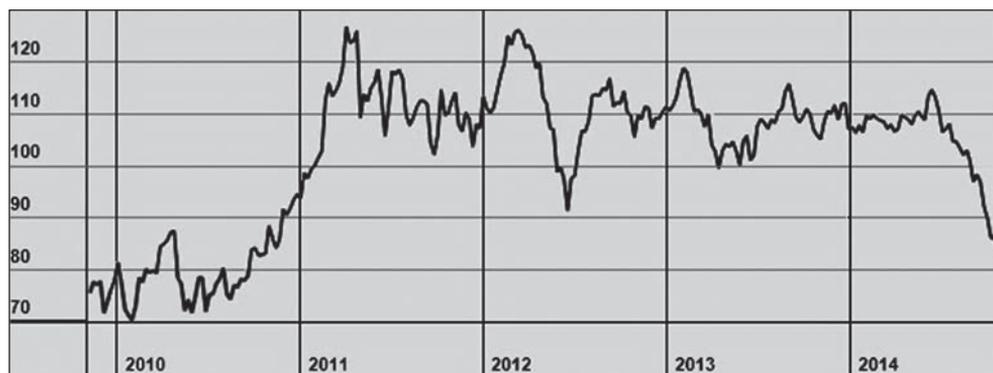
в основе которой лежит технологическая перестройка мировой энергетики, которую можно назвать *энергетической революцией*. На деле, однако, противопоставлять два этих подхода не совсем правильно. Вполне возможно, что нынешнее падение цен на нефть вызвано сочетанием относительно краткосрочных факторов; оно, однако, вполне может стать предвестником принципиальных перемен на мировом энергетическом рынке.

Обычно снижение цен на нефть в 2014 г. объясняют тремя обстоятельствами. Во-первых, замедлением темпов роста ВВП в Китае, о чем только что говорилось. Во-вторых, ростом добычи сланцевой нефти в США: с 2008 г. она выросла примерно в 6 раз, достигнув в 2013 г. 2,35 млн баррелей в день (мбар/д)⁷. В-третьих, прекращением в США в конце октября 2014 г. третьей программы *количественного смягчения*⁸. Свою роль играют ожидания того, что к концу десятилетия крупным поставщиком нефти и газа на мировой рынок станет Иран, имеющий четвертые в мире доказанные запасы нефти и первые — газа.

Нередко к этому добавляют предположение, что снижение цен вызвано стремлением Саудовской Аравии сорвать освоение американских сланцевых месторождений, сделав добычу там нефти нерентабельной. Оно основано на весьма спорных оценках Дойче банка, утверждающего, что добыча сланцевой нефти в США экономически рентабельна только при ценах выше 80 долл./бар.⁹ Так, исполнительный директор Международного энергетического агентства Мария ван дер Хевен подчеркнула недавно, что добыча 82% американской сланцевой нефти будет рентабельной при ценах 60 долл./бар. и даже ниже¹⁰. Имеются и другие оценки, подтверждающие, что добыча сланцевой нефти рентабельна при ценах от 40 до 60 долл./бар., в зависимости от характера и состояния месторождения.

Наконец, известное распространение получило утверждение, что снижение цен на нефть вызвано попыткой американского и саудовского руководства нанести тяжелый ущерб российской экономике с тем, чтобы заставить Москву изменить свою внешнюю политику или вообще спровоцировать падение нынешнего режима. Полностью исключать такого рода намерения нельзя. В Вашингтоне считают Кремль ответственным за кризис в Украине и вокруг нее, а в Эр-Риаде раздражены поддержкой со стороны Москвы режима Башара Асада в Сирии и постоянным флиртом с Тегераном. Поэтому использование нефтяного оружия против России было бы со стороны этих стран вполне естественным. Однако сколько-нибудь достоверных подтверждений этому нет.

Рисунок 3. Динамика цен на сырую нефть Brent, 2010–2014 гг. (доллар/баррель)

Источник: *The Financial Times*. <http://markets.ft.com/research/markets/Tearsheets/Summary?s=IB.1:IEU>.

Указанные причины снижения нефтяных цен трудно назвать конъюнктурными и преходящими. Но они — лишь часть тех процессов, которые вызвали к жизни гораздо более масштабные изменения в мировой энергетической ситуации, которые в совокупности, можно назвать *энергетической революцией*. Она, как и любая другая революция в экономике, возможна при двух условиях. Первое — имеются доступные технологии, применение которых рентабельно и может вызвать желаемые результаты либо в глобальном, либо в региональном масштабе. Второе — положительный эффект этих изменений превосходит возможные негативные их последствия. Особенно важно применение технологических инноваций, предотвращающих реальные или потенциальные кризисы.

С начала 2000-х гг. ситуация в мировой энергетике складывалась весьма противоречиво. С одной стороны, рост цен на углеводороды стимулировал поиски и внедрение энергосберегающих технологий, альтернативных источников энергии и освоение труднодоступных запасов нефти и газа. Но, с другой — росли издержки производства, замедлялся, соответственно, экономический рост и, самое неприятное, добыча нефти и газа все более концентрировалась в узком круге стран, правящие круги большинства которых воспринимались как недостаточно надежные партнеры, склонные использовать свое уникальное положение в целях политического давления или поддержки различных экстремистских движений.

Ситуация усугублялась многочисленными прогнозами, предсказывавшими исчерпание доступных ресурсов нефти и газа в обозримом будущем и, следовательно, постоянный рост цен на них. Такие представления не учитывали или учитывали далеко не полностью наличие крупных ресурсов нетрадиционных углеводородов: сланцевых нефти и газа, сверхтяжелой нефти, нефти из битуминозных песков, керогена, газовых гидратов и некоторые других, запасы которых в несколько раз превышают пригодные к разработке ресурсы традиционных легкодоступных нефти и газа. По умолчанию предполагалось, что в обозримый промежуток времени не будет создано практически применимых технологий их добычи.

Эти прогнозы все более оказываются несостоятельными. Уже сегодня в полную силу действуют два фактора, меняющие положение дел в мировой энергетике: начало разработки сланцевых нефти и газа, а также ширящееся распространение технологий сжижения газа и его танкерных перевозок.

Таблица 1. Запасы сланцевых и традиционных нефти и газа, извлекаемых с помощью имеющихся технологий

	Сланцевые месторождения	Традиционные месторождения
Нефть	345 млрд бар.	1690 млрд бар.
Газ	204 трлн м ³	186 трлн м ³

Источники: Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. US Energy information administration. June 13, 2013. <http://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/#box2>; BP Statistical Review of World Energy. BP. June 2014. P. 6, 20.

Освоение сланцевых месторождений, особенно месторождений газа, резко расширяет географию поставок, подрывая тем самым уникальное положение нескольких крупнейших экспортеров и их способность использовать это положение в политических целях. По оценкам ИМЭМО РАН, через 20 лет нетрадиционный, главным образом сланцевый, газ «составит 10% от общего производства, радикально меняя структуру и ценообразование на рынке. ...Благодаря сланцевому газу США уже смогли обеспечить свои потребности в данном виде топлива. ...Вскоре Северная Америка выйдет на мировой рынок [сжиженного природно-

го газа] СПГ как поставщик, что даже при небольших объемах может перекрыть мировые потоки газа и, главное, изменить ценообразование на СПГ с частичной привязкой к американскому Генри Хаб. <...> Это может иметь крайне негативные последствия для России (которая впервые начнет конкурировать с США на всех своих основных экспортных рынках)»¹¹.

Появляются новые, весьма перспективные технологии добычи сланцевых нефти и газа, в том числе метод пропанового разрыва, снимающие экологические озабоченности. Вместо воды для разрыва газоносных и, в перспективе, нефтеносных пластов используется сжиженный до состояния геля пропан, который затем полностью растворяется в нефти и извлекается из пласта в процессе добычи. Если эта технология оправдывает себя, можно ожидать начала форсированной разработки сланцевых месторождений в Европе, которая сейчас сдерживается сопротивлением экологически озабоченных кругов¹².

Второй ключевой элемент нынешней *энергетической революции* — быстрое распространение технологии сжижения газа и его морских перевозок. СПГ сейчас составляет примерно одну треть мировой торговли газом.

Таблица 2. **Мировой импорт газа, 2013 г., млрд м³**

	Трубопроводный газ	СПГ
Северная Америка	123	12
Центральная и Южная Америка	19	20
Европа	397	52
Бывший СССР	84	0
Ближний Восток	25	4
Африка	6	0
Азиатско-Тихоокеанский регион	56	238
Итого	710	326

Источник: *BP Statistical Review of World Energy. BP. June 2014.*

Ожидается, что к середине 2030-х гг. поставки СПГ будут составлять более половины мировой торговли газом, что приведет к появлению новых стран и регионов — экспортеров газа. В частности в последние годы очень быстрыми темпами растет роль Австралии, на заметные места в мировой торговле СПГ выходят Индонезия, Ангола, Малайзия и ряд других стран. Теряет смысл освоение арктических месторождений, особенно в Северном Ледовитом океане: затраты становятся слишком велики. Одно из проявлений этого — отказ от Штокмановского проекта, который еще недавно рассматривался как стратегически важный для России. Поставлен под вопрос крупнейший контракт с Китаем, поскольку цены на газ, который должен поставляться по газопроводу *Сила Сибири*, привязаны к ценам на нефть, предсказывать которые сегодня мало кто берется. Впрочем, любые прогнозы развития мировых рынков нефти и газа доверия не вызывают: ни один из них, сделанных ранее, не оправдался, в том числе в результате появления новых прорывных технологий.

УКРАИНА: ТРУДНЫЙ СТАРТ

Выборы в Верховную Раду, состоявшиеся в конце октября 2014 г., подтвердили основные тенденции трансформации украинской политической системы.

Таблица 3. Предварительные итоги выборов в Верховную Раду 26 октября 2014 г.

	Одномандатный округ		Мажоритарные округа	Всего депутатов
	% голосов	количество депутатов	количество депутатов ^{а)}	
БПП	21,82	63	71	134
Народный фронт	22,14	64	17	81
Самопомощь	10,98	32	1	33
Оппозиционный блок	9,43	27	2	29
Партия О. Ляшко	7,45	22	0	22
Батькивщина	5,68	17	2	19
Свобода	4,71	0	5	5
Другие партии	17,79	0	4	4
Самовыдвиженцы	–	–	96	96
Итого	100,00	225	198	423

Источники: Данные ЦИК Украины (<http://www.cvk.gov.ua>) и Ukraine-elections (http://ukraine-elections.com.ua/election_data/vybory_result/parlament/2014-10-26).

^{а)} Количество мажоритарных избирательных округов — 198 меньше 225, поскольку выборы в оккупированных районах Крыма, Донецкой и Луганской областей не проводились. В данной таблице указаны кандидаты в депутаты, получившие большинство голосов. К моменту написания обзора ЦИК Украины были утверждены 168 из них.

Голосование по одномандатному округу, т. е. по партийным спискам, показало, что более 70% украинских избирателей, принявших участие в выборах, поддерживают партии, выступающие за интеграцию в европейские экономические и политические институты. При этом пропрезидентский *Блок Петра Порошенко* (БПП) является наиболее умеренной силой в этой части политического спектра: *Народный фронт*, партия О. Ляшко и *Батькивщина*, не говоря уже о *Свободе*, занимают более радикальные позиции относительно противостояния с Россией, минским договоренностям, подходов к донбасским и луганским сепаратистам и т. п.

Несмотря на то что БПП не получил большинства по партийным спискам, у него будет самая крупная фракция в Верховной Раде (134 депутата), благодаря тому, что ему удалось обеспечить победу 71 кандидату в депутаты по мажоритарным округам. Тем не менее БПП не контролирует Верховную Раду, что предопределяет необходимость формирования эффективной коалиции с *Народным фронтом* и либо с *Самопомощью*, либо с *Батькивщиной*. Последнее менее вероятно, поскольку в этом случае придется предоставить значимое место в правительстве Юлии Тимошенко, что никоим образом не отвечает интересам Порошенко и его политических партнеров — соперников из *Народного фронта*.

Оппозиционный блок (остатки *Партии регионов*), компартия Украины и партия С. Тигипко (*Сильная Украина*) в общей сложности получили примерно 16,5% голосов избирателей. При этом явка избирателей в регионах, где такого рода силы традиционно пользовались более или менее значимой поддержкой населения — Донбасс, восток и юг — была значительно ниже средней по Украине.

О
Б
З
Р
О
Р
В
Ы
П
Р
О
Ц
Е
С
С
О
В

Таблица 4. Явка избирателей на выборах в Верховную Раду, 26 октября 2014 г.

РЕГИОН/ОБЛАСТИ	% явки
УКРАИНА в целом	52,5
ДОНБАСС/Донецкая и Луганская	32,6
ВОСТОК/Днепропетровская, Харьковская, Запорожская	46,8
ЮГ/Николаевская, Одесская, Херсонская	41,2
ЦЕНТР/Киевская, Кировоградская, Полтавская, Винницкая, Житомирская, Сумская, Черниговская, Черкасская, г. Киев	56,0
ВОЛЫНЬ/Волинская, Ровенская, Хмельницкая	61,6
ГАЛИЧИНА/Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская	67,3
ЗАКАРПАТЬЕ И БУКОВИНА	46,6

Источник: *Ukraine-elections* (http://ukraine-elections.com.ua/election_data/vybory_result/parlament/2014-10-26).

Это можно объяснить тем, что на Донбассе и юго-востоке страны сохраняются унаследованные от советского периода симпатии к типичным для того времени патерналистским и эгалитаристским архетипам, однако их носители не находят сил и персонажей, способных представить их интересы в украинском парламенте. Наконец, многие украинские наблюдатели и СМИ обращают внимание на то, что БПП получил вдвое меньше голосов избирателей, чем сам Петр Порошенко на президентских выборах в мае 2014 г., расценивая это как результат нарастающего недовольства политически активной части населения политикой президента. Одни объясняют это недовольство недостаточно жесткой линией Киева в отношении России, крымских и донецких сепаратистов, другие — неспособностью высшей власти найти политическое решение донецкой проблемы. И та, и другая позиция являются результатом, как представляется, не столько недостатков политики Порошенко, сколько психологической усталости населения от пертурбаций зимы 2013/2014 гг., потери Крыма, войны на Донбассе, экономического кризиса и доминирования негативной информации в СМИ. Еще более важным был происшедший весной 2014 г. всплеск ожиданий быстрых положительных изменений как в экономике, так и в политической системе. Смена высшего руководства не привела и, что необходимо подчеркнуть особо, не могла сразу же привести к обновлению бюрократии, военного командования и смене ключевых фигур в органах безопасности, пронизанных российской агентурой. Неизбежными были падение производства и другие провалы в экономике. Были все основания ожидать военного поражения в Донбассе, учитывая практически полное отсутствие у украинского военного командования опыта боевых действий и многолетнюю деградацию вооруженных сил.

Но самое важное в другом. Политика Порошенко и его готовность учитывать соотношение сил позволили добиться передышки в военных действиях на Донбассе, смягчить последствия военной катастрофы, происшедшей в двадцатых числах августа, и не допустить еще более тяжелого поражения украинской армии. Кроме того, в Украине складываются предпосылки преодоления острого и на самом деле неизбежного постреволюционного политического и экономического кризиса. Можно ожидать, что новый состав парламента в начале 2015 г. одобрит пакет законов, создающих юридическую основу реформ. Осознана необходимость кардинального кадрового обновления армейского руководства, правоохранительных ведомств и органов безопасности. В ходе Майдана и, затем, войны на Донбассе выдвинулось поколение новых лидеров. Предпринимаются серьезные усилия

Андрей Картунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Принятая в Совбезе ООН резолюция по борьбе с международным терроризмом подтверждает, что взаимодействие России и США в борьбе с международным терроризмом остается важной задачей. На мой взгляд, и Россия, и США, несмотря на сложные отношения, воспринимают это сотрудничество как позитивное. Но нанесение американцами ударов по Ираку и Сирии воспринимается в Москве не только и не столько в контексте борьбы с терроризмом. В Москве видят в этом продолжение привычной линии США на игнорирование норм международного права и нарушение суверенитета государств без явного их согласия на проведение таких операций.

Поддержав резолюцию, Россия подала сигнал, что готова к сотрудничеству в борьбе с террористами, в том числе с *Исламским государством*. Но эту поддержку не следует расценивать как индульгенцию на совершение любых подобных шагов, которые идут вразрез с нормами международного права. В Вашингтоне вряд ли прислушаются к критике Москвы, но и игнорировать ее не смогут. Без участия России действия американцев в борьбе с исламистами будут заведомо неэффективными.

по укреплению вооруженных сил, первые результаты которых могут появиться уже к лету 2015 г.

СЦЕНАРИИ КАТАСТРОФЫ

Осенью 2014 г. военно-политическое и экономическое противостояние России и Запада приобрело устойчивый характер и достигло весьма высокого уровня. Ученые, журналисты и политики спорят о том, является ли оно воспроизведением в нынешних условиях холодной войны второй половины XX в. или же это новое явление, природа и механизмы эскалации которого пока не изучены и даже не проявились в полной мере. Дискуссии на эту тему, бесспорно, интересны в академическом отношении, но в практическом плане их значение невелико.

Как это часто бывает в политической науке, ответ на поставленный вопрос зависит от определения исходных понятий — в данном случае от того, что именно понимается под холодной войной, а также от оценок движущих сил политики противостоящих друг другу субъектов международных отношений, их стратегических целей, восприятий противника и ряда других факторов. Все эти проблемы являются объектом споров, в которых сталкиваются несовместимые и нередко прямо противоположные точки зрения. В свете этого, не затрагивая здесь и сейчас политических аспектов противостояния России и западных государств и не повторяя хорошо известные аргументы, важно было бы оценить наиболее опасные сценарии развития событий с тем, чтобы в дальнейшем искать пути и средства их предотвращения.

В настоящее время сложились два основных узла военного противостояния, вовлекающих в себя Россию, а также в той или иной степени страны НАТО и Украину. Первый возник в южной части Балтийского региона. В случае, если политическая напряженность в этой зоне перерастет в конфликт, а последний — в вооруженные столкновения, Североатлантический альянс будет вынужден выбирать между тремя вариантами действий, каждому из которых соответствует определенный уровень эскалации:

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ в Бишкеке — по электронной почте из Бишкека: Запад продолжает политику санкций в отношении России. Причина этого — недоверие мирным соглашениям, достигнутым между сторонами украинского конфликта. США и западные партнеры оказывают давление на Россию, выражая так свое неприятие нарушения территориальной целостности Украины и захвата территории Крыма.

Санкции введены с намерением оказать асимметричное экономическое давление на Россию. Полагается, что санкции будут более губительны для Москвы, нежели для ее европейских партнеров. Но позиции ЕС и США по санкциям расходятся. Европейцы надеются, что процесс остановится и новых вызовов территориальной целостности Украины не последует.

Энергетическая безопасность Европы зависима от маршрутов и поставок газа из России. Транзит российского газа через Украину, Белоруссию по Северному потоку — весьма чувствительная тема для европейцев. Газопровод *Южный поток* будет построен не ранее 2015 г. Ценность этого трубопровода для Европы лишь в том, что газ будет поставляться в Европу, минуя Украину, — через российский же трубопровод. Но зависимость Европы от российского газа этот трубопровод не решит.

События вокруг Украины и России — это тот момент, когда страны Европы жалеют о том, что не поддержали строительство трубопровода *Набукко* даже несмотря на отсутствие в проекте бизнес-логики. Страны, которые могли бы поставлять газ для *Набукко*, также разделяют сожаление европейцев по поводу несостоявшегося строительства. Сегодня многие страны — поставщики газа, такие как, например, Туркменистан столкнулись с монополистической позицией других стран. Так, Ашхабад из-за отсутствия альтернативных трубопроводов вынужден поставлять большую часть своего газа Китаю. Казахстан и Азербайджан также особо не полагаются на диверсификацию экспорта своих энергоносителей в западном и восточном направлениях.

Россия и Украина чрезмерно политизируют газовую политику. Стороны предъявляют друг другу претензии, по-разному интерпретируя одни и те же факты. Это лишь подтверждает, что в основе диспута в основном лежат политические претензии, которые вряд ли обеспечат спокойствие на энергетическом рынке. Сомнительно, что это в интересах Российской Федерации.

- попытаться выиграть потенциальный конфликт низкой интенсивности, получивший после событий в Крыму и на Донбассе название *гибридная война*, используя войска прибалтийских государств и четырехтысячные силы быстрого развертывания НАТО, часть которых размещается в Прибалтике на основе непрерывной ротации;
- попытаться предотвратить эскалацию военных действий путем упреждающего развертывания в Прибалтике и Польше вооруженных сил в масштабах, например, предусмотренных планом *Eagle guardian* (9 американских, британских и немецких дивизий);

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Блокада боевиками Исламского государства, населенного курдами города Кобани в Сирии, была в центре внимания на Ближнем Востоке в течение всей осени. Последствия этой блокады имели весьма негативные последствия для региона. В противостоянии курдов и исламистов выявилось турецкое отношение к проблеме. Стало очевидно, что политика Анкары в Сирии имеет четкую антикурдскую направленность. Турция отказалась предоставить помощь курдам, сражающимся с боевиками в Кобани. Это привело к беспорядкам курдов в самой Турции и подорвало решение курдского вопроса для страны.

Сдерживающим фактором стало то, что США нанесли серию ударов с воздуха по Кобани, что помогло сдержать натиск исламистов. Но *Исламское государство* не может быть повержено с воздуха. Если бы Кобани пал, курдское восстание захлестнуло всю Турцию и повергло страну в хаос. Американские авиаудары на время сдержали подобные риски.

восьмерками и двадцатками мы наблюдаем почти броуновское движение, в котором возникают союзы, немыслимые еще пять лет назад. А институты, казавшиеся ключевыми (например, ОБСЕ или ПАСЕ) оказываются в общем-то никому особенно не нужными, почти фикцией. Этот мир раздражает, этот мир стремится объявить *флуктуацией*, результатом деятельности одного политического лидера, якобы закомплексованного и изолированного. Но, согласимся, к ноябрю 2014 г. этот мир стал существенно более реальным и операционно пригодным, нежели был в марте-апреле 2014 г., когда российский триколор поднялся над Крымом. Этот мир отвоёвал себе вполне приличное пространство для развития, причем как в политическом плане, так и в экономическом. Собственно, в этом главная суть геополитических и силовых процессов, которые мы наблюдали, начиная с весны 2014 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОТ ПРОЦЕССНОСТИ К ПРОЕКТНОСТИ

Разница между новым миром и, условно, старым проста донельзя. Последние 15 лет мир в той или иной степени существовал в рамках процессности. Это требовал и финансовый капитализм, который в принципе не предполагает конечного результата, просто перерастание одного процесса в другой, и *новый мировой порядок*, где только США имели право на силовые действия, да и *глобальная политика* в целом, где доминировали США, их сателлиты, а главное, — американское глобальное видение. Все это называлось стратегическим развитием, но таковым совершенно не было. Все разговоры о наличии какой-то глубоко проработанной долгосрочной стратегии по большей части оказались лишь разговорами, которые прикрывали всего лишь суету. Которая, суета, оказалась совершенно деструктивной, что в мировой экономике, что в мировой политике. Процессность — это не стратегия; это всего лишь изначальная фиктивность прогнозируемого результата. Такой мир мог существовать сравнительно долго, но только до первого кризиса. Потому, что кризис — это всегда развитие, а фиктивность и процессность развития не предусматривают.

Начинается время проектности. Политической, экономической, гуманитарной и силовой. Проектность, порой, бывает, хаотична, поскольку проекты не всег-

да ложатся в какую-то единую линию. Не все проекты оказываются удачными. Но проект предполагает движение из пункта А в пункт Б, в котором четко понятны и тот и другой. Проект может не получиться, сорваться (как например, сорвался пока в результате интриг интересный проект создания Евразийской атомно-энергетической корпорации), но он должен быть прозрачен, логичен, конкретен и конечен. Проектность, в конечном счете, — это тактика, возведенная в статус стратегии и ставшая системной основой планирования.

В сфере международной безопасности переход от процессности к проектности будет более болезнен, чем где-либо. Слишком много в этой сфере *процессов*, слишком мало, вернее, почти нет, *проектов*, а главное — под процессы были сконфигурированы многие международные и наднациональные институты.

И как тут не задать несколько, казалось бы, странных вопросов, касающихся современной мировой политики и глобальной безопасности, причем только в той ее части, которая в значимой форме проявилась в последние полгода:

- ❑ Российско-китайское стратегическое партнерство — это процесс или проект? Хотя, справедливости ради, этот вопрос надо будет задать лет через пять: пока нас в данном случае устроит и процесс.
- ❑ Расширение НАТО — это процесс или проект? Хорошо бы на этот вопрос ответило обновленное руководство альянса.
- ❑ Развитие ОДКБ — это процесс или проект? Вообще история ОДКБ — это хороший пример, чтобы продемонстрировать разницу между военно-политическим процессом и военно-политическим проектом. ОДКБ — это, конечно, процесс, причем процесс, который уже давно не имеет даже формально обозначенного ориентира. А вот создание *силового коридора* (назовем его *коридор безопасности* — суть от этого не изменится) на Армению и формирование принципиально новой геополитической ситуации на южных подступах к России — это проект¹³. Причем очень важный, хотя пока он выглядит несколько нереалистично — всего лишь как элемент информационного давления на Грузию.
- ❑ Американская военная гегемония — это процесс или проект? Правда, боюсь, что даже сам Барак Обама полноценно на этот вопрос ответить не сможет. Настолько переплелись в американской военной мощи виртуальное и реальное. Думается, что то прискорбное обстоятельство, что американские политики и сами утратили способность отличать *виртуальный*, фактически выдуманный потенциал США от реального, и является одним из наиболее важных дестабилизирующих факторов в современной глобальной безопасности.
- ❑ Формирование ЕАЭС и наполнение его — неизбежное, впрочем — политическим содержанием — это процесс или проект? К слову, от ответа на этот вопрос будет зависеть, как далеко мы можем пойти на уступки нашим партнерам, которые, кажется, наглеют.
- ❑ И наконец, нераспространение ядерного оружия, контроль над имеющимися ядерными потенциалами — это процесс или проект? Если это процесс, тогда многое в глобальном нераспространении в последние 10 лет становится понятно, нужно просто успокоиться и не мешать умным людям заниматься своими делами.

Когда мы честно ответим на эти вопросы, современная картина мира, которая, согласимся, в последние полгода покрылась толстым слоем информационного тумана, когда не понятно не только то, что хотят сделать крупнейшие игроки мировой политической сцены, но даже то, что они хотят, чтобы другие думали про их планы, станет чуть прозрачнее. Во всяком случае начнут проступать контуры тех институтов мировой политики, которые имеют шанс на влияние в новой геополити-

тической обстановке. Нам эти контуры могут, конечно, и не понравиться, однако это будут контуры реальности.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ: КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА

Кто бы мог предполагать еще недавно, что столь большое внимание в мире будет уделяться ядерному оружию. Еще пару лет назад вполне серьезные специалисты писали о том, что военное значение ядерного оружия исчерпано, а политический его потенциал близок к исчерпанию. И для таких умозаключений, надо сказать, были определенные базовые основания. Дело тут не только в том, что на наших глазах в сферу активного использования были введены принципиально новые виды вооружений. В действительности *революция беспилотников* в том, что касается непосредственно *поля боя*, имела меньшие последствия, нежели *революция танков* или *ракетная революция 1960-х*. И дело не в том, что по своему разрушающему воздействию высокоточное дальнобойное оружие оказалось сравнимо с ядерным. Это еще одна из легенд-иллюзий 1990-х. Дело в том, что новая военно-техническая революция прежде всего произошла в умах, а главное — стала продолжением того образа политики, который так нравился нашим западным партнерам. Эта идея *бесконтактности* ведения войны, почти компьютерная *стрелялка*, в которой гибнут только *злодеи*, а главный герой имеет неограниченный запас жизни и распоряжается бесконечным количеством почти никогда не промахивающегося оружия, действительно завораживала.

А в сущности речь шла о том, что войны *нового мирового порядка* для Запада уже просто не могут носить даже намека на тотальность, а само применение силы становится инструментом вторичным по сравнению с политическими, экономическими и информационными.

Теперь посмотрим на реалии сегодняшнего дня. За последний год именно ядерное оружие и средства его доставки стали важнейшими средствами поддержания напряженности между ведущими мировыми державами. Напряженности, которая в действительности удержала мировую стабильность и не дала возможности некоторым энтузиастам *нового мирового порядка* принять решения, после которых ситуация перешла бы в фазу прямой конфронтации. Такой вот парадокс. Но история ядерного оружия соткана из таких парадоксов.

Да, конечно, именно Россия постоянным акцентированием своего ядерного статуса выступает застрельщиком данного процесса, то запуская *Булаву*, то пугая НАТО бомбардировщиками, которые еще недавно называли *нафталиновыми*. Россия вообще чуть ли не каждую неделю демонстрирует Западу свой ядерный потенциал. Запад, конечно, поначалу отшучивается, делает вид, что это всего лишь забавы городских хулиганов, но исправно поднимает на перехват российских бомбардировщиков. Такое ощущение, что наши западные партнеры переживают некий культурный шок: кто-то вдруг стал играть с ними в силовые игры не по их правилам...

Напомним, что это происходит на фоне бесконечных разговоров о неких *гибридных войнах*, которые на деле являются перевернутой и наполненной исчерпывающим силовым содержанием рефлексией американской стратегии *цветных революций*. Правда, что интересно, в гибридных войнах отсутствует, причем, как правило, с обеих сторон, позитивное политическое содержание, и этот феномен, вероятно, нуждается в дополнительном изучении.

Думается, главной целью российской политики было не поугагать Запад или снять *пиар-сливки* с темы ядерной мощи России (хотя и этот аспект отрицать было бы крайне глупо), а приучить наших западных партнеров к тому, что они теперь живут в мире, где и они уязвимы, и воевать придется, если придется, конечно, не беспилотниками в виртуальном режиме с неизменным *американо* в картонном стаканчике, а ядерным оружием. И, кажется, Россия своего добилась. Последние испытания систем ПРО и маневры с использованием носителей ядерного оружия,

Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Нью-Дели: Индия заблокировала в ВТО соглашение по упрощению процедур торговли. Позиция Нью-Дели прежде всего связана с вопросами субсидий для производства продуктов питания, особенно сельскохозяйственных субсидий. В Индии принят и действует так называемый закон *Right to Food* — *Право на еду*, в соответствии с которым правительство страны должно обеспечивать бедные слои индийского общества минимумом продуктов питания. Нормы ВТО предполагают, что Индия должна отказаться от этих продовольственных субсидий. Но страна не может этого сделать не только по экономическим, но и по политическим соображениям. Отменить или упразднить этот закон в ближайшем будущем было бы политическим самоубийством любого правительства. К тому же это закон, и его нельзя просто так взять и отменить. Над этим вопросом важно работать, что займет определенное время.

Есть и другая причина позиции Индии, занятой по соглашениям ВТО. Многие страны члены ВТО являются участниками других различных блоков и организаций. Например, активно развиваются такие торгово-экономические организации, как Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое партнерство ЕС и США, партнерство США, Японии и Южной Кореи, что в определенной степени противоречит принципам и стандартам ВТО. Индия не уходит от этих вопросов, а понимает и обсуждает их в ходе встреч ВТО. Ведь речь идет не о некоем несущественном соглашении, а о значимом соглашении по упрощению процедур торговли ВТО. Исходя из этого важно рассматривать весь комплекс вопросов в совокупности. С этим и связана позиция Нью-Дели по данному соглашению.

Безопасность в Южной Азии осенью 2014 г. во многом будет зависеть от того, как разрешится ситуация в Афганистане и кто станет новым президентом страны. В Индии с большим вниманием следят за развитием ситуации в Афганистане. Пока никто не делает никаких прогнозов по поводу того, кто займет пост президента, так как нет единого понимания. Но выстраивать отношения государствам Южной Азии придется с любым правительством Афганистана.

которые мы наблюдали в США, говорят о том, что в Вашингтоне начали понемногу принимать новые геополитические реальности. И не только в Вашингтоне, как следует, например, из развития российско-китайских отношений.

Отметим, однако, несколько важных деталей, касательно недавних *упражнений* Кремля с ядерным оружием:

- Ядерное оружие — оружие статус-кво. Времена, когда угрозой применения ядерного оружия пытались изменить статус-кво, остались в 1950-х вместе с Корейской войной. Но ведь Россия — это страна, которая как раз и пытается изменить статус-кво, как нам говорят наши западные партнеры. Или они говорят нам не всю правду?

- Политический статус ядерного оружия будет *неполный*, пока не будет сформирован обновленный *военный* статус. А для этого нужны и другие модели применения ядерного оружия, и другие средства. Так что пока российский ядерный активизм — это заявка на новый статус ядерного оружия, но еще не сам статус.
- В России господствует мнение, что ядерное оружие дает возможность обеспечить безопасность страны и ее устойчивость к внешнему давлению более дешевыми средствами, а не развивать обычные вооружения. Отнюдь. Ядерное оружие имеет значение, только если оно базируется на определенном сбалансированном фундаменте. Оно не может и не должно быть ни главным, ни единственным компонентом национальной силовой мощи.

Поэтому, открывая *ядерный чемоданчик*, надо исходить из того, что ядерное оружие — дело сложное, серьезное и обоюдоострое. А главное — оно совершенно не терпит так любимого современными политиками внешнеполитического пиара. Это, если хотите, тест для российской власти на геополитическую состоятельность.

ВАЛДАЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Валдайская речь В.В. Путина, по иронии судьбы произнесенная в олимпийском городе Сочи, стала одним из наиболее ярких событий последнего времени. Некоторые считают, что президентом была сформулирована программа развития российского общества в условиях конфронтации. Споры нет, выступление президента Путина фундаментальное, оно обращено не только к мировым политикам и общественности, но и внутрь страны. Правда, несколько смущает выбранная площадка: президенту внимали в основном иностранцы, чей пик на политическом и политологическом *Олимпе* прошел минимум лет десять назад. Согласимся, этих людей мы наблюдаем в разных конфигурациях, как минимум, лет двадцать, а некоторых — с середины 1980-х гг. Конечно, у многих за плечами *славное прошлое*, но именно прошлое. Но сейчас это просто еще одна экспертная тусовка, коих по миру разъезжает штук пятьдесят.

Тогда в чем же заключался смысл речи президента В. Путина на *Валдае*? Думается, что, помимо ставшей традиционной формулы *но наш бронепоезд...*, в действительности смысл речи заключался в обозначении рамок того, как далеко готова пойти Россия в ужесточении отношений с Западом. И в этом смысле наличие у присутствующих на форуме фантазии становится, скорее, *плюсом*, нежели *минусом*.

Итак, какой же новый контекст продемонстрировал иностранным политологам В.В. Путин? Кремль исходит из того, что с Западом поссорились *всерьез и надолго* и что ключ от Европы находится в США. Фактически Владимир Путин признал неудачу более ранних попыток России добиться от Европы проведения минимально самостоятельной политики. Москва *умывает руки* и оставляет европейцев *собирать черепки* и выплачивать *сланцевую дань* США. Характерно, что сразу же после выступления Владимира Путина на *Валдае косяком* пошли сообщения о сокращении добычи нефти и газа в России и о проблемах с поставками ее в Европу *по погодным условиям*.

- России новая *холодная война* не нужна. Своих внутривнутриполитических целей российский правящий слой достигнет и без прямой конфронтации с США. И не будет делать никаких провоцирующих действий в отношении Запада, как бы Россию к этому не подталкивали. Но одновременно никаких значимых уступок ради снятия вероятности новой *холодной войны* Кремль тоже делать не будет.

- Россия не будет инициировать новые силовые элементы в рамках отношений с США и Западом. Кремль призывает остаться в рамках политической полемики, не расширяя *силовую зону взаимодействия*, хотя, вероятно, существуют альтернативные идеи на этот счет.
- Игра Запада на провоцирование раскола в российской верхушке Кремлем увидена и услышана. Если объективно, после *бунта либералов* на Сочинском экономическом форуме ее трудно было не увидеть и не услышать. И если Запад будет дальше пытаться играть по этой линии, он может лишиться привычных для себя партнеров в российской элите, а с ними и остатков влияния.
- Практика *сотрудничества по частностям*: здесь сотрудничаем, здесь не сотрудничаем, — которую обозначил Вашингтон, Россию не устраивает. Россия готова к разговору по ключевым направлениям сотрудничества с США, но именно в комплексе и именно на основании российского понимания базовых основ взаимодействия. И *раздергать повестку дня* у США уже не получится.

Это, конечно, не подготовка пейзажа к *холодной войне*. Напротив, это демонстрация сохранения сравнительно большого политического и военно-политического пространства для сотрудничества. Но это, кажется, демонстрация того, что в дальнейшем Россия не будет рассматривать экономические факторы в отношении с Западом, прежде всего с Евросоюзом, в качестве доминирующих. Если предположение верно, то вот это уже действительно *новый мир*, причем мир жесткий и динамичный.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС КАК СИМПТОМ ГРЯДУЩЕГО

То, что ситуация на Украине — это надолго и что в перспективе она должна закончиться уже не федерализацией, а как минимум конфедерализацией, кажется, стало ясно даже самым ярлым апологетам украинской государственности, еще вчера доказывавшим, что с уходом *донбасского быдла* страна превратится в монолит. Не превратилась. А главное, в монолит не превратилась даже элита этой страны, причем по обе стороны фронта. Если посмотреть на политиков Новороссии, мы увидим примерно те же *родимые пятна* украинской политики. Ничего, что не было бы предсказано раньше с Украиной, в действительности не происходит. Другой вопрос, что события развиваются почему-то по *наихудшему* сценарию, а это демонстрирует, что все участники этой трагедии живут исключительно *здесь и сейчас*, даже не *завтра*, а тем более не *послезавтра*. А то, что они всерьез верят, что их откровенно провинциальная, по-плохому, политика является важной частью глобальной политики... Виртуальная жизнь украинской элиты была бы, однако, еще интереснее, если бы пролитая и еще прольющаяся кровь, причем особенно людей, не имеющих никакого отношения к Украине, тоже была виртуальной.

Самое интересное в истории кризиса на Украине заключается даже не в судьбе украинской государственности. Это, конечно, важный вопрос, но не такой, чтобы он очень волновал кого-то из *сильных мира сего*. Украинское государство последних десяти лет — это, скорее, некий эксперимент по строительству полностью *сетевой государственности*, государственности антиерархичной. На удивление и зависть политологам проект получился. Обратите внимание: Украина является первым в мире государством, где даже вооруженные силы построены по сетевому принципу. Украинские вооруженные силы действуют вообще без единого командования. Да оно им и не нужно — от него, как утверждают буквально все, одно зло. У их оппонентов, впрочем, ситуация немногим лучше, но все же лучше. И что самое интересное, само по себе украинское общество, похоже, больше заинтересовано в поддержании сверхвысокого уровня политического экстаза, нежели в развитии собственного государства.

Но тогда мы вправе допустить, что никто из участников этой трагедии не заинтересован в том, чтобы не то чтобы реверсировать ситуацию, но даже вывести ее из силового русла. Потому что силовая политика на Украине, известная любому историку как *атаманщина*, не предполагает результата. Она бесконечна, заунывна и кровава. Она будет продолжаться, пока не придет настоящая — иерархическая — сила и не разгонит по углам (а в основном под землю) основных участников сетевого *военно-политического процесса*. Как это и произошло в 1920 г. По другому тогда стоит смотреть на *Минский политический процесс*, который и не должен в таком случае вести к какому-то результату.

Самое важное в украинском кризисе — то, что он развивался по законам *управляемого хаоса*, стратегии, так любимой *нашими уважаемыми американскими партнерами*, как любит говорить С. В. Лавров, причем на территории, которая самой природой и историей была создана идеальной для реализации такого сценария. И что в итоге? А в итоге выяснилось, что *управляемым* хаос был два, от силы три месяца, а потом был просто хаос. Хаос, в результате которого в центре Европы возникла воронка, грозящая затянуть в себя не только соседние государства, но и инициаторов хаоса. Кто-то же должен этот хаос оплачивать. Нет, конечно, *по задумке* оплачивать *сетевое государство*, где вертикальные связи полностью уничтожили горизонтальные, должна была Россия, которая, согласитесь, удачно от этой ноши уклонилась. Можно спорить о механизмах этого уклонения, но результат на начало ноября 2014 г. налицо: судя по всему, эксперимент будет оплачивать мирно попивающий пиво немецкий бюргер. И это правильно и высокоморально — тот, кто заварил геополитическую кашу, а заварили ее в Берлине, должен ее и доедать.

Мораль: если *управляемый хаос* перешел в просто хаос в таком знаменательном месте, как Украина, вряд ли эта технология будет успешной в других местах. И чем раньше наши *уважаемые американские партнеры* сменят свою стратегическую концепцию противодействия многополярному миру, тем будет лучше всем. В конечном счете лучше иметь управляемую многополярность, нежели многополярность неуправляемому. И еще, затевая что-то силовое вблизи границ с Россией, всегда интересуйтесь прогнозом погоды на зиму.

ИГИЛ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Собственно, сама по себе история возвышения ИГИЛ ничего интересного не представляет. Обычная американская внешнеполитическая схема, при которой сперва создается некоторая структура, куда делаются некие — в зависимости от целей и возможностей — инвестиции. А затем она объявляется врагом (глобальным или региональным), против которого начинают формировать коалицию из прогрессивного человечества. И что интересно, это каждый раз проходит. Это означает, что *прогрессивное человечество* в массе своей хочет, чтобы американцы его постоянно спасали от разного рода злодеев, которые они же — американцы — и создали. Своего рода глобальный политический *стокгольмский синдром*.

Как и предсказывалось, после того как *Аль-Каида* среднеудачно сыграла роль *мирового злодея*, в мутном информационном потоке появилось нечто новое. Но не одно, а целых три: Эбола, Россия и ИГИЛ. Причем если Эбола и Россия являются вариациями уже давно знакомых *мемов* американской политики, то ИГИЛ и как военно-политический, и как политико-коммуникационный феномен действительно представляет собой нечто новое, что раньше в глобальной политике, во всяком случае в том виде, как мы представляем глобальную политику, не встречалось. Наиболее близкий аналог — талибы, которые внешне вроде бы похожи, но которые всегда стремились держаться в рамках отведенного им государства или его подобия. ИГИЛ, если внимательно присмотреться, совсем про другое. И так:

- ИГИЛ, если разобраться, воюя на Ближнем Востоке к Ближнему Востоку не особенно и привязано. В значительной мере даже его кадровая база — в Пакистане, в Афганистане, в Африке, в Европе, на постсоветском пространстве. Его экономическая база, может быть, и ближневосточного происхождения, но уж точно, не ближневосточной реализации. Встает вопрос: а они, боевики, там в *командировке*? Или их просто собрали в стране, которую *давно не жалко*, чтобы перемолоть? Но ведь кто-то же вернется. Могут и в Россию, где их, кажется, заждались¹⁴, но могут и в Лондон, и в Париж. А в Лондоне, чтобы запалить эту геоэкономическую *воронью слободку* с четырех углов, для начала хватит человек 500.
- ИГИЛ изначально встроился в экономическую систему современного Ближнего Востока, основой которой, как выяснилось в последние годы, было нарастание непрозрачности в торговле углеводородами. Пока преждевременно говорить о существовании *теневого ОПЕК*, но количество негосударственных акторов в торговле углеводородами несколько пугает. Они, конечно, не могут обрушить рынок нефти, о чем говорили некоторые ретивые комментаторы, но то, что они могут оказывать на него значимое влияние, бесспорно. А такое влияние можно оказывать, только обеспечивая безопасность поставок, т.е. имея значимый силовой потенциал и договоренности с транспортниками. Иными словами, в лице ИГИЛ мы имеем не отморожков из сельской бедноты, а людей, которые, как минимум, вписаны в определенные экономические схемы и имеют некие *отношения* в финансовом мире. Иначе говоря, это уже не совсем маргиналы, что и делает их весьма опасными.
- ИГИЛ изначально обозначил своей целью — прямо в названии — стремление к переделу существующих границ Ближнего Востока. А это на сегодняшний момент практически является внешнеполитическим мейнстримом — ровно про то же самое давно говорили в Вашингтоне. Именно про это и была знаменитая американская стратегия *Большого Ближнего Востока*¹⁵. Просто американцы нам не сказали, кто ее будет осуществлять. Думается, именно потому, что в качестве цели было обозначено разрушение существующих границ, ИГИЛ и смог стать лидером среди всех экстремистских организаций в регионе, коих немало. А самое главное, сегодняшнее влияние ИГИЛ пределом явно не является. Собственно, именно поэтому коалиция против ИГИЛ и сформировалась так быстро.
- В действиях ИГИЛ в отличие даже от талибов, особенно после того как они были выгнаны из Кабула, явно обозначается наличие централизованного командования и некоего единого плана. Можно много спорить о степени управляемости ИГИЛ со стороны США, и в данном случае, безусловно, есть некое пространство для конспирологии, однако бесспорным фактом является способность радикалов *дозировать* свои действия в зависимости от международной ситуации. А это свидетельство сравнительно высокого уровня *штабной культуры* и наличия в распоряжении боевиков вполне совершенных управленческих технологий.

Вся проблема с ИГИЛ заключается в том, что *они настоящие...* А не плод пропаганды, как *Аль-Каида*. И не глобализированное фэнтези, как сомалийские пираты. И не продукт интегрированных коммуникаций, как украинские *киборги*. ИГИЛ — настоящие. Это реальная военная, а в перспективе и политическая сила. Причем пока ее воздействие проявляется в относительно безопасной для Запада форме — согласитесь, что, хотя это и звучит цинично, для Запада гораздо выгоднее, чтобы энтузиасты радикального ислама убивали курдов и язидов в Ираке и Сирии, а не англичан в пригородах Лондона. А если лишить неоваххабитов возможности успешно действовать там, в пустынях Ближнего Востока,

вполне возможно, часть их них всплывет в европейских столицах, где взрывного материала хоть отбавляй. Поэтому, думается, война с ИГИЛ будет продолжаться долго. И именно поэтому с осторожностью следует отнестись и к рассуждениям о возникновении некоей *системы домино* на Ближнем Востоке, в которой *падение фишек*, т.е. приход к власти радикально исламистских режимов будет связано именно с деятельностью ИГИЛ¹⁶. ИГИЛ — это прежде всего *процесс*. Поэтому, думаю, мы будем еще долго наблюдать борьбу с ИГИЛ в различных ее проявлениях, но в основном зачитываться материалами о том, что же такое ИГИЛ на самом деле.

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВИЛКА

Не стихают разговоры о закате Американской империи, особенно на просторах российского интернета. Забавные, надо сказать, как в своей антиисторичности, так и в своей цикличности. Конечно, нынешний президент США мало чем напоминает колоссов Pax Americana даже конца XX в., а следующее поколение американских лидеров вообще вызывает определенное беспокойство за их способность адекватно оценивать ресурсы и контекст американской политики. Конечно, экономика, несмотря на признаки реиндустриализации, продолжает демонстрировать весьма значимые уязвимости. Но, объективно говоря, в американской политике и, в том числе, в американской силовой политике далеко не все так критично и трагично. Конечно, полностью поставить под контроль процессы на Ближнем Востоке не удалось, а *арабская весна* постепенно начинает разворачиваться в совсем не комфортном для США направлении, хотя пока никакой трагедии для американских интересов в регионе не заметно. Падение режима ас-Саудов и второе пришествие ваххабизма в Мекку с понятными последствиями еще только маячат на горизонте, и не факт, что этот сценарий реализуется. Конечно, исход противостояния в Восточной Азии еще не ясен, но, с другой стороны, и Китай не проявляет глобальных лидерских качеств, ограничиваясь, как показал ноябрьский Саммит АТЭС, отжиманием у США позиций *по мелочам*. На европейском направлении США, несмотря на все политические и моральные издержки, своего добились, по крайней мере на данном этапе. Так, что *по гамбургскому счету*, несмотря на ерничество иных российских патриотов, США из сложившейся ситуации вышли с *прибытком*. Мы в России за последние полгода смогли оценить масштабы этого успеха, который, если не совершать глупостей космического масштаба, может обеспечить США безбедное доминирование в Европе, причем на средства самих европейцев на следующие 20 лет.

Не будем забывать, что США — единственные в мире — продолжают обладать способностью к глобальному проецированию военной силы, хотя теперь уже не всегда и не везде, да и иных союзников приходится без зазрения совести *сдавать*. Так что, нравится нам это или нет, именно по состоянию, настроению и планам США легче и лучше всего судить о том, в каком направлении будет развиваться система международных отношений и какие вызовы глобальной безопасности станут основными в ближайшее время.

Но на ключевой вопрос США ответа не дали, более того, закрадывается подозрение, что американская элита в принципе на это не способна. Вопрос прост: что должно лежать в основе американского лидерства — военная сила или экономика. Развилка, в том числе связана с тем, что фактор идеологической консолидации (хотя бы и в рамках мифологии *оси зла* — убогая концепция, но свою роль она сыграла) западного мира уже перестает действовать убедительно, даже по сравнению с ситуацией 5–7-летней давности. Очевидно, что, сломав Европу, США сломали и ту идеологическую основу, на которой зиждилось трансатлантическое единство. Которое в действительности было специфической формой идеологии. Да, конечно, оно не уйдет сразу, но значение его будет постоянно падать. Ибо после того, что и как США сделали с Европой в ходе *украинского кризиса*, говорить о каком-то *трансатлантическом партнерстве* просто невозможно. Речь, скорее,

идет об отношениях по линии *метрополия–периферия* с полным идейным подчинением периферии и исчезновением полупериферии. Причем на фоне нарастающего внешнеполитического *креатива* Вашингтона содержательная пустота современной Европы бросается в глаза.

Показательно в данном случае и то, что сперва нашумевшее, а потом быстро забытое выступление Обамы 28 мая 2014 г., в котором он заявил фактически о примате военной мощи, является в действительности отходом от большей части предыдущей традиции. Нет, конечно, можно все списать на известные поведенческие дефекты американского лидера, которому суждено уйти со сцены кем угодно, только не победителем. Однако такие заявления просто лидером не делаются. Они обозначают, именно обозначают, серьезные геополитические задачи и стратегические решения. Естественный вывод из сказанного Обамой (и того что он сказал, и того как он это сказал) заключается в том, что представляемая им группировка в элите видит в качестве основы будущей американской гегемонии именно военную силу и ее политические и экономические производные. Однако это коренным образом противоречит всему тому, что Америка делала на протяжении последних 20 лет. Если отбросить пропагандистские ярлыки про усиление *американской военщины*, мы легко приходим к выводу, что для США военная сила в последние годы была инструментом обеспечения экономических и геэкономических интересов и применялась там и тогда, где не сработали экономические и политические рычаги. А проект *цветных революций* как раз и был предназначен, для того чтобы еще больше отодвинуть порог, за которым США вынуждены будут непосредственно применять военную силу. И надо сказать, кое-что у американцев получилось. Во всяком случае перекройка Ближнего Востока идет пока *малой кровью*, имеется в виду, конечно, американская кровь.

Насколько *доктрина Обамы* превратится в основу американской геополитики, сказать трудно. Вероятнее всего, она так и останется на уровне пропагандистских концептов, как и большая часть того, что исходит от современного Белого дома. Но сам факт готовности к коренному пересмотру основ американской внешней политики очень характерен. Это значит, что в действительности в США осознают глубину проблем США и невозможность сохранения глобальной гегемонии традиционными средствами. С учетом того, что американская элита уже не раз демонстрировала свою готовность к резким и нетрадиционным маневрам и на мировой арене, и внутри страны, к возможному *повороту оверштаг* надо отнестись серьезно.

После ответа на этот вопрос следующая дилемма США: на какой экономической основе надо будет консолидировать новую евроатлантическую Антанту, — выглядит уже глубоко вторичной. Тем более что *сланцевое ярмо* на Европу уже надето. То есть понятно, кто оплатит очередную американскую *военную революцию*. Не понятно другое — кто в случае чего будет за Антанту воевать.

РОССИЯ И КИТАЙ: С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ ЛИЦОМ К США

Это может кому-то нравиться или нет, но российско-китайское стратегическое партнерство начинает обретать практические очертания. И оказывать самое непосредственное влияние на глобальную безопасность. Конечно, основой взаимодействия России и Китая является экономика, а еще более точно — стремление нейтрализовать понятные геэкономические и структурные уязвимости. Однако риску предположить, что, помимо геэкономической основы сближения Россия и Китая, есть существенный военно-силовой аспект. Россия сейчас находится на очередном гребне военного могущества, когда перед взорами западных наблюдателей предстала не спивающаяся толпа в серых шинелях с ржавыми танками, а эффективная военная машина. Китай же за последние годы пытался много сделать, для того чтобы произвести на западных комментаторов впечатление своими *военными мускулами*, но не особенно преуспел. То есть все цокали языком,

наблюдая очередные китайские учения, но в глазах таился лукавый смехок. Вероятно, для этого смешка были значительные основания.

Думается, что и наши китайские партнеры узнали про российский военный потенциал много нового за последние девять месяцев. Что, похоже, настроило их на существенно более конструктивный лад в экономических вопросах. Действительно, переговоры по иным экономическим вопросам шли десятилетиями без особого успеха и с нарастанием взаимного недовольства, но вдруг быстро разрешились. Это нельзя объяснить ни кадровыми переменами в Поднебесной, ни обострением ситуации вокруг островов Сенкаку, ни бестактными политическими действиями американской администрации. Думается, наши китайские партнеры впервые увидели в России по-настоящему значимого военно-политического, а значит, и политического игрока, с которым можно выстраивать отношения на долгосрочной системной основе.

Согласитесь, ни Россия, ни Китай в рамках своего сближения практически не упоминали о территориальных спорах в Южно-Китайском море, но в результате наполнения заявленного еще много лет назад стратегического партнерства реальным содержанием, вокруг спорных островов сложилась совершенно новая ситуация, которая, к слову, заставила Японию занять на саммите АТЭС существенную иную позицию, нежели ту, которую ей пытались навязать США.

Проблема российско-китайского партнерства в том, что оно развивается как бы один на один, создавая вокруг партнеров некоторый вакуум. И прежде всего вакуум политический и военно-политический. Едва ли кто-то сейчас может игнорировать Россию и Китай как экономических игроков, но с военно-политической и политической точки зрения не исключены и весьма неприятные утраты. Например, уже сейчас, особенно в последний год, усложнились отношения России и Вьетнама. Не факт, что столь же благополучными будут отношения с Южной Кореей. А нам бы сейчас оченьгодились и отношения с Кореей Северной. Несмотря на хорошие перспективы, наблюдается застой в отношениях с Индией. Да и ОДКБ институционально оказался вытеснен на обочину *большой* повестки дня, причем есть ощущение, что туда же будет дрейфовать и ШОС. Проблема в таком партнерстве, как партнерство России и Китая, в том, что на каком-то этапе начинает казаться, что партнеры не нужны. И это очень глубокая и опасная ошибка.

Особенно учитывая, что КНР при всех улыбках взял Россию в партнеры не для того, чтобы ее усилить и способствовать ее развитию. Мы нужны Пекину, для того чтобы использовать нас в качестве *тарана* против США. И в качестве дополнительного компонента ядерного сдерживания США. Сам по себе Китай не готов к конфронтации с Вашингтоном ни политически, ни военно-политически, ни, тем более, экономически. А как, видимо, думают в Пекине, русским *уже все равно*, что отчасти справедливо. Хотя, конечно, зря Барак Обама на саммите АТЭС так откровенно говорил про неизменное американское лидерство — не надо так *задирать* хозяев.

Многополярный мир предполагает и экономическую многовекторность, которая благодаря западным санкциям все же стала развиваться в России, и военно-политическую. Причем последняя, вероятно, пока еще важнее. А ориентация на Китай как на главного партнера, который может стать со временем единственным, — это не многовекторность и не многополярность, а их суррогаты, которые формируют в нашей политической ментальности очередную опасную иллюзию. Опасную хотя бы тем, что Россия и Китай вне силового компонента — это две слишком разные *весовые категории*, которые могут быть *равными партнерами* только там и тогда, где *на весы* брошена военная сила, прежде всего ракетно-ядерный потенциал. Но на таких весах России очень быгодились и небольшие, а порой и совсем маленькие, *гирьки*.

КАСПИЙСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

Активизация политических и экономических процессов вокруг Каспия, безусловно, является очень важным сигналом, причем сигналом относительно недавним. В 2012 г. и даже в начале 2013 г. околокаспийская политика не впечатляла своей динамикой.

В чем была суть событий, венцом которых стало подписание на Каспийском саммите в сентябре 2014 г. соглашения о разделе Каспия? Мировая политика, даже сегодняшняя, даже наполненная многочисленными *генераторами скандалов*, вроде WikiLeaks, все же любит тишину, особенно если это серьезная политика. Вероятно, к началу 2015 г., а может, и раньше, мы должны были стать свидетелями образования нового геополитического узла с выраженным силовым компонентом, причем узла, в котором в отличие от, скажем, Украины или даже спорных островов Сенкаку имеется реально глобально значимое военное, политическое и, особенно, экономическое содержание. И это содержание можно было реализовать немедленно — через поддавливание в *мягкое подбрюшье* и Россию, и Иран, и Казахстан... По сути дела, мог возникнуть новый фронт уже обозначившейся в последние два года борьбы за контроль над Великим шелковым путем.

Теперь ничего этого, скорее всего, не будет. Нет, конечно, попытки расшатать ситуацию в Прикаспии будут продолжаться, равно как и конкуренция между каспийскими странами по частным вопросам, но стратегическое основание из-под них по сути выбито. А главное, почти обнулена силовая составляющая этой возможной конкуренции. Именно это и делалось каспийскими державами *в тишине*, вероятно, не один месяц. Теперь есть объективная возможность реализации крупных геоэкономических проектов на южном направлении, что в действительности крайне важно для России в современной ситуации. В конечном счете если перспективы наполнения экономическим содержанием транспортного коридора *Запад–Восток* в современных условиях стали более сложными, то экономические перспективы коридора *Север–Юг*, напротив, окрасились радужными цветами, учитывая тот факт, что силовая нестабильность на Ближнем Востоке воцарилась надолго.

И это можно считать бесспорной победой России, причем победой стратегической, что бы там ни говорили о тактических уступках Москвы.

Главным победителем в маневрах вокруг Каспия оказался Азербайджан. Баку последние два года двигался с упорством, достойным лучшего применения, к ситуации стратегической изоляции, надеясь на поддержку Турции и Вашингтона. Соглашение о новом режиме использования Каспия демонстрирует существенно иную логику и, как минимум, создает для Баку новое пространство для партнерства. Нет, конечно, пока еще стратегический разворот Баку не совершил и, вероятно, внутреннее сопротивление будет только нарастать — слишком много в Азербайджане за последние годы возникло общественных, да и политических игроков, которые сделали ставку на превращение страны в опорного партнера США в регионе. Слишком завистят они от США. А главное, с учетом нарастающего усложнения отношений США с Турцией просто так отказаться от перспектив военно-политического использования потенциала Азербайджана (а этот потенциал, не надо питать иллюзий, не так мал, как некоторым хочется думать), Вашингтону будет почти невозможно.

Но в любом случае всем внешним игрокам теперь придется иметь дело с новой юридической, а значит, и политической реальностью. А это гораздо лучше, чем если бы анонсированную политическую реальность пытались бы превратить в юридическую.

ФЕЙКОВОЕ ПРОСТРАНСТВА И ГЛОБАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Фундаментальная особенность последнего года в мировой политике и в вопросах глобальной и региональной безопасности заключается в прорастании реальной

политики, и прежде всего реальной силовой политики, сквозь бурьян политических, информационных и социальных *фейков*. То есть фальшивых, не имевших место, несостоявшихся или содержательно ничтожных процессов, событий и идей. Нынешний глобальной политической и экономической кризис — это шанс, возможно, последний, для того чтобы расчистить пространство мировой политики и экономики от бесчисленных и множачихся *фейков*.

Однако не так все просто: история гражданской войны на Украине показывает, что даже там, где *фейковая* реальность сталкивается с полноценной, реально существующей жизнью, не всегда *фейки* исчезают, а *фейковая* реальность, порожденная интегрированными коммуникациями, начинает жить своей жизнью. Это и произошло на Украине, где разгромленная и разложившаяся украинская армия продолжает успешно перемалывать российские войска, завершая, по состоянию на начало ноября 2014 г., *разгром калмыцкой конницы*. Можно отнести этот феномен на национальную специфику наших соседей, но не все так просто. *Фейковая* политическая реальность, как правило, более комфортна, нежели реальное положение дел, причем как для властей той или иной страны, так и для населения. К тому же, если раньше возможности развития *фейковых* коммуникационных и политических пространств ограничивались недостатком технологий, теперь этих ограничений существенно меньше. Иными словами, *кухня*, на которой в отличие от партсобраний обсуждалась реальная жизнь, тоже становится частью *фейка*. И при этом *фейк* претендует на глобальность так же, если не более агрессивно и успешно, нежели прежняя — не в меньшей степени надуманная — концепция *общечеловеческих ценностей*.

В конечном счете, проблема наших американских партнеров заключается в том, что они, начав плодить политически и военно-политические *фейки* в период *арабской весны*, искренне верили, что эти *фейки* будут плодить только они, то есть что *фейковое* пространство будет развиваться исключительно в том направлении, в каком это нужно США. Отнюдь, теперь *фейки* плодят все. И контролировать этот процесс США уже не могут.

В результате никакой коммуникационной, политической или культурологической разницы между украинскими *киборгами* в аэропорту Донецка, слетающим корейским космонавтом, колоннами российской бронетехники, пересекающими границу с Украиной и взятыми из компьютерных стрелялок, и общечеловеческими ценностями (где главными стали почему-то гомосексуальные браки и гей-парад) нет. Раньше была, а сейчас нет. Расширяющийся мир *фейковой* реальности уравнил их всех в правах.

Огромное счастье для всего мира, что *фейки*, добравшись до военно-политической сферы (кстати, столь мощное присутствие в этой сфере *фейков* — это прямой результат доминирования в ней процессности), еще не смогли по-настоящему *развернуться* в сфере ядерного сдерживания, хотя такие попытки уже были.

В целом же расширение *фейкового* пространства, которое есть саморасширяющийся феномен, — это тот фактор, который будет подрывать и региональную, и глобальную стабильность. Именно погруженность Евросоюза (и в сильно меньшей степени США) в произведенные украинскими политиками *фейки* привела к большой крови на Донбассе. Именно погруженность американской и японской элит в произведенные ими же самими *фейки* препятствует тому, чтобы трезво посмотреть на ситуацию в Восточной Азии. И увидеть бездну.

В 1970-е гг. была модной тема несанкционированного, *случайного* (мы теперь понимаем, что *случайного* в силовой сфере не бывает ничего) начала ядерной войны. Много было по этому поводу написано, а еще больше придумано. Но только в последние полгода нам стало окончательно ясно, кто может начать такую войну. Случайная война, в том числе с применением компонентов ОМУ, на которую не решился по-настоящему ни один диктатор эпохи модерна, стано-

вится реальностью в эпоху угара постмодерна. И это по настоящему пугает: когда война вроде бы фейковая, а кровь и погибшие настоящие.

Так что залог успешности в обеспечении мировой стабильности на обозримую перспективу в том, чтобы в борьбе с похужшими фейками не наплодить новых.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Эпоха тревоги» (The age of anxiety) — название одной из наиболее известных поэм В. Х. Одена (Wystan Hugh Auden). Выдающийся композитор и дирижер Леонард Бернштейн написал своего рода музыкальную версию этой поэмы, известную так же как симфония № 2.

² *Рубини: как долго экономика сможет лететь на одном двигателе. Liga.net.* 2014, 4 ноября, http://www.liga.net/opinion/208666_rubini-kak-dolgo-ekonomika-smozhet-letet-na-odnom-dvigatеле.htm (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

³ Li Keqiang. *Inclusive Development: A Better World for All.* Full Text of Chinese Premier Li Keqiang's speech to British think tanks. *Xinhua.* 2014, 21 June, http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-06/21/c_133426262_2.htm (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁴ Mark Whitehouse. Is China's Bubble the Next Financial Crisis? *Bloomberg View.* October 9, 2014, <http://www.bloombergvew.com/articles/2014-10-09/is-china-s-bubble-the-next-financial-crisis> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁵ Финансовый кризис в Китае становится очевидным. *The Epoch Times.* 2014, 30 октября, <http://www.epochtimes.ru/finansovyj-krizis-v-kitae-stanovitsya-ochevidnym-98949883/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁶ Didi Kirsten Tatlow. Despite Poverty Efforts, China Still Faces Income Gap. *Sinosphere. The New York Times.* 2014, 17 October, http://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/10/17/despite-poverty-efforts-china-still-faces-wealth-gap/?_r=0 (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

⁷ Adam Sieminski, EIA Administrator. Outlook for U. S. shale oil and gas. IAEE/AEA Meeting. 2014, 4 January. Philadelphia, PA. Slide 4.

⁸ Программа количественного смягчения (quantitative easing, или QE) предполагает покупку Федеральной резервной системой государственных облигаций США и других ценных бумаг, обеспечивая таким образом приток денег в экономику. Поскольку рост ВВП США во II квартале 2014 г. в годовом исчислении достиг 4,6%, ФРС приняла решение о прекращении QE, что замедляет рост и снижает спрос на энергоресурсы.

⁹ Chip Register. As Saudis Target Shale Industry, U. S. Considers a Response. *Forbes.* 2014, 7 November, <http://www.forbes.com/sites/chipregister1/2014/11/07/as-saudis-target-shale-industry-u-s-considers-a-response/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁰ Simon Falush. Oil price slump yet to hit US shale oil production: IEA chief. *Reuters.* 2014, 13 October, <http://www.reuters.com/article/2014/10/13/us-shaleoil-energy-brokeven-idUSKCN0121GG20141013> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹¹ Прогноз развития энергетики мира и России до 2035 г. Прогноз по СПГ. Семинар в ИМЭМО РАН. Москва. 31 мая 2012 г. Слайды 7 и 16, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/31052012/31052012_MSI.pdf (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹² Иванов Н. А., Ревенков В. И., Фейгин В. И. Рынок сжиженного природного газа: мир и Россия. Институт энергетики и финансов. Семинар в ИМЭМО РАН. Москва. 31 мая 2012 г. Слайд 28, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/31052012/31052012_FVI.pdf (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹³ Чернов Михаил. Россия выйдет на границы Армении. *Лента.ру.* 2014, 7 ноября, <http://lenta.ru/articles/2014/11/07/russianarm/> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁴ См.: Горовой Руслан. Джихад для России. *Интернет-портал Версия*. 2014, 15 августа, http://versia.ru/articles/2014/sep/15/dzihad_dlya_rossii (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

¹⁵ Взгляды по данной проблеме автором высказаны более подробно в статье Евстафьев Дмитрий. Хаос не по плану. *Gazeta.ru*. 2014, 26 августа, http://www.gazeta.ru/comments/2014/08/25_a_6189749.shtml (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.). Автор также хотел бы обратить внимание, что американская стратегия не предусматривала изначально, но привела к глубокой социальной деструкции обществ стран Ближнего Востока, которая стала дополнительным фактором перекройки границ.

¹⁶ Например, вряд ли таковым можно будет считать возможную смену политического режима в Йемене, да и, в целом, перекройку политико-институциональной конструкции данного государства, которое при определенных условиях может стать весьма важным. См.: Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (3–9 ноября 2014 г.). Институт Ближнего Востока. 10 ноября 2014 г. <http://www.iimes.ru/?p=22501> (последнее посещение — 24 ноября 2014 г.).

Федор Ладыгин

СОКРАЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ИСТОРИЯ И УРОКИ ПЕРВОГО ДОГОВОРА

Договор о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1) — это следствие принципиально важного решения правительств СССР и США, принятого на советско-американской встрече в 1986 г. в Рейкьявике (Исландия), продолжить и развить курс, начатый в 1969 г., на ограничение и сокращение СНВ двух ядерных сверхдержав того времени.

ПРЕДДВЕРИЕ

Первые советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений завершились подписанием в 1972 г. Договора по противоракетной обороне (Договор по ПРО) и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Временное соглашение ограничивало СНВ каждой стороны тем числом, которое они имели на дату подписания. Только через семь лет взамен этого соглашения в 1979 г. был подписан Договор ОСВ-2, которым были введены некоторые количественные ограничения, в частности по общему количеству развернутых стратегических носителей — пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования (ПУ МБР) и МБР на них, ПУ баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и БРПЛ на них и тяжелых бомбардировщиков — не более 2400 единиц, из них не более 1320 ПУ МБР. И хотя Договор ОСВ-2 не был официально принят сторонами, тем не менее и Москва, и Вашингтон условия нератифицированного договора соблюдали вплоть до заключения через 13 лет Договора СНВ-1.

В конце 1980-х гг. СССР и США имели примерно равное количество стратегических наступательных вооружений: ПУ МБР и МБР на них, ПУ БРПЛ и БРПЛ на них и тяжелых (межконтинентальной дальности) бомбардировщиков — СССР — 2500, США — 2246 и соответственно 10 271 и 10 563 ядерных зарядов на них¹.

Как видно, СССР и США действительно имели стратегический паритет. Мы, наша страна, догнали, а в кое в чем и обошли Соединенные Штаты на количественном и качественном уровнях стратегического ядерного потенциала.

Две ядерные сверхдержавы — СССР и США — понимали, что в ядерных потенциалах они превосходили все разумные пределы (обеспечивающие при этом ядерное сдерживание): по различным подсчетам мы могли уничтожить один другого 6–8 раз, не остались бы в стороне и союзники супердержав, а опосредованно и другие страны мира.

С
Т
Р
А
Н
И
Ц
Ы
И
С
Т
О
Р
И
И

Оба государства — и СССР, и США — трудно подошли к пониманию того, что дальше близкая к безумству вакханалия ядерной гонки продолжаться не может. Кстати, в США наконец-то поняли и другое: на пути гонки ядерных вооружений не добиться не только неоспоримого превосходства, но и не удастся загнать советскую экономику, а следовательно, и Советский Союз, в экономический коллапс: ведь даже в самих США затраты на стратегические ядерные силы не превышали 1/10–1/15 части всего военного бюджета даже в годы самого интенсивного наращивания СНВ.

Для читателей *Индекса Безопасности* нет необходимости подробно излагать содержание Договора СНВ-1 — он излишне велик не только по количеству страниц, но и по своему содержанию, детализации. Полагаю, что читатели в большей или меньшей мере знают Договор СНВ-1, а если заинтересуются, то смогут обратиться к тексту самого договора, поэтому считаю допустимым и возможным поделиться с читателями некоторыми неизвестными (далеко не всеми) широкому кругу зарисовками непосредственного участника выработки Договора СНВ и связанными с ним, договором, личными размышлениями.

К моменту моего подключения в июне 1990 г. (назначен начальником Договорно-правового управления (ДПУ) Генерального штаба ВС СССР) к проблеме контроля над вооружениями, в том числе над стратегическими наступательными, по будущему Договору СНВ-1 была проделана большая, возможно самая сложная, работа. Начиная с рейкьявикской встречи в верхах М. Горбачева и Р. Рейгана были определены главные параметры нового договора, что, понятно, было очень непросто. В основу будущего соглашения и договоренностей был положен исключительно важный принцип — принцип равной безопасности сторон, т. е. сохранение в целом в количественном и качественном отношении ядерного равновесия СССР и США. Это просто провозгласить, но реализовать очень сложно.

АСИММЕТРИЯ И РАВНОВЕСИЕ

В 1980-е гг. СССР и США, имея стратегического ядерное равновесие, обеспечили это равновесие асимметричными по своему составу стратегическими ядерными силами (СЯС). Основу наших СЯС составляли МБР наземного базирования, морские СЯС (Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ)) уступали МБР и в количественном, и в качественном отношении, авиационные СЯС (ТБ Ту-160 и Ту-95МС) еще более существенно уступали первым двум компонентам.

Компоненты триады американских СЯС были более, скажем так, равнозначными: США имели перед нами неоспоримое превосходство в стратегической бомбардировочной авиации, их преимущество в морских СЯС (силы БРПЛ) перед нашей стороной также было весьма существенно. Но американцы значительно уступали нам в силах МБР. Кроме того, сложность поиска компромисса заключалась в том, что если США имели 2–3 системы МБР, причем все шахтного базирования, то мы — большее количество ракетных систем шахтного, железнодорожного и подвижно-грунтового способа базирования. Следствием асимметрии советских и американских СЯС стало то, что согласованные в 1986–1989 гг. основные количественные ограничения СНВ, де-юре в равной степени относящиеся к обоим участникам договора, де-факто в большей мере затрагивали интересы той или иной стороны, но прежде всего Советского Союза. Именно это обстоятельство до самого последнего времени было главным объектом критики со стороны отечественных ниспровергателей Договора СНВ-1.

Для упрощения понимания нижеприводимых размышлений, связанных с моим личным участием в процессе контроля над СНВ, без дополнительного обращения к Договору СНВ-1 и справочным материалам по нему, приведу лишь некоторые общие категории, понятия и количественные параметры договора.

К числу ограничиваемых Договором СНВ-1 относились: развернутые ПУ (стационарные шахтные ПУ, ПУ боевых железнодорожных ракетных комплексов — БЖРК, ПУ подвижных грунтовых ракетных комплексов ПГРК) и МБР на них; развернутые пусковые установки ПЛАРБ и БРПЛ на них; тяжелые бомбардировщики — носители ядерных авиабомб и/или крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) на них. Общее количество таких СНВ ограничивалось 1600 единицами. В соответствии с рейкьявикской договоренностью устанавливались ограничения на тяжелые МБР — 154 ПУ.

Существенно важной и значимой договоренностью в Рейкьявике, реализованной в Договоре СНВ-1, было сокращение вдвое общего количества ядерных боеголовок на стратегических носителях: примерно с 12000 боеголовок (БГ) у каждой стороны на момент подписания договора до 6000 БГ. Важным было также ограничение количества БГ на различных классах носителей²: не более 4900 БГ суммарно для БРПЛ и МБР, из них не более 1540 БГ на тяжелых МБР и не более 1100 БГ на МБР подвижных ракетных комплексов. Иными словами, по Договору СНВ-1 каждая сторона из общего числа 6000 разрешенных договором ядерных БГ могла иметь на тяжелых бомбардировщиках от 0 до 6000 БГ, на БРПЛ — от 0 до 4900 БГ, на МБР — от 0 до 3000 БГ. Подсчет общего количества ядерных БГ производился по согласованным на переговорах так называемым *правилам засчета*. Для МБР и БРПЛ количество БГ засчитывалось по заявленному стороной числу, проверяемому по летным испытаниям и инспекциям, причем для каждого типа МБР и БРПЛ количество боеголовок было фиксировано по максимальной величине (если не было замены платформы головной части (ГЧ) для установки БГ). Для тяжелых бомбардировщиков — носителей КРВБ согласованное число засчитываемых БГ на каждом бомбардировщике для обеих сторон составляло 10 единиц, для ТБ, вооруженных ядерными авиабомбами (АБ), — одна боеголовка независимо от реального числа ядерных боеприпасов — КРВБ или АБ — на тяжелом бомбардировщике.

К категории качественных ограничений в первую очередь относились те, которые касались забрасываемого веса МБР и БРПЛ. Для него устанавливалась суммарная величина забрасываемого веса МБР и БРПЛ, не превышающая 3600 тонн. При этом для всех МБР и БРПЛ одного типа независимо от модификации принималось единое значение забрасываемого веса — по его максимальной величине, показанной в ходе пусков. Если, например, для одного типа БРПЛ создавалась новая модификация с повышенным значением забрасываемого веса, то для всех БРПЛ этого типа, в том числе немодифицированных, устанавливалось новое значение забрасываемого веса. Это, конечно, упрощало верификацию договорных обязательств. В качестве другого существенного качественного ограничения по Договору СНВ-1 было ограничение в период действия договора на создание каждой из сторон не более одного нового типа МБР и одного нового типа БРПЛ. Выработка критериев нового типа потребовала от переговорщиков всех уровней много сил и энергии.

Одним из важных элементов системы верификации качественных ограничений был обмен телеметрическими данными при испытательных пусках ракет и запрет на кодирование телеметрической информации при определенном числе пусков ракет. Помимо этого договор предусматривал другие элементы навязанной американцами системы верификации, включая контроль объектов СНВ инспекционными группами, постоянное инспектирование производственных комплексов (на выходе выпускаемой продукции — контроль по длине контейнеров) в Воткинске (СССР, РФ) и Магне (США).

Договор СНВ-1 в целом — это одно из самых детально проработанных (безусловно, излишне) международных соглашений в области контроля над вооружениями — таковы были внешние и внутренние условия, вернее таково было воздействие внешних и внутренних сил на переговорщиков. Одни готовили позицию на переговоры, кто в Москве, кто в Вашингтоне; в Женеве делегации вырабатывали этот договор общим объемом (вместе с прилагаемыми к нему в качестве неотъем-

лемой части протоколами и заявлениями сторон) свыше 700 страниц, другие в острых дискуссиях с противоположной стороной находили взаимоприемлемые договоренности при самых, казалось бы, диаметрально противоположных, первоначально, взглядах на проблему.

КРЫЛАТЫЕ РАКЕТЫ БОЛЬШОЙ ДАЛЬНОСТИ

По каждому отдельному положению договора были острые дискуссии, работа экспертов в Москве и Вашингтоне и, разумеется, делегаций в Женеве. Коротко расскажу о некоторых из них. Одной из наиболее сложной оказалась *проблема крылатых ракет большой дальности (КРБД)*. Американцы (точнее, Пентагон) еще летом 1972 г., сразу после подписания соглашения ОСВ-1, увидели в этих средствах возможность для неконтролируемого международными соглашениями наращивания стратегического ядерного потенциала. Руководствуясь этим же замыслом, они исключили крылатые ракеты из стратегических средств и во владивостокской договоренности 1974 г., и Договора ОСВ-2 1979 г.

Той же линии американцы пытались придерживаться и в ходе подготовки (во всяком случае на начальном этапе) Договора СНВ-1. Не исключено, что они воспользовались и тем, что на встречах М. Горбачев–Р. Рейган, в том числе в Рейкьявике, проблеме КРБД со стороны высшего государственного руководства должного внимания уделено не было. В последующем потребовалось длительное время, чтобы американские КРБД воздушного (и морского базирования) не оставались для американцев *священной коровой*. Ко времени моего прихода в ДПУ эта проблема уже рассматривалась, обозначились определенные подвижки, но она была в определенной мере решена лишь к концу 1990 г. — началу 1991 г.

По КРВБ было согласованно определение (на основе компромисса, «беспилотный боевой летательный аппарат с ядерным боезарядом и дальностью действий 600 км и более») и другие положения, снимающие в определенной мере наши озабоченности. В декабре 1990 г. в Хьюстоне усилиями в основном военной части советской делегации нам удалось несколько нивелировать правило засчета числа боезарядов на ТБ-носителях КРВБ, хотя оно все же сохраняло проамериканский уклон. Там же, в Хьюстоне, обозначилось решение, а затем в Вашингтоне, Москве на группах высокого уровня и в Женеве были окончательно согласованы (по настоятельной инициативе американской стороны) технологические процедуры, подлежащие контролю, переоборудования ТБ В-1В в качестве носителей неядерных средств, исключающих их использование как носителей ядерных КРВБ без заводского переоборудования³.

Значительно тяжелее рассматривался вопрос о ядерных крылатых ракетах морского базирования (КРМБ) военно-морских сил (ВМС) США. Это непростой вопрос. Помимо ядерных КРМБ американцы имели их (широко применяли и применяют в авиационно-ракетных ударах по объектам на территории Югославии, Ирака, Афганистана и др.) в обычном снаряжении (дальностью до 1500 км), а также противокорабельные КРМБ (дальностью — около 500 км). Все три вида КРМБ в значительной мере имеют унифицированную по внешним признакам конструкцию (исключая боевую часть), они находятся на вооружении надводных кораблей и подводных лодок одних и тех же типов, запуск их осуществляется из унифицированных ПУ и типовых торпедных аппаратов.

Но нас в рамках Договора СНВ интересовали не сложности в различении ядерных и обычных КРМБ, а тот ядерный стратегический потенциал, которым обладали КРМБ и который, конечно же, прежде всего был направлен против нашей страны, а не против, например, Брунея в Юго-Восточной Азии. Нам, конечно, были известны реальное количество и планы США по программе КРМБ, и мы не могли оставить без внимания столь значимый, особенно в условиях предстоящего сокращения СНВ, стратегический ядерный потенциал.

В результате длительных дискуссий нашей стороне удалось добиться от США признания такой проблемы и наших озабоченностей в связи с этим, хотя они не пошли на охват Договором СНВ КРБД морского базирования. Для ядерных КРМБ было принято определение, аналогичное определению ядерных КРВБ. Был найден компромисс (если это можно так назвать), аналогичный тому, что и в отношении наших Ту-22М3 (300 ед.), хотя по своей сути эти ТБ и КРМБ и с военной, и с договорно-юридической точек зрения — принципиально различные средства вооруженной борьбы. Без распространения на КРМБ условий Договора СНВ на эти ракеты согласованным заявлением сторон было наложено ограничение — не более 880 единиц. Надо сказать, что уже в сентябре 1991 г. американцы на джентльменских условиях, рассчитывая на ответные встречные шаги СССР по снижению ядерного противостояния, взяли на себя обязательство снять с боевых кораблей и подводных лодок все ядерные КРМБ и складировать их на центральных, удаленных от баз ВМС США центральных базах хранения.

Нынешний, новый пражский Договор СНВ КРБД воздушного и морского базирования фактически не затрагивает, не ограничивает и не сокращает. Следует ли нашу делегацию и всех тех, кто причастен к разработке так называемого пражского нового договора СНВ особо упрекать за это. Не думаю, ведь американцы размышляют над переоснащением хотя бы части стратегических наступательных вооружений в традиционном их понимании высокоточными обычными БГ вместо ядерных. С учетом этого, помимо сохраняющихся у США возможностей наращивания сил ядерного удара за счет так называемого возвратного потенциала БРПЛ и ТБ, укорять наших участников выработки нового договора СНВ о неучете КРМБ, мне кажется, не следует.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ДОГОВОРА ПО ПРО И КОНТРОЛЯ НАД СНВ

Важнейшими достижениями СССР и США в рамках двустороннего контроля над стратегическими вооружениями первого этапа (1969–1972 гг.), как известно, было установление неразрывной взаимосвязи на ограничение и сокращение СНВ и одновременный отказ от создания широкомасштабной ПРО собственных территорий обеими сторонами. Последнее было закреплено Договором по ПРО 1972 г. и дополнено протоколами к нему 1974 г.

На первых порах обе стороны строго придерживались такого принципиального подхода. Однако вскоре после прихода в Белый дом президента Р. Рейгана позиция США стала резко меняться. В 1983 г. администрация Р. Рейгана объявила о запуске программы создания по существу глобальной системы ПРО в рамках *Стратегической оборонной инициативы*. С тех пор минуло более 30 лет, но глобальной системы ПРО у США пока нет.

Но в расчете устранить все преграды на пути создания системы ПРО Соединенные Штаты еще до встречи М. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике заняли по существу обструкционистскую позицию в отношении Договора по ПРО и неразрывной увязки с ним будущего договора об ограничении и сокращении СНВ. На первых порах под воздействием активной позиции Министерства обороны СССР М. Горбачев пытался отстаивать линию на соблюдение сторонами Договора по ПРО 1972 г. в его изначальной интерпретации. Разумного компромисса, удовлетворяющего СССР, достигнуто не было; США продолжали свою линию — расчистить дорогу для создания территориальной ПРО.

В дальнейшем в ходе активной работы над договором по СНВ американцы, несмотря на все наши настойчивые попытки (но уже без участия высшего руководства страны, которое как бы самоустранилось от решения этого вопроса), попросту уклонялись от обсуждения вопроса взаимосвязи Договора по ПРО и Договора СНВ-1, как бы откладывая его на потом. В последующем пытались отвести его: дескать, Договор по ПРО существует независимо от сокращения СНВ, и наоборот. Советские дипломаты и военные упорно отстаивали позицию нашей страны.

Длительная и настойчивая борьба двух противоположных подходов — нашего и американского — завершилась лишь к весне 1991 г. В Женеве в ходе неоднократных встреч групп высокого уровня (главы — А. А. Обухов, Р. Бартоломью) была достигнута договоренность (согласованная со столицами) о том, что наша позиция фиксируется в тексте договора в виде отдельного заявления нашей стороны. В юридическом отношении такой формат все же означал признание Соединенными Штатами договорной правомерности заявления нашей стороны.

В последующем в ходе переговоров по СНВ американская сторона пыталась *подмыть* Договор по ПРО нашим согласием на создание ограниченной противоракетной обороны, способной перехватить 100–200, но не более 300 боеголовок, что якобы не означало подрыв ни Договора по ПРО, ни Договора по СНВ-1.

Подключить нашу страну к *похоронам* Договора по ПРО Соединенным Штатам не удалось ни в начале 1990-х гг., ни в последующие годы последнего десятилетия прошлого века. И тогда команда Дж. Буша-младшего в начале нового столетия завершила то, к чему его предшественники стремились в предыдущие 15–20 лет: отправила в Лету договор по ПРО в одностороннем порядке.

Тем, кто критикует новый (пражский) Договор СНВ из-за отсутствия в нем четких обязательств о ПРО, не следует забывать, что *создание таковой территориальной ПРО — вожделенная цель США*, и никакие администрации — ни демократические, ни республиканские — *никогда* не откажутся от продвижения к этой цели.

Поэтому всякие попытки России вести речь о совместном с США создании ПРО бесперспективны: Соединенные Штаты *никогда* не пойдут на то, чтобы с Россией как с равноправным партнером делиться высокими технологиями, тем более в области средств вооруженной борьбы. Наше подключение к совместной ПРО может ограничиться в лучшем случае получением США от России некоторых необходимых для Соединенных Штатов технологий, а если это не удастся, то дискуссиями на разных уровнях в качестве *дымовой завесы*.

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПОДВИЖНЫХ РАКЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ, СОКРАЩЕНИИ ТЯЖЕЛЫХ МБР, ТЕЛЕМЕТРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПО ДОГОВОРУ СНВ

В последнее десятилетие, особенно в 2009–2010 гг., в связи с подготовкой пражского Договора СНВ в российских средствах массовой информации появилось достаточно много критических публикаций, авторы которых имеют весьма поверхностное представление о рассматриваемой тематике, в частности в отношении Договора СНВ-1. Лично мне понятна критика этого договора, излагаемая уважаемыми мной знатоками и непосредственными участниками процесса контроля над стратегическими наступательными вооружениями.

Иное дело, когда ничтоже сумняшеся берутся безапелляционно судить о чем-то, в частности о Договоре СНВ-1, люди, весьма далекие и от самого предмета рассмотрения, и от процесса его разработки. Не собираясь вступать в полемику с ними, а тем более выступать в качества адепта договора, остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, важных его элементах и ходе выработки решений по ним. При этом по понятным, надеюсь, соображениям не буду называть фамилий доморощенных критиков и тех, кто принимал участие в выработке решений (но уже по другим соображениям).

ПОДВИЖНЫЕ РАКЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Наша страна имела в составе ракетных войск стратегического назначения (РВСН) подвижные ракетные комплексы двух типов: железнодорожный — БЖРК и грунтовой — ПГРК. По Договору СНВ-1 они ограничивались установленным уровнем общего количества боеголовок на них — 1100 единиц. За все время моей работы

по Договору СНВ-1 в качестве начальника ДПУ ни от одного представителя ракетного управления Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — центрального аппарата РВСН — не было ни одного критического замечания в отношении количественных ограничений на подвижные ракетные комплексы.

Задолго до завершения срока действия Договора СНВ-1 железнодорожный ракетный комплекс был снят с вооружения, выведен из боевого состава РВСН и утилизирован. Подвижной ракетный комплекс⁴ с МБР *Тополь* и *Тополь-М* с моноблочными головными частями на период действия Договора составлял меньшую часть в общем количестве боеголовок в 100 единиц.

Существенной критике подвергался факт установления контроля БЖРК и ПГРК в местах постоянной дислокации национальными техническими средствами США, для чего требовалось временное выставление ПУ для наблюдения за космическими средствами. По мнению критиков это сводило на нет неуязвимость подвижных комплексов, обеспечивавшихся именно их мобильностью.

ПГРК или БЖРК не могут постоянно находиться в *броуновском движении*, быть сухопутным *летучим голландцем*. Большую часть времени они находились в стационарных местах — БЖРК на запасных путях, ПГРК в стационарных укрытиях. При существующих возможностях средств разведки определить большую часть стационарных мест несения боевого дежурства подвижными ракетными комплексами не представляет неразрешимую проблему. Полагаю, что в том числе этими соображениями руководствовались ракетчики РВСН, Генштаба, разработчики комплекса, когда давали согласие на выставление комплексов для контроля. Вряд ли офицеры и генералы, в том числе высшие руководители главнокомандования РВСН меньше беспокоились о безопасности своей страны, чем критиканствующие околоракетные доктора наук.

И в ходе переговоров, и позднее многие противники Договора СНВ критиковали его за то, что СССР неадекватно по сравнению с США ликвидировали половину *тяжелых МБР*. Но если допустить, что мы имели бы право сохранить по Договору СНВ-1 все имеющиеся у нас 308 шахтных пусковых установок (ШПУ) и мы сохранили бы их, ликвидировав, например, все МБР *Тополь* или ТБ Ту-95МС, Ту-160, с чем бы Россия осталась сегодня? А если бы мы имели право сохранить все 2500 единиц СНВ, что имели на момент подписания Договора СНВ-1, то могли бы мы сохранить их сегодня и чего бы это стоило? Во имя этой абсурдной идеи нам нужно было бы по существу низвести все другие виды вооруженных сил.

ТЕЛЕМЕТРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В Договоре СНВ-1 содержались положения, касающиеся телеметрической информации, передаваемой с борта стратегических баллистических ракет при испытательных пусках. В частности стороны не кодировали телеметрическую информацию, а также обменивались записями телеметрических данных при определенном количестве пусков ракет. Эти положения были согласованы по настойчивому предложению американской стороны, имели равную силу для обеих сторон и преследовали цель контроля соблюдения сторонами качественных ограничений на СНВ, в частности на заявленный сторонами забрасываемый вес МБР и БРПЛ, и контроля его предельного суммарного уровня (3600 тонн), а также определение нового типа МБР или БРПЛ. Так во всяком случае понимали эти положения договора разработчики и с нашей стороны, и с американской.

Это положение было согласовано со всеми заинтересованными ведомствами: с Военно-промышленной комиссией при Совете министров СССР, главными конструкторами ракетной техники — создателями ракетно-ядерного щита, главными командованиями РВСН и ВМФ, их ведущими научно-исследовательскими институтами, другими крупными участниками процесса контроля над стратегическими

вооружениями. Теперь же находятся критики, по существу обвиняющие разработчиков Договора СНВ-1 в пособничестве американцам при создании средств американской ПРО. Тех ведущих, высочайших профессионалов в области ракетной техники подобного рода критики по существу представляют либо несмышлениками, либо предателями интересов нашей страны? Надо же знать меру!

НОВЫЙ ТИП МБР

Договор СНВ-1 разрешал каждой стороне иметь (создавать в период действия договора) по одному новому типу МБР и БРПЛ. Американская сторона выступила инициатором определения нового типа. При этом особую остроту этот вопрос приобрел применительно к новому типу МБР. Что касается БРПЛ, здесь проблем не было по вполне понятным причинам: ШПУ ПЛАРБ имеют вполне определенные габариты, поэтому они являются ограничителями при создании нового типа БЛПЛ для ПЛАРБ существующих типов.

В основу определения нового типа МБР было принято фиксируемое отличие новой МБР от своего прототипа по габаритам (длине и диаметру) первой ступени и забрасываемому весу ракеты. О габаритах первой ступени новой МБР довольно быстро была достигнута договоренность. Наиболее острые дискуссии шли вокруг определения нового типа по забрасываемому весу. С самого начала в качестве пороговой величины американцы предложили не менее 30-процентное увеличение забрасываемого веса МБР нового типа по сравнению с ее предшественником-прототипом. Наша позиция в ходе переговоров изменялась от 5 до 15% увеличения забрасываемого веса. К согласованной величине — 21,5% — стороны пришли только к состоявшейся 17 июня 1991 г. встрече в Лондоне президентов СССР и США М. Горбачева и Дж. Буша.

Это лишь часть сложнейших вопросов, которые пришлось согласовывать Москве и Вашингтону при выработке Договора СНВ-1.

ИЮНЬСКАЯ ВСТРЕЧА 1991 г. ГЛАВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ СССР И США В ВАШИНГТОНЕ

Выработка Договора СНВ-1, как известно, проходила весьма сложно. Основными причинами тому являлись сам предмет переговоров: ограничение и *сокращение вдвое стратегических наступательных вооружений*, асимметричных по своему составу для каждой из сторон; чрезмерная детализация выработывавшихся обязательств; негативное влияние принципа «доверяй, но проверяй», возведенная нашими партнерами по переговорам в фетиш. Кроме того, на ходе переговоров отрицательно сказывалось и то обстоятельство, что всякий раз руководство СССР выступало инициатором в установлении сроков подписания договоров. Так было с Договором об обычных вооруженных силах в Европе 19 ноября 1990 г. в Париже, так было и с Договором СНВ-1 — 31 июля 1991 г. в Москве. Наша страна становилась заложником собственных инициатив. Партнеры по переговорам плохо идут на уступки, говоря «за срыв сроков подписания договора будете отвечать вы». Это приходилось слышать и в Женеве, и в Москве, и в Вашингтоне.

По Договору СНВ-1 велись крайне напряженные переговоры советской и американской делегациями не только в Женеве, но и при проведении частых двусторонних встреч групп высокого уровня, возглавляемых заместителями глав внешнеполитических ведомств сторон (с американской — Р. Бартоломью, с советской — сначала В. Карпов, затем А. Обухов) в Вашингтоне, Москве и Женеве.

Несмотря на такую интенсивность переговоров к началу июня 1991 г., т.е. менее чем за два месяца до советско-американского саммита в Москве, было согласовано не более 50–60% важнейших вопросов будущего договора.

В этих условиях высшими руководителями двух стран (вероятнее всего, по инициативе М. Горбачева) принимается решение поручить решение пока еще несогласованных вопросов группами *особо высокого уровня*. Задача — согласовать все вопросы на встрече. В состав советской группы вошли министр иностранных дел А. А. Бессмертных (глава), начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев, заместитель председателя Военно-промышленной комиссии при Совете министров СССР Ю. П. Мацак, заместитель министра иностранных дел А. А. Обухов, начальник ДПУ ГШ генерал-лейтенант Ф. И. Ладыгин, высокопоставленные лица других ведомств. С американской стороны — Дж. Бейкер, Р. Бартоломью, Дж. Шаликашвали, другие лица из соответствующих структур. Дж. Бейкер во время коротких перерывов многочасовых переговоров регулярно проводил селекторные совещания с президентом Дж. Бушем, министром обороны Д. Чейни, председателем Комитета начальников штабов вооруженных сил Колином Пауэллом, советником президента США по безопасности генералом Б. Скоукрофтом. Наша делегация обменивалась мнениями и принимала решения самостоятельно, без консультаций с Москвой.

В результате очень напряженных двухдневных переговоров в середине июня 1991 г. удалось решить практически все оставшиеся несогласованные вопросы (американская сторона к моменту нашего отлета из Вашингтона подготовила добротную запись результатов согласования), за исключением одного — по новому типу МБР.

По вопросу определения МБР нового типа по величине забрасываемого веса американцы добивались того, чтобы поставить преграду разрабатывавшейся у нас МБР (*Тополь-М*). Тогда в Вашингтоне Дж. Бейкер сказал нам, что он якобы видел в кабинете М. С. Горбачева незакрытую схему этой ракеты с тремя БГ. И они стремились загнать нас на недостижимую (для *Тополя-М*) величину забрасываемого веса — на 25% больше (первоначально было 30%), чем у ракеты-предшественницы (*Тополь*). При этом в бескомпромиссной форме они поставили условие, чтобы такой забрасываемый вес был показан при стрельбе на дальность 11 000 км (вместо уже согласованной для всех других МБР стандартной дальности 10 000 км). После длительных обсуждений наша группа пошла на величину 20%, с чем согласились наши промышленники и разработчики. Американцы опустили сначала до 23%, а затем до 21,5% ((20 + 23): 2 = 21,5). С этой величиной не согласились мы. С тем и улетели.

На обратном пути в Москву А. А. Бессмертных, принимавший ранее участие в переговорах такого типа, сказал, что ему никогда не приходилось вести столь напряженных по накалу, высокодинамичных, требующих немедленного принятия решений переговоров, как те, что были в Вашингтоне.

Сразу же по прибытию в Москву приступили к рассмотрению вопроса о 21,5-процентном увеличении забрасываемого веса. К моменту вылета М. С. Горбачева в Лондон 16 июня решение принято не было. К вечеру была срочно созвана *большая пятерка* Л. Н. Зайкова с приглашением разработчиков новой МБР. После длительных дискуссий было принято решение согласиться с последним предложением американской стороны, о чем своевременно был уведомлен М. С. Горбачев, до его встречи с Дж. Бушем. Как известно, ракета *Тополь-М* (модификация *Тополь*) не разрабатывалась как МБР с разделяющейся головной частью индивидуального наведения, к тому же увеличение забрасываемого веса (для установки нового комплекса средств преодоления ПРО) по сравнению с МБР *Тополь* не превышает пресловутых 21,5%.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ ДОГОВОРА СНВ-1

Через несколько дней после согласования вопросов на самом высоком уровне для усиления нашей делегации в Женеве до конца переговоров были направлены заместитель министра иностранных дел А. А. Обухов, начальник ДПУ ГШ ВС СССР генерал Ф. И. Ладыгин, ответственные представители ЦК КПСС, КГБ, Военно-про-

мышленной комиссии. В американскую делегацию также периодически прибывали высокие представители из Вашингтона.

Прибывшие из Москвы и Вашингтона оказали делегациям помощь в уяснении сути достигнутых в Вашингтоне договоренностей и непосредственно в ведении переговоров с другой стороной.

В Женеве встречи делегаций проходили ежедневно по 2–4 раза. На заседаниях, проводившихся попеременно в представительствах СССР и США, окончательно согласовывались выносившиеся вопросы, которые выделявшимися членами обеих делегаций доводились до договорного текста, что в последующем рассматривалось и утверждалось делегациями.

Члены советской делегации и прибывшие из Москвы представители соответствующих ведомств работали весьма напряженно и результативно. Особенно это относится к А. А. Обухову, главе делегации Ю. Н. Назаркину и главе военной части делегации В. С. Колтунову.

В конце июля 1991 г. главы делегаций парафировали Договор СНВ и убыли в столицы своих стран.

Подписанием 31 июля 1991 г. в Москве М. С. Горбачевым и Дж. Бушем договора завершились длительные многотрудные советско-американские переговоры.

Договор СНВ-1, срок действия которого истек в декабре 2009 г., несмотря на все имеющиеся в нем недостатки, существенно снизил стратегические ядерные потенциалы двух сверхдержав и послужил основой для последующих сокращений ядерных вооружений. 📄

Примечания

¹ По правилам засчета на 31 июля 1991 г.

² В пражском российско-американском Договоре о СНВ 2010 г. таких ограничений нет: каждая сторона свободна сама определять, на носителях какого класса и в каких количествах размещать установленные Договором 1550 БГ СНВ.

³ Судя по содержанию пражского Договора о СНВ 2010 г., ТБ В-1В продолжает оставаться в качестве системы доставки обычного оружия.

⁴ Один из критиков СНВ — «полковник-ракетчик», доктор технических наук — этому комплексу, считающемуся многими одним из достижений отечественного ракетостроения, дает крайне негативную оценку («все идет не в ногу, кроме меня»).

ШАГИ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ И РОЛЬ СТАТЬИ VI ДНЯО

Белая книга. На пути к ядерному разоружению: статья VI ДНЯО и выполнение решений Обзорной конференции ДНЯО 2010 года. Под ред. А. Колбина, М. Старчака. М.: ПИР-Центр, 2014.

Рецензия — Тарик Рауф

Данная неправительственная Белая книга, подготовленная ПИР-Центром, стала предметом обсуждения, организованного на полях заседания Подготовительного комитета Обзорной конференции ДНЯО в мае 2014 г.

Цель выпуска Белой книги: напомнить государствам — участникам ДНЯО об их коллективных и индивидуальных обязательствах в рамках Статьи VI данного договора. В этих государствах сложился консенсус о том, что ДНЯО является краеугольным камнем системы контроля над ядерными вооружениями и ядерного нераспространения. На Обзорной конференции 2000 г. государства-участники согласовали практические шаги по систематическим и прогрессивным усилиям по выполнению Статьи VI и пунктов 3 и 4 (в) *Решения о принципах и задачах* от 1995 г. Также речь шла о *13 шагах*, в том числе о недвусмысленной приверженности ядерных государств делу полного уничтожения своих ядерных арсеналов и ядерного разоружения, что является обязательством всех государств-участников в соответствии со Статьей VI.

В 2010 г. государства-участники согласовали *Выводы и рекомендации по следующим действиям* в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия, учитывая решения и резолюции, принятые на Обзорной конференции 1995 г. Всего было согласовано 64 действия, хотя некоторые пункты по своей сути не являются действиями: к примеру *План действий по ядерному разоружению, включающий конкретные шаги к полному уничтожению ядерного оружия*.

Данный план действий преследовал благородные цели. Однако, как отметила мексиканская делегация, процитировав бывшего генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, приятный в 2010 г. *План действий* «не приближает нас к раю, а лишь отдаляет от ада — ада ядерной катастрофы». В нем содержатся 64 действия, относящихся к области всех трех столпов Договора¹, но в нем нет целостного *Плана действий в области разоружения*. К примеру *22 действия*, относящиеся к Разделу I по ядерному разоружению, представляют собой комбинацию принципов, целей, призывов и действий и отражают неразбериху, царившую на Обзорной конференции 2010 г., а также природу Окончательного документа, который был наспех собран воедино из отчетов, поданных главным комитетам председателями вспомогательных органов Женевской конференции.

Поэтому неудивительно, что безъядерные государства глубоко разочарованы отсутствием прогресса в выполнении действий, согласованных в 2010 г. К сожалению, данный план действий постигла та же судьба, что и *Принципы и цели*, принятые в 1995 г., а также *Практические шаги*, согласованные в 2000 г.

Какие из этого можно извлечь уроки? В первую очередь совершенно очевидно, что ядерные государства просто не желают выполнять договоренности, достигнутые в ходе Обзорных конференций. У них иные стратегические видения и расчеты, и они продемонстрировали, что вести переговоры о ядерных сокращениях и выполнять соответствующие договоренности будут на других площадках. Они с огромным трудом соглашались на, казалось бы, далеко идущие шаги и действия, согласованные в ходе Обзорных конференций, но только ради того, чтобы убедить безъядерные государства принять на себя обязательства в области нераспространения и верификации.

Поэтому можно ожидать, что на предстоящей Обзорной конференции безъядерные государства вновь будут жестко критиковать ядерные государства и попытаются добиться принятия еще более жестких целей в области ядерного разоружения. Доминирующими вопросами на повестке дня конференции 2015 г. станут *гуманитарная инициатива* в области последствий ядерных взрывов, зона, свободная от ядерного оружия, на Ближнем Востоке и новый всплеск напряженности между Западом и Россией. Маловероятно, что на этой конференции удастся добиться значительного прогресса или что ядерные государства пообещают выполнить уже взятые на себя обязательства, не говоря уже о принятии каких-то новых обязательств.

Подготовленная ПИР-Центром *Белая книга* отражает взгляды многих авторитетных экспертов в данной области. В ней содержится критическая оценка выполнения обязательств в области ядерного разоружения, принятых в 2000 и 2010 гг. В ней, в частности, перечислены все действия официальных ядерных государств и четверки стран, обладающих ядерным оружием, которые были выполнены либо полностью, либо частично, либо не выполнены совсем.

В *Белой книге* ПИР-Центра предпринята попытка дать положительную новостную картинку по *Ядерной пятерке* и Статье VI ДНЯО. Оценка, предпринятая ПИР-Центром, показывает, что ядерные государства подписали некоторые глобальные международные договоры, в том числе ДВЗЯИ и Договор о запрете размещения вооружения в космосе. Однако в *Белой книге* не говорится о таких глобальных договорах, как Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах², Договор по морскому дну³ и Соглашение о Луне⁴. В ней упоминаются двусторонние российско-американские соглашения и президентские ядерные инициативы, а также односторонние сокращения, предпринятые Францией и Великобританией. Вся эта информация очень полезна. Для Обзорной конференции 2015 г. также было бы полезно предоставить сводку о сокращениях, предпринятых в 2010–2015 гг., а также в 1995–2010 г. Хотя ядерные государства наконец-то согласовали единую систему отчетности и подали свои отчеты в ходе заседания Подготовительного комитета в 2014 г., данные, приведенные в них, неполные и недостаточно ясно представленные. Все эти вопросы следует учесть в обновленной редакции *Белой книги*, которая выйдет в 2015 г. Необходимо будет также отразить мизерные результаты работы Постоянной рабочей группы по началу переговоров о многостороннем ядерном разоружении, а также работу Группы правительственных экспертов над Договором о запрещении производства расщепляющихся материалов.

В конце *Белой книги* приведен амбициозный список из *12 шагов на пути к многостороннему ядерному разоружению*. Из числа четырех шагов, которые следует предпринять до 2015 г., лишь первый, касающийся подтверждения приверженности ДНЯО, может быть выполнен в ходе Обзорной конференции 2015 г. В нынешних условиях выполнение оставшихся трех шагов⁵ маловероятно. Это будет иметь последствия для тех четырех шагов⁶, которые запланированы на период с 2016 по 2018 г., если только не случится быстрого улучшения и нормализации отношений между Россией и США/Западом. Уже сейчас ясно, что США не смогут добиться ратификации ДВЗЯИ как минимум до 2018 г. Совсем не очевидно, что к тому времени данный договор еще будет жизнеспособным, особенно если

Северная Корея и другие государства, обладающие ядерным оружием, проведут новые ядерные испытания.

Кроме того, дальнейшее откладывание дискуссии об общем стратегическом языке и терминологии в области ядерных вооружений до 2025 г. сдвинет сроки достижения цели многостороннего ядерного разоружения на вторую половину XXI в. Косвенно это будет способствовать сохранению ядерных арсеналов как минимум до конца текущего столетия. Таким образом исполнится мрачное пророчество президента США Б. Обамы о том, что цель полного ядерного разоружения не будет достигнута при жизни нынешнего поколения.

ПИР-Центр мог бы поставить перед собой более амбициозные цели, и в новой редакции *Белой книги*, приуроченной к Обзорной конференции 2015 г., проанализировать возможности выполнения ДНЯО в более сжатых временных рамках. Так как в отдаленных перспективах, возможно, соберутся темные тучи новой холодной войны. Однако гражданскому обществу и ПИР-Центру в его лице необходимо сохранять оптимизм и продолжать поддерживать сталкивающиеся с серьезными трудностями усилия дипломатов.

Примечания

¹ Разоружение, нераспространение и использование атомной энергии в мирных целях.

² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (также известен как Московский договор) был подписан 5 августа 1963 г. в Москве. Сторонами договора являлись СССР, США и Великобритания. По состоянию на февраль 2013 г. 126 активных государств ратифицировали или присоединились к договору, еще 10 государств подписали, но не ратифицировали этот договор. Московский договор запрещал проведение ядерных испытаний в трех средах: в атмосфере, в космосе и под водой. Нормы договора не распространялись на подземные ядерные испытания, по которым предполагалось особое решение. Контроль соблюдения договора обеспечивался национальными средствами участников. Участники договора не должны также побуждать, поощрять кого-либо в проведении указанных взрывов или принимать в них какое-либо участие.

³ Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, международный договор, разработанный в Комитете по разоружению в 1969–1970 гг. по инициативе СССР и одобренный 25-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1970 г., а 11 февраля 1971 г. одновременно подписанный в Москве, Вашингтоне и Лондоне. Договор запрещает установку и размещение за пределами 12-мильной прибрежной зоны оружия массового уничтожения. Вступил в силу 18 мая 1972 г.

⁴ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах заключено в рамках ООН 18 декабря 1979 г. Распространяет международное право на Луну и все другие небесные тела, кроме Земли, включая орбиты вокруг этих тел. Провозглашает принцип исключительно мирного использования Луны и других небесных тел, принцип равных прав всех государств на исследования небесных тел, принцип недопустимости претензии со стороны любого государства на распространение своего суверенитета на какое-либо небесное тело. Соглашение вступило в силу только для нескольких государств, ратифицировавших его, причем среди них нет ни одного члена *большой восьмерки*, постоянного члена Совета Безопасности ООН или государства, обладающего существенной собственной космической программой.

⁵ Оставшиеся шаги к началу многостороннего процесса ядерного разоружения к 2015 г.: 1. России и США предлагается начать переговоры о заключении соглашения о сотрудничестве в области ПРО, которое бы обеспечило техническую предсказуемость развития национальных систем ПРО и содержало бы в себе механизмы транспарентности и контроля над деятельностью в сфере ПРО. 2. России и США предлагается выработать определение понятия *ядерный боезаряд*, обменяться данными о количестве и типах боезарядов (активных и в резерве) и обеспечить систему мониторинга полученных данных, а также разработать технические средства верификации уничтожения боезарядов. 3. В рамках Конференции по разоружению всем без исключения государствам предлагается выступить с одновре-

менными односторонними заявлениями о моратории на проведение ядерных испытаний и о моратории на производство расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия. См.: Белая книга «На пути к ядерному разоружению: статья VI ДНЯО и выполнение решений Обзорной конференции ДНЯО 2010 года». Под ред. А. Колбина., М. Старчака. М.: ПИР-Центр, 2014.

⁶ Шаги к началу многостороннего процесса ядерного разоружения на 2016–2018 гг.: 1. России и США предлагается заявить о том, что они не будут наращивать свои запасы нестратегического ядерного оружия, официально обнародовать количественные показатели своих запасов НСЯО, согласовать текст официальных заявлений о том, что ядерные боезаряды хранятся отдельно от носителей, и в настоящее время у них нет намерений изменить существующее положение. 2. России и США предлагается начать новые двусторонние переговоры по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений до уровня 1000 или менее боеголовок, обсудить ограничения на развернутые стратегические системы (боеголовки и средства доставки), развернутые и неразвернутые пусковые установки и неразвернутые стратегические боеголовки с включением в переговорный процесс других вопросов контроля над вооружениями (например, КРМБ и КРВБ в неядерном оснащении). 3. России и США предлагается заявить о полном отказе от разработки стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении. 4. В рамках Конференции по разоружению всем государствам, обладающим ядерным оружием, предлагается выступить с одновременными односторонними заявлениями о ненаращивании ядерных арсеналов, о размещении ядерного оружия на суше за пределами национальной территории, об отказе от разработки новых типов ядерных боезарядов и средств их доставки. См.: Белая книга «На пути к ядерному разоружению: статья VI ДНЯО и выполнение решений Обзорной конференции ДНЯО 2010 года». Под ред. А. Колбина., М. Старчака. М.: ПИР-Центр, 2014.

НЕНОВЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕИЗВЕСТНОЕ

О.В. Демидов, М.Б. Касенова. Кибербезопасность и управление интернетом: документы и материалы для российских регуляторов и экспертов. — М.: Статут, 2014.

Рецензия — Александр Федоров

О безопасности в информационном обществе говорят уже более полувека, причем начали задолго до того, как даже наиболее развитые страны в полной мере¹ вступили в эту стадию развития. Однако до сих пор редкостью являются монографические издания, прямо относящиеся к этому вопросу.

Передо мною, человеком, полжизни посвятившим проблеме международной информационной безопасности (МИБ), математику по первому образованию, получившему на этом поприще дипломы и степени, и политологу по профессии, много лет занимающимся исследованием различных глобальных угроз и путей их предотвращения, лежит, вне всякого сомнения, нужная книга, претендующая на то, чтобы для таких, как я, стать настольной. И это в ней — главное.

Рецензии пишут не тогда, когда хотят похвалить, да и серьезному автору это не нужно, разве что потешить самолюбие. Самая высокая похвала для исследователя — индекс цитируемости. Если на работу ссылаются, значит, она востребована, и автор не зря трудился. Многие ученые считают, что вершиной публикаций является справочник. В социальных науках это еще и сборник документов. И в этом смысле, невзирая на ту ложку дегтя, которую я пролью ниже, книга «Кибербезопасность и управление интернетом: документы и материалы для российских регуляторов и экспертов», подготовленная О. В. Демидовым и М. Б. Касеновой, представляет безусловную ценность.

Даже без учета авторской части читателю предоставляется возможность получить систематизированную подборку основных ныне действующих документов, определяющих нормативное поле, в котором работают исследователи, политики и все, кто так или иначе связан с регулированием отношений в сфере интернета и его применения.

Авторы проделали очень важную и непростую работу. Ограничение временного периода выпуска документов последними 5 годами, вероятно, оправданно. Предшествующие документы, хотя их и существенно меньше, носили бы для читателя скорее академическое значение, но значительно увеличили бы объем и без того не маленькой (464 с.) книги. Кроме того, ряд документов впервые публикуется на русском языке.

Следует приветствовать и нацеленность авторов-специалистов на сопровождение документов комментариями к состоянию и основным проблемам международного дискурса. Как показывает (в том числе и мой) опыт, большинство практиков, работающих в сфере компьютерной безопасности и использования интернета, не говоря уже о рядовых пользователях, строят свою позицию в вопросах информационной и кибербезопасности на базе публикаций СМИ. Причем последние

представляют собой либо статьи в прессе общей направленности (раньше такую называли *общественно-политические издания*), подготовленные журналистами, ни в коей мере не претендующими считаться специалистами в научно-технической составляющей предмета обсуждения, либо комментарии в сугубо специальных, в основном технического характера журналах, столь же далеких от политики, как первые от техники. Поэтому заложенная в книгу Демидова и Касеновой идея показать, как технико-программный феномен интернета отражается на политической ситуации (и не только отражается, но и в отдельных случаях определяет ее), безусловно, заслуживает всяческой поддержки.

Однако уже первая фраза предисловия повергла меня в глубокое уныние: «Интернет явился концентрированным отражением информационной революции конца XX — начала XXI в. Становится очевидным, что интернет интегрирует не только коммуникационные и технологические, но и материальные, финансовые, интеллектуальные, гуманитарные, политические и прочие ресурсы, формирует и диверсифицирует процессы социальной регуляции» (с. 3). Едва ли это мог написать математик (а интернет, являясь технико-программным комплексом, все-таки порождение математики², остальное в нем вторично или относится к электро-связи, что, по сути, автор и констатирует на с. 12, правда, с другой целью) или социолог, исследующий процессы социальных регуляций на указанных направлениях. Я уж не говорю об *информационной революции* — такие фразы в настоящее время едва ли простительны даже журналистам заводских многотиражек. Хотя, если интернет «интегрирует... политические... ресурсы» и «формирует... процессы социальной регуляции», то последующие две главы посвящены опровержению авторами самих себя. Но это, я думаю, просто досадная недоработка, на которую можно было бы не обращать внимания. Есть и более существенные и весьма спорные моменты.

Авторская часть книги, к сожалению, пронизана каким-то *религиозным* преклонением перед интернетом, что лишает авторов способности различать глобальную сеть как действительно яркое творение совокупной мысли математиков, физиков, химиков, связистов, инженеров, лингвистов и др. и использование этого творения обладателями «материальных, финансовых, интеллектуальных, гуманитарных, политических и прочих ресурсов» в том числе с целью «формирования и диверсификации процессов социальной регуляции». Такая апологетика интернета сродни поклонению электричеству первой половины XX в.³ Конечно, эта *болезнь* у составителей тоже пройдет, как прошла у их предшественников вера в чудодейственную силу электричества. Но пока она сильно мешает авторам и омрачает впечатление от первой части книги, которая, по замыслу, должна показывать читателю назначение и место в национальном и международном правовом поле приведенных во второй части документов. И если бы она была только одна. Собственно, именно это и побудило меня, говоря известным литературным штампом, взяться за перо.

Книга по сути представляет собой сборник документов. В данном случае — содержащий редкую, если не единственную и весьма актуальную с учетом даты выхода подборку материалов. Предваряющие сами материалы главы должны были бы нести объективные комментарии, вводящие неспециалиста в проблему, а специалисту объясняющие, почему сделана именно такая, а не иная выборка из всего множества официальных или неофициальных материалов. И если вторая глава в целом отвечает этой задаче, то назначение первой остается загадкой. Хотя не исключаю, что, по замыслу авторов, именно эта интрига и призвана стимулировать читателя обратиться к текстам как к первоисточникам.

Основная черта (можно сказать, квалифицирующий признак) правоведа — точность в терминологии и цитировании. Здесь мы наблюдаем полную свободу. Можно перепутать статьи 5 и 6 Североатлантического договора (с. 4), перевести словосочетание *Information and Telecommunication* и как *информационно-коммуникационные*, и как *информационные и коммуникационные*⁴ (с. 11), забыв, кроме того, при этом, что приставка *теле-* имеет самостоятельное и немаловажное значение не только в романских, но и в современном русском языке. Но апофеозом

является понимание слова *технология*. Вероятно, авторы не вполне понимают, что это. Ограничусь лишь одним примером: на с. 12 книги автор говорит о «правовом регулировании технологий», забыв, вероятно, что право как важнейший элемент социальной сферы, по определению, регулирует отношения между субъектами или субъектами и вещами. Интересно технология в понимании автора — субъект или вещь, если вещь, то кто субъект?

К сожалению, такое отношение к терминам является качественной чертой данной работы и нескандално снижает впечатление от нее. Термины *кибербезопасность* и *информационная безопасность* во всех основных языках мира суть обозначение разных понятий, и они не могут восходить к одному греческому источнику *kyber-*. Обратимся, в частности, к электронному словарю Министерства обороны США, где последние 20 лет присутствуют как самостоятельные словарные статьи *cybersecurity* и *information security*⁵. Первая из них, как и полагается в современном английском языке, относится к компьютерным сетям и системам, а вторая — ко всей информационной сфере, включая ее психологическую составляющую (отсюда военные термины армии США *психологические операции* и *информационно-психологические операции* как вид *информационных операций*⁶) и техническую сферу обработки информации — информационные системы (необязательно компьютерные, но и они в том числе) и сети передачи данных. Так что кибербезопасность не синоним, а часть информационной безопасности, что полностью соответствует российскому подходу. В российской нормативной правовой лексике такой термин вообще отсутствует. Фактически насильственное насаждение в русскоязычные материалы этой синонимии действительно имеет отчасти политическую мотивацию, но в основном связано с недостатком знаний тех, кто это делает. Кстати, в документах ООН сначала в 1998 г. появился термин *информационная безопасность* и лишь год спустя, в 1999 г., *кибербезопасность*, причем в сочетании *культура кибербезопасности*, т. е. в другом контексте.

Весьма спорен, на мой взгляд, подход авторов к пониманию термина *информационное (кибер-) пространство*. Этот термин действительно пока сложен для понимания, по нему не удалось достичь договоренностей ни в научном, ни в политическом экспертных сообществах. Вместе с тем его важность трудно переоценить. Во всяком случае, нельзя говорить о понятиях *суверенитет*, *агрессия*, *границы*, *терроризм* и многих других, включая *преступление*, в информационном (кибер-) пространстве, если мы не знаем, что такое это пространство. Дискуссии в международном официальном и конференциальном формате ведутся, что называется, *при общем понимании...*

Конечно, это не первый случай в истории. Не определены до сих пор понятия *оружие*, *война*, *сила*, да и понятие *безопасность* также не имеет понятных и общепринятых нормативных определений. Вся наука строится на аксиоматиках, включающих исходные неопределяемые понятия. В математике это *точка*, *прямая* и ряд других. В политике, включая вопросы безопасности, также не удается определить все. Именно по этой причине некоторые исследователи (и я в этом готов с ними солидаризироваться) считают, что именно в области безопасности прошло время глобальных договоров — слишком многое в них надо определить. На их смену приходят так называемые *инициативы*, где государства объединяются вокруг идеи, понимая, что надо делать, но не пытаясь все это формально описать. На смену *участникам договора* приходит *коллектив единомышленников*. Однако и здесь все не просто: идею и ее толкование определяет сильнейший, и совместная борьба, оказывается, ведется на его пользу. Примером может служить Инициатива по борьбе с распространением ОМУ (ИБОР).

Может быть, интуитивно (поскольку никаких прямых экивоков в этом направлении в тексте нет) ощущая сложность соотнесения вопросов информационной (кибер-) безопасности с договорным правом, авторы как бы оставили его *за скобками*. А жаль, это было бы интереснее и свежее, чем в очередной раз выступать в поддержку западного, надо признать, весьма прямолинейного и по этой причине

нередко выглядящего несерьезным подхода к применимости к информационной (кибер-) безопасности положений гуманитарного права.

Хочется верить, что авторы внимательно прочитали «Таллинское руководство». Однако видно, что это не было, говоря словами М. Горького, *чтение осмысленное и продуманное*, а — главное — авторы находятся в плену западного подхода. Безусловно, следует согласиться с приведенной на с. 62 оценкой, что «Таллинское руководство представляет собой... попытку заполнить международно-правовой вакуум в части поведения государств как непосредственных участников конфликтов в киберпространстве». Однако отнюдь не первую и едва ли серьезную. На эту тему проходило множество конференций, в том числе в том же НАТО, выпущено множество работ. Однако они не были так, говоря языком шоу-бизнеса, раскрыты.

Мне сейчас не хотелось бы отвлекать внимание читателя на частности, но разве можно считать серьезными правила, определяющие суверенитет, юрисдикцию и территорию государств в ходе киберконфликтов, если сами понятия *суверенитет* и *территория* в киберпространстве не определены и то же НАТО против его определения, хотя при этом распространяет статью 5 Вашингтонского договора на кибернападения. А правило 17, предписывающее в ходе конфликта представлять отчеты о кибероперациях в СБ ООН. Кто и как реально себе это представляет? Я уже не говорю о правилах, посвященных комбатантам, военнопленным, журналистам, священникам и пр.

В целом в отношении положений, касающихся международного права, у авторов наблюдаются явный крен к позитивной оценке западных инициатив и необоснованное принижение действий России на переговорном треке. Упрощенно такую позицию можно было свести к схеме: все, что делают США хорошо, потому что это делают США, а все, что делает Россия, плохо, потому что это делает Россия, исключением является только то, что Россия делает совместно с США.

С этих позиций нетрудно понять осуждение авторами всего, что Россия делает в интересах установления международной информационной безопасности, даже самого термина *международная информационная безопасность*. И, напротив, явное непонимание того, почему российские официальные эксперты и чиновники до сих пор никак не могут понять, что все, что предлагают США, НАТО и их партнеры разумно и просто ждет принятия.

И якобы российский бизнес тоже в недоумении. Однако известный российский предприниматель и специалист в области IT-технологий генеральный директор компании *Ашманов* и *партнеры* Игорь Ашманов думает по-другому. Фактически в ответ на этот вопрос он в своем интервью интернет-изданию *D-Russia* 25 декабря 2013 года, когда рассматриваемая книга еще писалась, заявил: «Превратить информационное пространство страны [России. — **А. Ф.**] в черное пятно для АНБ — это государственная задача»⁷. Не надо противопоставлять государство и бизнес. Разумный бизнес заинтересован в сильном государстве, способном выполнять делегированные ему обществом, включающим бизнес-сообщество, функции, в первую очередь обеспечение безопасности. Так думают не только в России. В Америке давно уже крылатой стала фраза: «Сила Силиконового долины основана на мощи армии США».

Вопрос вызывает и реализуемый в книге подход к проблеме управления интернетом. Авторы явно отталкиваются от традиционной пространственной модели. Они упорно используют термин *трансграничное управление*, то ли забыв о своей позиции глобальности и безграничности интернета и признавая возможность установления в нем каких-либо границ, то ли перенося в интернет-пространство географические границы государств, то ли что-то третье. В условиях неопределенности самого предмета рассмотрения — управления — такой подход подрывает и другого священного *кита* авторов — мультистейкхолдеризм.

В контексте рассматриваемой книги эта модель управления интернетом тоже лишена предмета. Вряд ли несколько миллиардов пользователей могут решать вопрос по типу новгородского вече или собрания граждан в греческих полисах. В древних Афинах такой способ управления назывался демагогия. Выработанные в то время и унаследовавшие это название приемы и сейчас широко используются в политике и рекламе.

Еще вопрос. *А отдельный заинтересованный пользователь* (также входящий в круг *стейкхолдеров*) — это кто: человек, компьютер, а может быть, просто идентификатор, которых у каждого человека, регулярно использующего интернет, десяток? А может быть, это программа, которая формирует нужную кому-то репрезентативную статистическую выборку? Такие примеры формирования *общественного мнения* уже есть, и такие программы известны. И это только первый вопрос, открывающий лишь самый верхний слой проблем. Дальше идут более сложные слои: бизнес, научное сообщество, государство, гражданское общество.

Однако для авторов книги, вероятно, все это ясно. Было бы очень интересно, если бы они сумели это объяснить читателям. А ведь те, прочитав приведенный на с. 81 пример «участия в управлении интернетом» такого стейкхолдера, как АНБ США, могут усомниться в оптимальности подобной модели. Понятно, в любом сообществе равных есть более и менее равные. Не ясно только, почему авторы вслед за *более равными* так упорно и бездоказательно рекламируют мультистейкхолдеризм. Кстати, американцы не скрывают своего подхода и, говоря о передаче полномочий ICANN и IANA другим структурам, заверяют, что дадут на это согласие, только в том случае, если те будут устраивать Вашингтон.

Исходя из материалов книги, можно подумать, что проблема, которой она посвящена, появилась не ранее как в последние 5–7 лет. Это далеко не так. Хотелось бы порекомендовать интересующимся читателям самостоятельно исправить пробел и посмотреть более раннюю библиографию на эту тему. Кроме политологических работ, появившихся еще в середине XX в. (см. сноску в начале статьи), с начала 1990-х гг. было множество предметных публикаций в США, а с середины 1990-х и в России. Параллельно шло множество конференций и круглых столов, материалы которых публиковались. В мае 1996 г. в Мидранде (ЮАР) прошла Международная конференция по глобальному информационному сообществу, в которой участвовали представители более 60 стран. В 1998 г. стартовал переговорный процесс в рамках ООН. Ситуация того времени нашла отражение в большой коллективной монографии⁸, изданной тем же ПИР-Центром еще в 2001 г.

Это были лишь отдельные мысли, возникшие у меня при чтении книги. Я не ставил перед собой задачу разбирать текст и заставлять читателя судить, кто прав, а кто нет. Мой вывод достаточно тривиален: книгу надо читать, а с документами работать. И большое спасибо авторам за то, что они выдвинули очень интересную идею и реализовали ее. Не ошибается, как известно, только тот, кто ничего не делает. И каждый вправе высказывать свое мнение, даже если оно удивительно похоже на ранее высказанное сильными мира сего.

Примечания

¹ Т. Рона еще в 1976 г. опубликовал книгу *Weapons System and Information War*. В той или иной степени вопросов безопасности в информационном обществе касались работы 70–80-х годов прошлого столетия Д. Белла, А. Гидденса, М. Либики, Л. Хиршхорна, Д. Нейсбита, И. Масуды и др. Некоторые, в том числе российские эксперты, считают, что все вопросы сетевой безопасности решены в работах С. Шеннона еще в начале 1960-х гг.

² Ревнителей *computer science* я попрошу не волноваться — я ни в коей мере не собираюсь умалять их права и заслуги, хотя пока никто мне не сумел объяснить, в чем состоят собственные предмет и метод этой науки и на какой теории, отличной от математических, она построена. Как известно, именно уникальность этой триады определяет науку как самостоятельную ветвь *древа познания*.

³ В одной из студенческих песен 1930–1950-х гг. пелось: «Нам электричество сделать все сумеет. Нам электричество и вспашет, и посеет. Нам электричество любой заменит труд. Нажал на кнопку — чик-чирик — все будет тут как тут». Да и тогда это воспринималось как социальная сатира.

⁴ Ссылка на употребление здесь не корректна — употребление не есть перевод, если автор-юрист пишет переводится, значит речь идет о переводе, а не об «употреблении в значении...».

⁵ U. S. DOD. Dictionary of Military Terms.

⁶ На этот счет есть целый ряд доступных посредством того же интернета документов Комитета начальников штабов армии США и военных наставлений родов войск, например, Joint Doctrine for Information Operations. Joint Pub. 3–13. W.: Joint Chiefs of Staff, 1998 или Joint Information Operations: Planning Handbook. AF InfoDiv, 2001. Кроме того, этим вопросам посвящено много статей, в частности, в журналах *Военная мысль* и *Международная жизнь*, да и в том же *Индексе Безопасности (Ядерном Контроле)*.

⁷ Игорь Ашманов: «Превратить внутреннее пространство страны в черное пятно для АНБ — да, это государственная задача». 2013, 25 декабря, <http://d-russia.ru/igor-ashmanov-prevratit-vnutrennee-prostranstvo-strany-v-chnoe-pyatno-dlya-anb-da-eto-gosudarstvennaya-zadacha.html> (последнее посещение — 5 ноября 2014 г.).

⁸ Информационные вызовы национальной и международной безопасности/И. Ю. Алексеева и др. Под общей редакцией А. В. Федорова и В. Н. Цыгичко. М.: ПИР-Центр, 2001. 328 с.

Бусурин Юрий Николаевич — исполняющий обязанности руководителя Проектного офиса по ядерной инфраструктуре ОАО *Концерн Росэнергоатом* Госкорпорации *Росатом* с 1 октября 2014 г. Окончил МИФИ в 1973 г. по специальности «физико-энергетические установки». С 1977 г. работает в атомной отрасли России, занимаясь международным научно-техническим сотрудничеством. Работал в секретариате МАГАТЭ, последний раз с 2010 по 2012 г. российским экспертом в Международном проекте по инновационным технологиям ядерных реакторов и ядерного топливного цикла (ИНПРО) МАГАТЭ. С конца 2012 по февраль 2014 г. — начальник Отдела ядерной инфраструктуры ЗАО *Русатом Оверсиз*.

Бычков Александр Викторович — заместитель генерального директора, руководитель Департамента ядерной энергии МАГАТЭ. Кандидат технических наук. В 1982 г. окончил химический факультет Московского государственного университета. С 1982 по 1992 г. работает в Химико-технологическом отделении (ХТО) НИИАРа в должностях сменного инженера-технолога, младшего научного сотрудника, научного сотрудника лаборатории топлива. С 1992 г. — начальник лаборатории топлива. С 1997 г. — начальник отдела топливного цикла ХТО. С 2000 г. — директор химико-технологического отделения института. С 1997 по 2002 г. возглавлял команду ученых, изучающих пироконверсию оружейного плутония в МОКС-топливо, в рамках американо-российского сотрудничества. С 2005 г. — заместитель генерального директора ФГУП *ГНЦ РФ НИИАР* по научной работе в области топливного цикла. С 2006 г. — генеральный директор ФГУП *ГНЦ РФ НИИАР*. Также возглавлял программу российско-американского международного партнерства по возвращению и утилизации отработанного высокообогащенного урана исследовательских реакторов, а также осуществлял совместную деятельность с институтами атомной энергетики Японии, Кореи, Франции и др. Является соавтором более 150 научных публикаций и обладателем 10 патентов. В феврале 2011 г. назначен на должность заместителя генерального директора МАГАТЭ. Награжден медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени, ведомственными знаками отличия «Академик И. В. Курчатов» II степени и «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — профессор департамента интегрированных коммуникаций *Национального исследовательского университета Высшая школа экономики* (НИУ ВШЭ). Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат политических наук. В 1989 г. окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. В 1989–1995 гг. работал в Институте США и Канады. С 1995 по 1999 г. работал в Российском институте стратегических исследований сначала старшим, а затем ведущим научным сотрудником. В 1999–2001 гг. работал заместителем главного редактора журнала *Новая Россия*. С 2001 по 2005 г. работал в *Компании развития общественных связей* (КРОС) вице-президентом по аналитическим и политическим проектам. С 2005 по 2006 г. работал директором департамента общественных связей государственного внешнеэкономического общества *Техснабэкспорт*. Позднее работал заместителем генерального директора некоммерческой организации *Национальная лабо-*

ратория внешней политики, директором Департамента стратегии коммуникаций ТНК-ВР. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Фейсбук: *dmitry.evstafyev.9*

Калинин Александр Николаевич — заместитель руководителя отдела реагирования на компьютерные инциденты *GROUP-IB*. Кандидат технических наук. В 1978 г. окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Долгие годы служил в ФАПСИ, последняя должность — помощник первого замгендиректора ФАПСИ. С 1993 г. — учредитель и совладелец компании *Компьюлинк*. В 1994–2000 гг. — генеральный директор *Ланк-Москва*. В 1999–2000 г. — генеральный директор *Ассоциации системной интеграции и разработки информационных и управляющих систем*, возглавлял НТЦ *Ландата*. В 2000–2002 гг. — первый заместитель директора, и. о. директора ФГУП *НИИ Восход*. В 2002 г. — главный конструктор ГАС *Выборы*. В 2002 г. — советник министра связи по вопросам информатизации. С 2003 г. — в Национальной компьютерной корпорации (НКК), с июля 2004 г. — первый вице-президент НКК по корпоративному управлению. В январе 2005 г. А. Калинин стал президентом НКК, в 2006 г. — президентом группы компаний *Аквариус*, а в 2008 г. — членом совета директоров Группы компаний *Систематика*. Адрес электронной почты: *kalinin@group-ib.ru*

Ладыгин Федор Иванович — советник генерального директора *Авиационной холдинговой компании Сухой*. Генерал-полковник (в отставке). В 1959 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н. Е. Жуковского. Также окончил Высшие академические курсы руководящего состава при Военной академии Генерального штаба ВС СССР. С 1959 г. служил в строевых частях, затем в НИИ РВСН. В 1964–1973 гг. — сотрудник ЦНИИ Министерства обороны СССР. В 1973 г. начал службу старшим офицером в ГРУ Генерального штаба МО СССР. В 1989–1990 гг. — начальник Информационного управления ГРУ. В 1990–1992 гг. — в должности начальника Международно-договорного управления Генерального штаба ВС принимал участие в подготовке международных договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения, в том числе Договора СНВ-1, Договора об ограничении обычных вооруженных сил в Европе, Договора по открытому небу, Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения. В 1992–1997 гг. — начальник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба ВС РФ. Являлся советником *Группы Глобал Консалтинг*. Вице-президент Союза ветеранов военной разведки. Член Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2002 г.

Лукацкий Алексей Викторович — бизнес-консультант по информационной безопасности *Cisco*. В 1996 г. окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА) по специальности «прикладная математика» (специализация — «Защита информации»). Входит в рабочую группу ЦБ по разработке требований по безопасности Национальной платежной системы (382-П). Участвует в экспертизе нормативно-правовых актов, в области информационной безопасности и персональных данных. Является участником Подкомитета № 1 «Защита информации в кредитно-финансовой сфере» Технического комитета № 122 «Стандартизация финансовых услуг» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Является участником Подкомитета № 127 «Методы и средства обеспечения безопасности ИТ» Технического комитета № 22 «Информационные технологии» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Является участником Технического комитета № 362 «Защита информации» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии и ФСТЭК. Член Консультативного совета при Роскомнадзоре по защите прав субъектов персональных данных. Член Рабочей группы при ПИР-Центре по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. С 2014 г. — член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *alukatsk@cisco.com*

Лысенко Михаил Николаевич — директор Департамента международного сотрудничества ГК *Росатом*. Чрезвычайный и Полномочный Посол. До 2008 г. — посол

РФ в Новой Зеландии. Ранее — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) МИД РФ. В 1977 г. окончил МГИМО. С 1977 г. работал в Министерстве иностранных дел. В 1992–1996 гг. — заместитель директора Департамента Северной Америки МИД РФ. В 1996–2000 гг. — советник посольства России в Канаде. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2004 г.

Медриш Михаил Абрамович — председатель Совета Координационного центра национальных доменов .RU/.РФ. С 2001 по 2010 г. и с 2012 г. по настоящее время — член Совета АНО Координационный центр национального домена сети Интернет. В 2013 и 2014 гг. — председатель совета. Один из авторитетнейших деятелей российского интернет-сообщества. С 2006 по 2011 г. работал техническим директором *Акадо-Столица* — крупнейшего российского оператора на рынке B2C услуг интернет и цифрового телевидения по кабельным сетям с количеством абонентов до 1 млн. С 2001 по 2003 г. работал техническим директором *MTU-Интел*, руководил технической частью первого в России проекта предоставления услуг массового широкополосного доступа в интернет с использованием технологии ADSL (позже бренд «Стрим»). Организовал первое в России тестирование IP TV вещания (позже бренд «Стрим–ТВ»). С 1995 по 2000 г. руководил проектом «Интернет» в рамках традиционного телекоммуникационного оператора *Комбеллга*. Проект входил в первую десятку российских интернет-проектов по размеру доходов в этот период. Принимал активное участие в разработке первых в России отраслевых нормативных документов интернета — руководящих отраслевых документов по передаче данных и по телематическим службам. Был одним из разработчиков технических требований к СОРМ на интернет-сетях. Является одним из ведущих экспертов в области международных вопросов, связанных с кибербезопасностью. Адрес электронной почты: medrish@gmail.com

Орлов Владимир Андреевич — кандидат политических наук. Является основателем (в 1994 г.) и директором ПИР-Центра. С 1994 г. — главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2007 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). Член Экспертного совета при Правительстве РФ. Член Экспертного совета по нераспространению и ядерной безопасности Всемирного экономического форума. Член Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Экспертного совета по противодействию коррупции при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции. Член редакционной коллегии журнала *The Washington Quarterly*. Основатель (в 1993 г.), ныне член Международного клуба *Триалог*. Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО (2010 г., сессии Подготовительного комитета 2012–2014 гг.). Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). С 2014 г. — заведующий Центром глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Занимается активной научной, просветительской, преподавательской и консультационной деятельностью в России и за рубежом. Преполагает в МГИМО (У) МИД РФ. Автор (соавтор) более 10 книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org. Твиттер: [Orlov_pircenter](https://twitter.com/Orlov_pircenter). Фейсбук: [VladimirAOrloff](https://www.facebook.com/VladimirAOrloff)

Санаи Мехди — Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в России. В 1992 г. окончил Тегеранский университет. В 1995 г. магистратуру по международным отношениям Тегеранского университета. В 1995–1996 гг. — советник по культуре Посольства Ирана в Казахстане. В 1999–2003 гг. — советник по культуре Посольства Ирана в России. В 1999–2003 гг. — приглашенный профессор политологии в Московском университете гуманитарных наук. В 2001 г. защитил диссертацию кандидата политических наук в Российской академии наук. В 2003–2005 гг. — заместитель по научно-образовательным вопросам Организации культуры и исламских связей. С 2004 г. — генеральный директор исследовательского учреждения ИРАС (вопросы России, Центральной Азии и Кавказа). В 2005–2006 гг. — руководитель Института культуры региональной организации ЭКО. Также был доцентом кафедры мировых исследований Тегеранского университета. С 2005 г. директор группы исследования России кафедры мировых исследований Тегеранского университета. С 2008 г. депутат 8-го и 9-го созывов Медж-

лиса Исламского Совета (парламента Исламской Республики Иран). В том числе заместитель руководителя Комитета иностранных отношений Комиссии по национальной безопасности и внешней политике, представитель Меджлиса по делам Каспийского моря, руководитель группы парламентской дружбы с Россией и Украиной. Член Академии общественных наук Казахстана. Член редакционной коллегии научного издания *Глобальные Исследования*. Главный редактор ежеквартального издания кафедры мировых исследований. Член Совета по выработке политики Диалога религий. Лауреат международной премии *Книга года в Исламской Республике Иран*, в 2003 г., в иностранной номинации, за книгу *Социально-политические отношения Ирана и Центральной Азии* (кандидатская диссертация). В 2003 г. был награжден почетной грамотой РУДН за университетское сотрудничество. Автор многочисленных книг и статей на персидском, русском и английском языках. Член Международной экспертной группы ПИР-Центр. Фейсбук: drsanaei

Сафранчук Иван Алексеевич — доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ. Кандидат политических наук. В 1998 г. с отличием окончил МГИМО (У) МИД РФ. В 1997–2001 гг. — научный сотрудник ПИР-Центра и директор проекта *Контроль над ядерными вооружениями*. В 2001–2007 гг. — директор российского представительства международного Центра оборонной информации, впоследствии — Института мировой безопасности. В 2008–2010 гг. — главный редактор журнала *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. В 2010–2013 гг. — заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. Член Совета по внешней и оборонной политике.

Степанова Екатерина Андреевна — руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов и ведущий научный сотрудник Отдела международных политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Член Совета ПИР-Центра. Выпускница исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор политических наук. В 1995–2000 гг. — координатор программ и исследователь внешней политики и безопасности в Московском центре Карнеги. В 1998 г. стажировалась в Королевском колледже Лондонского университета. В 2003 г. работала приглашенным исследователем в Стокгольмском международном институте проблем мира (СИПРИ). В 2000–2009 гг. возглавляла Группу по нетрадиционным угрозам безопасности в Центре международной безопасности ИМЭМО РАН. В 2007–2009 гг. возглавляла программу по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов СИПРИ. В 2009–2012 гг. — приглашенный лектор в Европейском университете проблем мира, Австрия. Преполагает на международных программах Европейского университета в Санкт-Петербурге. Приглашенный лектор в Женевском центре политики безопасности (GCSP). Член международной экспертной группы Глобального индекса мира (Global Peace Index), Российско-американской экспертной группы по афганскому наркотрафику, Консультативного совета программы *Security in Transition* Лондонской школы экономики и политических наук (LSE) и Академического совета по системе ООН (ACUNS). Входит в состав редколлегий международных рецензируемых журналов *Global Governance*, *Terrorism and Political Violence* и *International Journal of Conflict and Violence*, а также российских журналов *Пути к Миру* и *Безопасности и Индекс Безопасности*. Сферы научных интересов: вооруженные конфликты, терроризм, повстанческие движения; политэкономия конфликтов; сетевые структуры и насилие; одностороннее насилие против гражданского населения; мирные процессы и восстановление мира. Адрес электронной почты: stepanova@imemo.ru

Рауф Тарик — директор программы по контролю над вооружениями и нераспространению СИПРИ. В 2012–2014 гг. — руководитель *Global Nuclear Solutions, Inc.* До 2012 г. — руководитель департамента по контролю и координации политики в области безопасности МАГАТЭ. Научный секретарь в экспертной группе при Генеральном директоре МАГАТЭ по многосторонним подходам в ядерной области (2004–2005 гг.). С 1995 по 2002 гг. — директор программы международных организаций и нераспространения в Центре изучения проблем нераспространения в Монтерейском институте международных исследований. В 1990–2002 гг. —

советник и эксперт по нераспространению при министре иностранных дел и департаменте иностранных дел и международной торговли (парламент Канады) при комитете Палаты общин по международным делам и международной торговле (парламент Канады). В 1986–1995 гг. — старший научный сотрудник в Канадском центре изучения проблем глобальной безопасности (в настоящее время — Канадский центр разоружения и контроля над вооружениями) в Оттаве. Эксперт-советник при Канберрской комиссии по уничтожению оружия массового уничтожения, 1995 г. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2013 г. Адрес электронной почты: rauf@sipri.org

Тарусин Виктор Иванович — исполнительный директор Делового Совета Россия–АСЕАН. Подполковник запаса. Ветеран миротворческой операции ООН в Югославии. В 1983 г. окончил Военный институт Министерства обороны, в 2006 — Академию нефти и газа им. И. М. Губкина. Владеет китайским, английским и испанским языками. С 1996 г. по настоящее время работает в нефтегазовой промышленности России, а с 2007 г. — Индонезии. Является президентом Благотворительного фонда ветеранов миротворческих миссий ООН «Миротворец».

Туан Ан Хоанг — генеральный директор Вьетнамского агентства по атомной энергии (ВБАЭ) при Министерстве науки и технологии, и член Национального совета по атомной энергии. Также занимает должность заместителя главы подкомитета по развитию человеческих ресурсов и общественной информации в рамках государственного Комитета по развитию ядерно-энергетического проекта *Ниньхуан*. В 1981 г. окончил Ханойский технологический университет по специальности «ядерная техника». В 2001 г. защитил диссертацию по физике в Технологическом университете Ханоя. Адрес электронной почты: hatuan@most.gov.vn

Федоров Александр Валентинович — эксперт в сфере информационной безопасности. Кандидат физико-математических наук. После окончания учебы в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова работал в учреждениях государственного аппарата. Занимался проблемами разоружения и нераспространения ОМУ. В последнее время ведет активную научную и практическую деятельность в сфере международной и информационной безопасности, а также борьбы с международным терроризмом. Редактор и соавтор монографий: *Информационные вызовы национальной и международной безопасности и Супертерроризм: новый вызов нового века*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2001 г. Член Рабочей группы при ПИР-Центре по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат исторических наук, профессор. Член Чешской ассоциации международных исследований. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1970–1973 гг. — аспирант ИМЭМО АН СССР. С 1969 по 1971 г. — младший научный сотрудник Института конкретных социологических исследований АН СССР. В 1971–1989 гг. прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО. В 1989–1991 гг. — старший референт, руководитель группы Международного отдела ЦК КПСС. В 1991–2001 гг. — доцент, профессор кафедры политологии МГИМО МИД РФ. В 1995 г. читал лекции в King's College (Лондон) по программе исследований проблем безопасности в посткоммунистическом обществе. В 1998–2001 гг. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. В 2003–2006 гг. — профессор кафедры политической теории, директор Центра исследований проблем войны и мира МГИМО (У) МИД РФ. Позднее работал в Королевском институте международных отношений (Chatham House, Лондон). Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Шадурский Андрей Викторович — старший преподаватель кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ. Выпускник

экономического факультета СПбГУ и факультета международных отношений СПбГУ. Кандидат политических наук. В 2008–2009 гг. — приглашенный исследователь Швейцарского института международной экономики и прикладных экономических исследований (Санкт-Галлен) при поддержке Швейцарской федеральной стипендии. В 2007–2010 гг. — эксперт института мониторинга развития демократии МПА СНГ. Выпускник Международной летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2013). Сфера научных интересов: энергетическая безопасность, рынки природного газа, экономика европейской интеграции. Адрес электронной почты: a.shadurskiy@spbu.ru

Якушев Михаил Владимирович — вице-президент ICANN по России, СНГ и Восточной Европе. Юрист, специалист в области информационной безопасности. Занимается вопросами информационного права, в том числе вопросами доступа к информации. Соавтор большинства законопроектов в области использования информационных технологий. Работал в российском представительстве компании Microsoft и отвечал за взаимодействие корпорации с органами власти в Российской Федерации и других странах СНГ. Представлял Российскую Федерацию в рабочей группе по юридическим вопросам *Большой Восьмерки*. В 2004 г. — член рабочей группы по управлению интернетом при Генеральном секретаре ООН. Являлся председателем рабочей группы ПИР-Центра при Экспертно-консультативном совете по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом в 2012–2014 гг. Занимал должности директора службы информационной безопасности PayPal, вице-президента Mail.ru Group, председателя Совета Координационного центра национального домена сети интернет, управляющего директора DST Advisors.

Ярных Андрей Юрьевич — руководитель стратегических проектов ЗАО *Лаборатория Касперского*. Окончил МПГУ в 1993 г. и МГОУ в 2003 г. Входит в правление Региональной общественной организации *Центр Интернет-технологий*, является экспертом по вирусной безопасности в проектах горячая линия *Дружественный Рунет* и *Центра безопасного интернета в России*. В 2008 г. — член группы экспертов на встрече стран G8 в Германии, по вопросам противодействию ботнет-сетям и вирусным угрозам. В 2009 г. проявил себя как активный участник мероприятий, проходящих в рамках Года безопасного интернета в России, при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Награжден ведомственной наградой — почетный диплом Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. В 2011 г. — эксперт Российской делегации в Вене и Страсбурге по вопросам противодействия киберугрозам в сети интернет. Участник совещания по безопасности Россия–Белоруссия, г. Гродно. РАЭК — председатель комиссии по информационной безопасности и киберпреступности. С 2009 г. по настоящее время А. Ю. Ярных ведет преподавательскую деятельность в институте Массмедиа РГГУ, курс лекций по информационной безопасности в сети интернет. Адрес электронной почты: andrey.yarnikh@kaspersky.com